РОДИНА

10 — 1993

ISSN 0235-7089

Фото Валерия Арутюнова

ПРОСТРЕЛЕННАЯ «РОДИНА». 4 октября 1993 года.

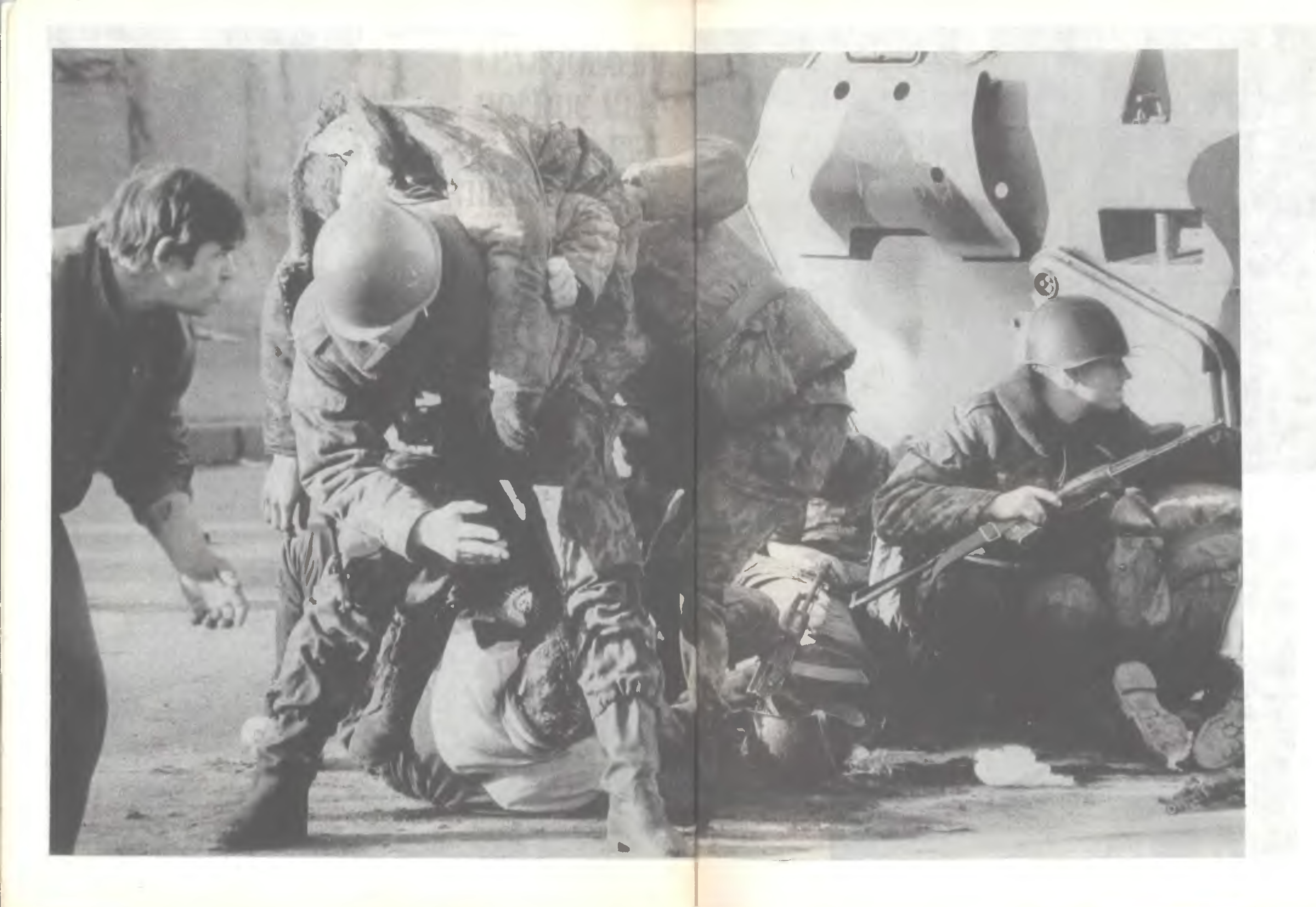

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В МОСКВЕ: ПРОЛОГ ИЛИ ЭПИЛОГ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ?

Фотографии Юрия Штукина

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: СОВЕТ МИНИСТРОВ — ПРАВИТЕЛЬСТВО РФ

№ 10 — 1993

Выходит с января 1989 г.

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина». Компьютерная верстка **Т. А. Киселевой.**

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЙ БОРИСОВ,
кандидат исторических наук

ИВАН КАЛИТА

МЕЖДУ ДВУХ ГИГАНТОВ-БОЙЦОВ — АЛЕКСАНДРОМ НЕВСКИМ И ДМИТРИЕМ ДОНСКИМ — МРАЧНОЙ ТЕНЬЮ СТОИТ ИВАН КАЛИТА.

Внук одного героя и дед другого, Иван стал воплощением хитрости, вероломства и других далеко не героических качеств. Этот миф о Калите родился около ста лет назад. Историк-разночинец Василий Ключевский, не любивший аристократию вообще и старых московских князей в частности, высказал ехидное предположение, что свое оригинальное прозвище князь Иван получил... за скупость. Между тем древние исторические источники (в частности, Волоколамский патерик) сообщают, что князь был прозван Калитой за то, что всегда носил на поясе кошель — «калиту», из которой в любую минуту готов был подать милостыню нищим.
Злая профессорская шутка пошла гулять по страницам учебников как бесспорный факт. Образ «князя-скопидома», как назвал Ивана Калиту Ключевский, стал нарицательным. В школьной истории России оказалось одним достойным человеком меньше — и одной карикатурой больше.
Каким же он был в действительности, этот почти скрытый мраком минувшего родоначальник Московского государства?

Ни один летописец не отметил рождения Ивана — четвертого сына в семье московского князя Даниила. По-видимому, это произошло в конце 1280-х годов. Московское княжество было тогда самым маленьким из среднерусских уделов. Оно ровно ничем не выделялось среди прочих. Здесь, за кулисами тогдашней политической сцены, было тихо, мирно и скучно.

Между тем старшие братья Даниила Московского — Дмитрий Переяславский и Андрей Городецкий сотрясали всю Северо-Восточную Русь своим единоборством. Вырывая друг у друга титул великого князя и право сесть на Владимирский престол, они заливали страну кровью. Андрей приводил на Русь отряды татар, надеясь с их помощью решить спор в свою пользу.

Вражда между братьями стала причиной «Дюденевой рати» — страшного нашествия татар под предводительством Дюденя в 1293 году. Москва была одним из 14 русских городов, разоренных татарами во время этого похода. Вероятно, именно кровавый ужас «Дюденевой рати» стал самым сильным впечатлением детских лет князя Ивана.

Получив долгожданное великое княжение Владимирское, Андрей Городецкий стал притеснять более слабых князей. Не желая подчиняться его произволу, московский князь Даниил искал дружбы своего двоюродного брата Михаила Ярославича Тверского. Вместе они успешно противостояли натиску властолюбивого великого князя. Политическое значение Твери и Москвы в этот период быстро возрастает. Сюда устремляются толпы беженцев и переселенцев из разоренных княжескими войнами и татарскими набегами районов.

5 марта 1303 года умер князь Даниил Московский. По одним сведениям, его похоронили в Архангельском соборе Московского Кремля, а по другим — в основанном им Даниловом монастыре.

Московское княжество было столь маленьким, что Даниил, судя по всему, не стал делить его на уделы между своими пятью сыновьями. Старший из них, Юрий, получил Московское княжение и вскоре вступил в борьбу за великое княжение Владимирское с Михаилом Тверским. Младшие братья Юрия — Александр, Борис, Иван и Афанасий приняли участие в этой борьбе в качестве подручных. По-видимому, старший брат дал им понять, что право на собственный удел надо еще заслужить.

Борьба между Юрием Московским и тверскими князьями продолжалась с переменным успехом около 20 лет: с 1305 по 1325 год. Она стала хорошей школой военного и дипломатического искусства для князя Ивана. Летописцы постепенно начинают замечать его. В 1305 году он был послан Юрием защищать Переяславль-Залесский от тверской рати и успешно справился с этой задачей. Князь Иван в отличие от других братьев был всецело предан Юрию. В 1307

году, когда старшие братья Александр и Борис, поссорившись с Юрием, бежали в Тверь, Иван сохранил спокойствие.

Лихорадочно метавшийся между Новгородом и ханской ставкой, князь Юрий редко бывал в Москве. Можно думать, что во время его долгих отлучек Иван исполнял обязанности наместника. Другой брат, князь Борис, примирившись с Юрием, стал его наместником в стольном Владимире. Там он и умер 30 мая 1320 года. Его прах был погребен под древними сводами владимирского Успенского собора.

Постепенно Юрий вводит Ивана в святая святых тогдашней московской политики — ордынские дела. В 1320 году Иван самостоятельно ездил в ханскую ставку и через два года вернулся оттуда с большим татарским отрядом («Ахмыловой ратью»), разорившим ярославскую и ростовскую земли. Вероятно, это была месть местным князьям, дружившим с тверскими правителями.

В 1325 году наступила внезапная развязка московско-тверского спора. В приступе слепой ярости тверской князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи убил в Орде московского князя Юрия и вскоре был казнен за этот самосуд по приказу хана Узбека. Судьба распорядилась так, что к этому времени старших братьев Ивана Калиты Александра и Бориса уже не было в живых. Как и Юрий, они умерли бездетными. Московский престол в результате этой удивительной цепочки случайностей перешел к четвертому брату — Ивану.

Столь неожиданно получив власть, Иван, несомненно, увидел в этом знак провидения. Сам Всевышний привел его к власти через пропасти невозможного по шатким мосткам случайностей. Это налагало на него небывалую ответственность. Он ощутил себя призванным для совершения великих дел. Его власть должна была стать властью Божьего избранника.

Прежде всего ему нужны были новые подходы, новые принципы, новое отношение к своему княжескому ремеслу. Все это дала ему Библия, которую он читал так же внимательно, как и его великий предок — киевский князь Владимир Мономах. Именно здесь, в огненных глаголах пророков, в тихом свете Евангелия, он неожиданно нашел то, что искал, — практические решения трудноразрешимых политических вопросов.

«Не воздавайте злом за зло», — учил апостол (1 Пет., 3, 9). Совет этот для многих казался неисполнимым. Но князь Иван решил исполнить его — и результаты превзошли все его ожидания.

Сначала новый московский князь решительно отказался от замешенной на крови политики, которую упрямо и безрезультатно проводил его старший брат Юрий. За 20 лет постоянных войн Юрий, в сущности, ни на шаг не продвинулся вперед. После его гибели и казни Дмитрия Тверского хан Узбек передал ярлык на великое княжение Владимирское князю Александру Тверскому — брату казненного.

Непримиримая, всепоглощающая борьба за власть с оружием в руках стала дурной традицией потомков Александра Невского и его брата Ярослава Тверского. Эта позиция упрямого лобового противостояния сильнейших русских князей отвечала стратегическим интересам Орды и будила охотничий азарт ее правителей, ставивших то на одного, то на другого соперника. Однако такая политика привела Владимирскую Русь к глубокому кризису; теперь она вела в тупик и новую, московско-тверскую геополитическую систему.

Обычно новые правители начинали с новых войн и поборов. Иван начал свое княжение с возведения храма.

4 августа 1326 года в Москве началось строительство собора во имя Успения Божией Матери. По свидетельству летописи, это была «первая церковь камена на Москве».

Вместе с князем Иваном первый камень в основание храма положил первосвятитель Русской церкви митрополит Петр. Он часто бывал в Москве, имел добрые отношения с московскими князьями, которые в 1310 году защитили его от нападок со стороны тверского князя и епископа. Вероятно, именно митрополит Петр научил князя Ивана библейскому взгляду на свою политическую деятельность.

Митрополит благословил постройку в Москве каменного собора, имя которого многозначительно повторяло имя главного собора стольного Владимира. Известно также, что Петр дал князю Ивану деньги, позволившие быстро, в течение всего одного года, завершить строительство. 14 августа 1327 года, в канун престольного праздника, собор был торжественно освящен. В его стенах был погребен умерший 21 декабря 1326 года первосвятитель. Вскоре князь Иван добился причисления Петра к лику святых. Гробница святителя стала главной святыней Москвы.

Историки много и часто преувеличенно писали о той практической пользе, которую принесла московским князьям дружба с митрополитами. Главное, однако, заключалось в том, что Иван Калита совершил своего рода переворот в политике, превратив борьбу за верховную власть в Северо-Восточной Руси из задачи преимущественно военно-политической в задачу национально-религиозную. Однако к этому князь Иван пришел отнюдь не сразу.

В те дни, когда в Москве праздновали освящение нового собора и совершали в нем первую торжественную службу, в Твери разворачивались события совсем иного, драматического характера. 15 августа 1327 года тверичи взялись за оружие и уничтожили находившийся в городе большой татарский отряд под предводительством Чолхана.

Вызванная наглостью и произволом чужеземцев вспышка народного гнева дорого обошлась тверской земле. Узнав о происшедшем, ордынский «царь» Узбек отправил в русские земли большую карательную экспедицию — «Федорчукову рать». Татары шли на Русь, уничтожая все на своем пути. Московский князь Иван с дружиной по распоряжению хана должен был присоединиться к татарам и принять участие в погроме тверской земли. Летопись так повествует об этих событиях: «Бысть тогда великая рать татарская, Федорчюк, Туралык, Сюга, 5 темников воевод, а с ними

князь Иван Данилович Московский, по повелению цареву, и шед ратью, плениша Тферь и Кашин и прочия городы и волости, и села, и все княжение Тферское взяша и пусто сътвориша, и бысть тогда земли великая тягость и много томлениа, множества ради грех наших, кровь християнская проливаема бываше от поганых татар, овых в полон поведоша, а другиа мечи изсекоша, а иныа стрелами истреляше и всяким оружием погубиша и смерти предаша...»

Во время этого страшного нашествия татары обошли стороной московские земли. Историки спешат объяснить это вполне «земными» причинами: расторопностью Ивана Калиты, отправившегося в Орду с изъявлением своей преданности сразу же после тверского мятежа; политическими расчетами хана. Однако люди той эпохи придерживались иного, провиденциального взгляда на события. Согласно этому взгляду, первопричина всего — воля Божия. Он казнит и милует людей по своему соизволению и по их заслугам.

Ключевой идеей религиозно-политической мысли Средневековья была мысль о взаимной ответственности правителя и народа перед Богом. «За государьское согрешение Бог всю землю казнит», — утверждал известный русский мыслитель XV века Иосиф Волоцкий. Равным образом и благочестие государя должно было вызвать милость Божию к его подданным. Исходя их этих представлений, летописец так объяснил спасение Москвы от «Федорчуковой рати»: «Господь своею милостию заступил благоверного князя нашего Ивана Даниловича и его ради Москву и всю его отчину от иноплеменник, от поганых татар».

Узнав о приближении «Федорчуковой рати», князь Александр Тверской бежал с семьей во Псков, где провел в изгнании около 10 лет.

Престол в разоренной Твери занял его младший брат — смиренный князь Константин Михайлович. Иван Калита получил от хана право на управление половиной территории великого княжения Владимирского. Другую половину Узбек передал суздальскому князю Александру Васильевичу. После его кончины в 1332 году Иван получил власть над всем великим княжением.

Необычайно благоприятная для Москвы политическая обстановка в Северо-Восточной Руси позволила князю Ивану в 1329—1333 годах осуществить небывалое по размаху каменное строительство в Московском Кремле. Оно должно было укрепить в людях веру в «богоизбранность» московского князя, превратить Москву в новое средоточие русского благочестия.

Весной 1329 года в Московском Кремле закипела работа: копали рвы под фундамент, обтесывали заготовленный еще «по зимнему пути» белый камень, подвозили бревна для возведения строительных лесов. По свидетельству летописи, новый каменный храм во имя преподобного Иоанна Лествичника был заложен 21 мая 1329 года и уже 1 сентября того же года освящен. Это был одноглавый храм, посвященный древнему христианскому подвижнику Иоанну Лествичнику (VII в.н.э.). Созданный им знаменитый трактат «Лествица» был настольной книгой русских иноков. Полагают, что Иван Калита был назван в честь преподобного Иоанна Лествичника и считал его своим небесным покровителем. Несомненно, московский князь, любивший книги и христианское благочестие, не раз перечитывал «Лествицу», размышлял над ее образами и идеями.

Храм во имя Иоанна Лествичника — древняя основа современной колокольни Ивана Великого — представлял собой оригинальное сооружение типа башнеобразной колокольни и был, по мнению исследователей, первым в своем роде не только в Москве, но и в Северо-Восточной Руси. Высоко поднявшийся на кремлевском холме храм мог служить и дозорной башней. Однако главное его назначение состояло в том, чтобы стать своего рода памятником «богоизбранному» князю Ивану и его семейству. За три года до его постройки, «месяца марта в 30, на память святого преподобного отца Ивана Лествичника, князю Ивану Даниловичу родился сын и наречен бысть Иван». День освящения храма, 1 сентября, «на память святого отца Симеона Столпника», указывал на другого сына Калиты — Семена.

Известно, что в ту эпоху придавалось особое значение всякого рода совпадениям. Церковный календарь «Месяцеслов» служил инструментом, с помощью которого пытались угадать сокровенный, провиденциальный смысл событий. Именно поэтому летописцы тщательно фиксировали даты событий, постоянно отмечая, память какого святого или праздника чествуется в этот день.

О многом говорит и выбор дня для закладки храма-памятника. Это торжество состоялось 21 мая, «на память святого правоверного царя Константина и матере его Елены». Сравнение Ивана Калиты с императором Константином Великим, поборником христианства, находим и в известной записи в Сийском евангелии 1340 года. Эта запись представляет собой своего рода краткое похвальное слово Ивану Калите, в котором он предстает во всем величии своего государственного служения.

В том же 1329 году при Успенском соборе Московского Кремля был устроен придел Поклонения веригам апостола Петра. Он был заложен в неурочное время — 13 августа. Обычно строительные работы начинались весной и заканчивались осенью. Отступления от общего правила всегда были обусловлены какими-то особыми обстоятельствами. В данном случае таковым явилась занятость мастеров на строительстве храма Иоанна Лествичника.

Освящение придела Поклонения веригам состоялось 14 октября 1329 года, в день памяти Протасия — святого, одноименного московскому тысяцкому Протасию. Душеприказчик митрополита Петра и второй человек в Москве после князя, Протасий, очевидно, руководил кремлевским строительством. Известно, что после смерти Калиты он достраивал собор Богоявленского монастыря в Москве на посаде.

Со временем придел Поклонения веригам, представлявший собой небольшую церковь, примыкавшую к Успенскому собору, превратился в усыпальницу митрополитов. Здесь был погребен умерший в 1353 году митрополит Феогност (р. в 1328).

Необычное, уникальное посвящение придела — в честь вериг апостола Петра — было весьма многозначительным. Лаконизм источников не позволяет детально воссоздать пеструю и причудливую ткань духовных представлений ранней Москвы. Однако ясно, что имя «первоверховного» апостола Петра ассоциировалось с первым московским святым — митрополитом Петром. Чудесное спадение вериг с апостола Петра и изведение его ангелом из темницы напоминало об освобождении митрополита Петра от тяжких обвинений, возведенных на него тверским князем и епископом на церковном соборе 1310 года в Переяславле-Залесском.

И все же помимо этих явных, конкретных аналогий могли быть и иные, личные, сокровенные. Князь Иван не мог не знать одного известного суждения из «Лествицы» Иоанна Лествичника: «Святые добродетели подобны лествице Иакова, а непотребные страсти — узам, спадшим с верховного Петра». Чудо спадения вериг с апостола Петра, которому был посвящен придел, символизировало духовное обновление, освобождение от злобы и вражды.

Весной 1330 года в Московском Кремле, близ княжеского дворца, было начато строительство каменной церкви в честь Спаса Преображения. Она должна была стать собором основанного при ней домового княжеского монастыря. Князь богато одарил монастырь «иконами и книгами, и съсуды и всякыми узорочии», учредил в нем архимандритию. Монастыри, настоятели которых имели сан архимандрита, были тогда очень немногочисленны. Во главе новой обители князь поставил инока Ивана, отличавшегося благоразумием, красноречием и любовью к книгам. Есть основания полагать, что Спасский монастырь со времен Калиты стал центром московского княжеского летописания.

Основание монастыря при княжеском дворе имело и то немаловажное удобство, что князь мог лично наблюдать за поведением иноков и выделять среди них толковых и преданных людей. Этим лучшим он со временем прокладывал дорогу к высшим церковным должностям в Северо-Восточной Руси. Примечательно, что уже первый спасский архимандрит Иоанн был позднее возведен на ростовскую епископскую кафедру.

Тяжелые обстоятельства 1331—1332 годов на время приостановили осуществление строительной программы Ивана Калиты. 3 мая 1331 года «погоре город Кремник на Москве». Восстановление пострадавшего от пожара Московского Кремля отвлекло строителей соборов. В следующем году «бысть меженина велика в земле Русьской дороговь и глад хлебныи, и скудота всякого жита».

Несчастья общественные пришли об руку с бедами семейными. 1 марта 1331 года умерла жена Ивана Калиты княгиня Елена. Перед смертью она приняла монашеский постриг и была похоронена в соборе кремлевского Спасского монастыря. По истечении положенного срока князь женился во второй раз. В новом браке у него также были дети, о которых он заботливо упоминает в своем завещании, написанном в 1339 году.

Несмотря на целую череду несчастий, князь Иван сумел завершить свою строительную программу. Ее венцом стало возведение белокаменного собора Михаила Архангела в 1333 году. Старый, почерневший от времени деревянный Архангельский собор, построенный, кажется, еще во времена правившего в Москве в середине XIII века князя Михаила Хоробрита, выглядел досадным анахронизмом рядом с новыми белокаменными храмами. Успенский собор был призван служить усыпальницей иерархов, Архангельский — московских князей.

День для освящения нового собора был выбран самим Иваном Калитой. 20 сентября церковь прославляла святого князя Михаила Черниговского, казненного в Орде в 1246 году за отказ поклониться местным святыням. Имя этого князя-мученика символизировало готовность к самопожертвованию, непокорность Орде. Особо чтили память Михаила Черниговского в ростовской и брянско-черниговской землях, то есть как раз в тех районах, откуда шел основной поток переселенцев в московское княжество. (Известно, что в XVI веке в Московском Кремле существовала церковь во имя Михаила Черниговского. В ней были помещены мощи благоверного князя, перенесенные из Чернигова в Москву по приказу Ивана Грозного в 1575 году).

Особенности строительной программы Ивана Калиты (посвящение престолов, даты закладки и освящения храмов) свидетельствуют о том, что князь стремился иметь в Москве престолы в честь главных образов русского православия, которые в ту пору политического разобщения служили одновременно и символами регионального патриотизма. Киевская и Владимиро-Суздальская земли издавна отличались особым значением храмов во имя Успения Божией Матери, ростовские и тверские — во имя Спаса Преображения. В Нижнем Новгороде главный собор был Спасским, а второй по значению храм — Архангельским. Небесного воителя очень чтили и в Новгороде. По преданию, именно он спас город от нашествия Батыя в 1238 году.Историки давно отметили, что московские князья XIV века вели кропотливую работу по «собиранию земли и власти». К этому можно добавить, что со времен Ивана Калиты они заботились и о «собирании» общезначимых духовных ценностей. Эта незримая работа не менее, чем успешные военно-политические акции, способствовала повышению авторитета Москвы в русских землях. При Калите зародилась мысль об особом покровительстве Москве со стороны Божией Матери, ставшая мощной духовной доминантой в эпоху Куликовской битвы. Сын Ивана Калиты князь Семен Гордый в завещании умолял наследников сохранить единство, чтобы «свеча не угасла». Эта символическая свеча — духовное оправдание реальной политики — была зажжена на кремлевском холме Иваном Калитой.

Строительная активность Ивана Калиты была как бы фоном, на котором по-особому воспринималась его государственная деятельность. Ее содержание сводилось к двум великим принципам: мир и порядок.

«Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (от Матфея, 5, 9). Князь Иван искал возможности воплотить этот евангельский завет в жизнь. Его политическая деятельность имела целью обеспечить мир внутри страны, а также мир внешний, связанный с предотвращением новых татарских нашествий.

Внутренний мир, как показывал весь исторический опыт Руси, мог быть достигнут только на путях единовластия.

Главным средством достижения единовластия издавна была война. Этим путем шел старший брат Калиты князь Юрий. И современники вынесли ему свой строгий приговор, отметив, что при этом князе «сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князех которы, и веци скоротишася человеком».

Без насилия не мог, конечно, обойтись и Иван Калита. В 1329 году он ходил войной на псковичей, давших пристанище его врагу, тверскому князю Александру. Воевал князь Иван и с вечно непокорными новгородцами.

«Судьба всегда на той стороне, где лучшая армия», — утверждал Макиавелли. Заботясь об укреплении московского войска, Калита охотно принимал к себе на службу переселенцев из других княжеств и земель. Простых людей он старался привлечь всевозможными льготами, а знатных — обширными вотчинами, обильными «кормлениями». Родоначальники многих старых московских аристократических фамилий — в том числе Годуновых и Романовых — приехали в Москву из других земель во времена Калиты.

Князь Иван, кажется, первым из правителей Руси понял огромное значение служилого землевладения как социальной опоры самодержавия. Во всяком случае, первое упоминаемое в источниках поместье было дано Калитой некоему Борису Воркову. Этого ростовского помещика, служившего московским князьям, можно признать первым русским дворянином.

Предусмотрительно усиливая свое войско и возводя крепости, князь Иван, однако, не любил войны и предпочитал добиваться своих целей мирными, бескровными средствами. В конфликте с псковичами он прибегал к помощи митрополита — и достиг успеха. Свое влияние на нужных ему правителей он укреплял и с помощью брачных уз. Одна из его дочерей была замужем за ростовским князем, другая — за ярославским, третья — за белозерским.

Но особенно действенным средством подчинения стали деньги. Калита покупал в чужих землях села и волости, советовал делать то же своим боярам. Сам он приобрел в Орде ханские ярлыки — грамоты, дающие ему право на управление целыми областями. В завещании Дмитрия Донского города Углич, Галич и Белоозеро названы «куплями» Иваиа Калиты. Историков давно занимает вопрос: откуда князь брал деньги для своих приобретений? Одни полагают, что он утаивал часть ордынской дани, другие считают, что он резко увеличил торговлю хлебом, третьи указывают на освоение им богатых пушниной областей русского Севера.

Но все это не более чем версии. Заметим, что от исследователей как-то ускользало самое простое и, как нам кажется, естественное объяснение. Иван Калита твердой рукой навел относительный порядок в том беспределе анархии, воровства и местного произвола, который царил на Руси. Огромное количество средств (в том числе и тех, которые должны были идти на выплату ордынской дани) попросту разворовывалось всякого рода «сильными людьми». Эту вакханалию грабежа дополнял разбой на дорогах.

Один из древних источников с похвалой отзывается об Иване Калите за то, что он «исправи землю Рускую от татей», то есть избавил ее от грабителей. Можно только догадываться, каких усилий это ему стоило. Конечно, главными ворами всегда были представители местной знати. С ними князь Иван расправлялся круто. Известно например, что в Ростове его воеводы (едва ли по собственной инициативе) побоями заставляли местных богачей отдавать свое имущество. Старейшего боярина Аверкия, главу городской администрации, они подвесили за ноги, также, вероятно, добиваясь от него выдачи спрятанных сокровищ.

Разумеется, наведение порядка потребовало укрепления системы суда и администрации. Современники особенно хвалили князя Ивана за то, что он «правду любил и суд не по мзде судил».

Собранные разными способами богатства Иван Калита немедленно пускал в дело. Князь Иван не имел ничего общего с пушкинским «скупым рыцарем». Его личная казна была почти всегда пуста. Завещание Калиты, написанное в 1339 году, — это, в сущности, завещание бедного человека. Ему почти нечего оставить наследникам, кроме земли, власти и доброго имени. Глава всей Северо-Восточной Руси, он завещает сыновьям свои ритуальные украшения — золотые цепи и пояса, а также кое-какую дорогую посуду для торжественных случаев. В раздел идут и парадные княжеские одежды. Старший сын Семен получает «кожух черлены, шапку золотую».

Главной угрозой внутреннему миру в Северо-Восточной Руси оставалась московско-тверская вражда. Князь Александр Михайлович Тверской в 1338 году был прощен ханом и вернулся на тверское княжение. Это был смелый и энергичный боец, готовый всеми средствами бороться за свою правду. Орда вновь вывела его на политическую арену, опасаясь крепнувшего единовластия Ивана Калиты. Следуя древнему принципу «разделяй и властвуй», ханы всегда стремились натравливать русских князей друг на друга. Все это грозило повторением того затяжного, изнурительного военного противоборства Москвы и Твери, которым омрачено было правление князя Юрия Данииловича.

Иван Калита решил опередить события. Узнав о возвращении Александра, он немедленно отправился к хану. О чем говорил Калита с владыкой степей и сколько даров он роздал ханским придворным — не

известно. Известно лишь, что вскоре князь Александр был вызван в Орду и казнен там вместе с сыном Федором 28 октября 1339 года. В ходе этой драматической схватки судьба самого Калиты висела на волоске. Отправляясь в Орду, он на всякий случай составил завещание.

Весть о гибели тверских князей дошла до Москвы примерно через месяц. Получив ее, Иван Калита тотчас начал строительство в Москве новой деревянной крепости. Он спешил воспользоваться благоприятным моментом, ибо знал, что теперь на некоторое время стал полным хозяином положения в Северо-Восточной Руси. Строительство нового Кремля началось 25 ноября 1339 года, в день памяти мученика Климента — ученика апостола Петра, чьи нетленные мощи были одной из главных святынь Киевской Руси. В этом можно увидеть еще одно символическое выражение любимой идеи Калиты: Москва — законная историческая наследница киевской и владимирской государственности.

Мир внутренний был неразрывно связан с миром внешним. В правление Ивана Калиты, а затем и его сыновей Семена Гордого (1340—1353) и Ивана Красного (1353—1359) прекратились опустошительные татарские «рати», главной причиной которых была анархия, беспорядок во внутренних отношениях Руси. Не было и войн с литовскими князьями. Они боялись Калиту, за спиной которого стояла Орда, и предпочитали дружить с ним. Предусмотрительный князь Иван еще в 1333 году женил 17-летнего старшего сына Семена на литовской княжне Айгусте, принявшей в крещении имя Анастасии. Такие браки были существенной предпосылкой мирных отношений между правителями соседних стран.

Современники живо ощущали благодатный мир, пришедший на Русь вместе с властью дома Калиты. Повествуя о получении князем Иваном великого княжения Владимирского в 1328 году, всегда сдержанный летописец не удержался от восклицаний: «В лето 6836 (от сотворения мира. — *Н. Б.*) седе князь великии Иван Данилович на великом княжении всеа Русии, и бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престаша погании воевати Русскую землю и заклати християн, и отдохнувша и починуша християне от великиа истомы и многыа тягости, от насилия татарского, и бысть оттоле тишина велика во всеи земли...»

За эту спасительную «тишину» князь Иван платил очень дорого, и не только в прямом, но и в переносном смысле. Он покупал эту тишину непрерывным напряжением всех своих физических и духовных сил. Чего стоили только путешествия в Орду. Историк А. Н. Насонов констатировал: «Великокняжеская деятельность Калиты проходила частью в пути в Орду или из Орды, частью в самой Орде: так, он ездил в Орду в 1331—1332, 1333—1334, 1336, 1338 (?), 1339 годах... На поездку в Орду уходило не менее 6 месяцев...» К этому можно добавить, что в ханской ставке русские попадали в непривычные для них бытовые и климатические условия, питались непривычной пищей и постоянно подвергались унижениям.

Дорого давалась и дипломатия на лезвии ножа. Любое неосторожное слово или поступок могли привести к гибели. Не только в Орде, но и у себя дома, в Москве, великий князь находился под постоянным наблюдением явных и тайных ханских соглядатаев. Ордынское подворье находилось в Кремле, близ княжеского дворца...

Не щадя самого себя, князь Иван не склонен был щадить и других. Все великие основатели новых форм человеческого общежития — а к их числу, несомненно, принадлежал и Калита — неизбежно сталкивались с нравственной проблемой, суть которой четко определил Э. Ренан: «Много великих целей не могло быть достигнуто иначе как путем лжи и насилия. Если бы завтра воплощенный идеал явился к людям для того, чтобы править ими, — ему пришлось бы стать лицом к лицу с глупостью, которую надо обманывать, и со злостью, которую надо укрощать. Единственно безупречным является созерцатель, который стремится только открыть истину, не заботясь ни об ее торжестве, ни об ее применении».

Московский князь был не созерцателем, а политиком, государственным деятелем, — может быть, первым государственным деятелем в истории России. В борьбе за приобретение и сохранение власти, за реализацию своих планов он должен был не раз перешагивать через кровь. Дважды, в 1322 и 1327 годах, он сопровождал грабившие Русь ордынские «рати». Несомненно, именно он руками ханских палачей уничтожил в Орде тверских князей.

Как истинный основоположник, Иван был человеком идеи. Да и могло ли быть иначе? Ведь только вера в святость цели могла хотя бы отчасти успокоить его раненую совесть. И чем больше зла приходилось творить Ивану, тем более значительной и высокой была для него цель.

Величественная роль, отведенная ему судьбой, заставляла Ивана Калиту шире взглянуть на свою государственную деятельность. Первым из русских князей он стал именовать себя правителем «всея Руси». В этом была, конечно, большая доля преувеличения. Однако вполне заслуженным было имя «собирателя Русской земли», которое получил Иван Калита уже во второй половине XIV века.

История России помогает разобраться в настоящем, преодолеть его. Чему же учит нас, о чем заставляет задуматься судьба «собирателя Русской земли» Ивана Калиты?

Его главный урок состоит в том, что великое созидание невозможно без великой веры. Только вера дает энергию, необходимую для подвигов.

И еще один урок Ивана Калиты. Благо государства — то есть в конечном счете всего сообщества людей — в иных обстоятельствах требует от правителя твердости, а порой и жесткости. Князь Иван был тяжел и ненавистен многим. И за свои грехи он дал ответ пред Богом. Но люди той эпохи, взвесив его добро и его зло на незримых весах своей памяти, дали ему имя еще более точное, чем Калита. Как свидетельствуют источники, они называли его Иван Добрый...

МЕЖДУ РУСЬЮ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

БЕСЕДА ОБОЗРЕВАТЕЛЯ ЖУРНАЛА «РОДИНА» ВИКТОРА БОНДАРЕВА СО СПЕЦИАЛИСТОМ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ КАНДИДАТОМ ФИЛОСОФСКИХ НАУК АЗАМАТОМ ДЖЕНДУБАЕВЫМ

Фото Александра Утробина

ВИКТОР БОНДАРЕВ: СССР распался. Не ждет ли эта участь и Россию? Ведь она тоже многонациональна, к тому же теперь состоит из различных «субъектов», часть из которых называют себя суверенными государствами. Если посмотреть на окружающий мир, то у нас уникальное государство, его тоже можно назвать «империей», а все империи уже исчезли с мировой карты.

АЗАМАТ ДЖЕНДУБАЕВ: По-моему, сейчас еще рано говорить о том, что у нас есть какое-то государство, а потому, прежде чем «спасать» это практически несуществующее нечто, надо разобраться: а что же надо спасать, какое государство у нас может быть? И только уяснив нашу ситуацию, следует искать ответы на вопросы национально-государственного устройства.

Мы находимся в очень сложном положении. СССР уже нет, России — еще нет, а есть Российская Федерация, и ставить знак равенства между Россией и Российской Федерацией вряд ли допустимо. Возвращение к такому государству, как СССР, в основе которого была известная идеология, невозможно, и естественно, что сейчас мы пытаемся вернуться к досоветскому периоду. Я бы сказал, что мы находимся где-то между Русью как державой великороссов и Российской Федерацией — еще не существующим государством, объединяющим все наши народы. Сейчас есть достаточно много симптомов того, что, продолжая нынешнюю политику в области межнациональных отношений, мы этой цели не достигнем. Мало того, что ряд этносов явно тяготеет к полной государственной независимости, но даже и среди русских налицо сильные сепаратистские тенденции — в Сибири, среди казачества и т. д. Что нужно для того, чтобы в конце концов возникло действительно новое и в то же время продолжающее определенные традиции государство «Российская Федерация»? Именно на этот вопрос и нужно искать ответ.

В. Б.: Народ, нация, народные, национальные — все эти общепринятые слова в наших условиях воспринимаются как синонимы, и в то же время постоянно возникает путаница. Специалисты еще используют термины «этнос», «этнический», имея в виду то же самое. Не хотелось бы заниматься уточнением определений, но все же хотя бы приблизительно, без наукообразия, стоило бы что-то сказать по этому поводу.

А. Д.: Я полагаю, в рамках нашего разговора вряд ли целесообразно определять, в каких случаях лучше использовать слово «народ», а в каких «этнос». Я буду часто использовать понятия «этнос», «этнический», поскольку они точнее позволяют характеризовать проблемы, связанные с национально-государственным устройством. У нас о «народе» говорят все, и все проблемы, которые у нас есть, — «народные». Иное дело, когда мы произносим «этнос», «этнический», — здесь ракурс рассмотрения становится более определенным. И совсем другое дело, когда речь заходит о нациях и национальных интересах.

В западной традиции (эту терминологию мы тоже используем) понятие «национальные интересы» в первую очередь является синонимом государственных интересов. Но мы постоянно забываем, что и в науке существуют изъяны так называемого европоцентризма, и тот понятийный аппарат, который возник на западной почве, не совсем адекватен российским условиям. Что имеется в виду на Западе под термином «нация»? В первую очередь — согражданство, граждане одного государства. Сегодня и в Германии, и в Великобритании, и в Испании, даже не проводя никаких дополнительных исследований, мы можем зафиксировать, что существуют различные этносы. Значительные группы людей там воспринимают себя как особый народ — шотландцы, баски, саксонцы, баварцы. И тем не менее они считают себя французами, немцами и т. д. Понятие национальных интересов включает прежде всего интересы согражданства, и это не игра словами, а отражение реального положения вещей в тех странах, где существует гражданское общество, — интересы гражданина являются главными, а проблемы, связанные с этничностью людей, решаются в сфере культуры. Создаются национальные культурные центры, возникает и охраняется культурная автономия.

Посмотрим на нашу ситуацию: неужели кто-то может сказать, что в России существует гражданское общество? Нет, мы находимся несколько в ином положении и на иной стадии развития.

При этом русские, как самый многочисленный народ, составляющий более 80 процентов россиян, находятся в ином состоянии и на иной стадии развития, чем все остальные народы России. Русские по своим характеристикам наиболее приближены к тому стандарту, если так можно сказать, который существует в развитых странах. Другие народы Российской Федерации не имеют явно выраженной социальной и политической стратификации. Только в среде русских имеются политические партии и движения, которые, опираясь на определенные социальные группы, претендуют на выражение общерусских национальных интересов. Практически у всех остальных народов все новые политические движения базируются на этнических идеях и претендуют на выражение этнических интересов. С моей точки зрения, принципиальным является вопрос корректировки, корреляции интересов русских и прочих народов. Если не будет найден консенсус в этой части, то все остальные политические проекты и программы будут обречены. Почему? Потому что разговор идет на разных языках и при употреблении одних и тех же слов смысл вкладывается качественно иной. Сегодня, когда для многих народов принципиальным вопросом является становление государственности, речь идет о совершенно разном у русских и у других этносов.

В условиях кризиса государственности, роста национального самосознания народов России объективно сегодня на первый план выступают интересы этносов, народов, и у нерусских механизм приоритетов во внутриэтнических отношениях в периоды кризиса таков, что интересы личности всегда носят вторичный характер. Трудно представить, что, когда идет фактическая война между народами, человек может заявить о приоритете своих личных прав над интересами народа в тот момент, когда решается судьба этого народа. Это либеральная иллюзия, которой подвержена демократия.

В. Б.: А может быть, нам стоит вообще отказаться от нынешних принципов государственного устройства? Ведь давно уже предлагают перейти от национально-государственного принципа к административно-территориальному — создать губернии, честно объявить, что это будет национальное государство, где будет приоритет русского языка, тех принципов организации политической деятельности, которые, как вы отмечали, именно среди русских наиболее близки к общеевропейским стандартам. А прочие народы будут иметь культурную автономию. Честно говоря, я не знаю, как это осуществить в нынешней ситуации, после всех парадов суверенитетов. Но ведь ситуация может измениться, уже сейчас сильна ностальгия по прошлому. Затем, подобная политическая линия могла бы внести определенность в процесс государственного строительства, помогла увидеть перспективу. Процессы типа русификации где-то неизбежны. Ведь у нас она происходила не только потому, что было тоталитарное общество, но и потому, что этого требовали индустриализация и информатизация, модернизация, внедрение новых технологий. И на Западе идет «американизация», английский язык оказывает очень мощное давление на все прочие. Есть какие-то потребности существования единого мира, усиления связей. Русификации российские народы уже подверглись, теперь на очереди «американизация». В современных условиях любой народ вынужден частично отказываться и от родного языка. Не является ли иллюзией попытка сохранения своего языка, своей культуры? Не только, например, белорусы и шотландцы утратили значительную часть своего культурного наследия. В США вообще все народы «переплавились» в единый народ.

А. Д.: В течение длительного времени Россия увеличивала свою территорию, включала в свой состав новые и новые народы. Часть из них присоединялась добровольно, часть была завоевана. При этом специфика самой Руси была в том, что она никогда не была моноэтнической. Более того, с моей точки зрения, это является спасением сегодня для всех нас: национальное самосознание русских принципиально отличается от самосознания других народов. Прежде всего тем, что русское национальное движение не опирается на разрушительный этнонационализм, т. е. национализм какого-то этноса. Я думаю, что практически ни у кого, за исключением не имеющих никакого влияния групп, не вызывает сомнения то, что приращение мощи Руси, ее богатства и силы происходило не только усилиями русских. Начиная с Рюриковичей, которые имели варяжские корни...

В. Б.: Да, кстати, следует отметить такое специфическое явление: русские «патриоты» очень сочувствуют различным мусульманским странам и народам.

А. Д.: Скажу больше: сейчас появляются мусульмане среди самих русских. Так, в Москве появилось немало молодых людей, которые стремятся приобщиться к ценностям ислама. Правда, не стоит путать национальную сторону проблемы и конфессиональную. Уже сейчас мы не можем считать русскими только тех, кто исповедует православие, поскольку в этом случае у нас выпадает огромное число этнических русских. И дело не только в атеизме: уже сейчас много последователей Кришны, индуизма, ислама. При этом никто из них не ощущает себя индийцами или калмыками. «Русскость» не синонимична православности, это все же разные вещи. К примеру, русские фашисты тридцатых годов — это совсем не тот фашизм, который мы знаем. Даже они не ставили во главе «кровь», а считали русскими всех тех, кто признавал определенные ценности, сформировавшиеся на территории России: любовь к этой стране, ее традициям (все это, естественно, в извращенной форме). И у современных радикал-патриотов типа Васильева, Баркашова мы найдем, что русские — это не только русские по «крови», а все те, кто любит этот народ и т. д. Например, если бы я, будучи черкесом, решил вступить в общество «Память», скорее всего, меня никто бы не упрекнул за нерусское происхождение, и даже больше — «памятники» встретили бы меня с энтузиазмом. Это, пусть и по-своему, отражает специфику русского менталитета, который никогда не базировался чисто на этничности, на некоем расизме, наиболее контрастно выразившемся в немецком фашизме. Кстати, даже в итальянском фашизме практически не было элементов расизма. С моей точки зрения, ключевая проблема состоит в том, чтобы было сформировано цивилизованное русское национальное движение.

В. Б.: Ну а разве в США нет этой терпимости и поликонфессиональности — и ничего, обходятся без всяких национальных движений? Почему бы и здесь не возникнуть нации «россиян», которая «переварит» всех в один народ?

А. Д.: Никогда США их всех не переварит. Никогда! Более того, если вы посмотрите на США, то увидите, что ситуация там сложная. Недавно я встречался за «круглым столом» с двумя американцами, Голдманом и Чонком: один — еврей, другой — вьетнамец (этнически). Оба американца говорят о прекрасном американском обществе. Они рассказывают нам, как надо жить, как строить национальные отношения, как выйти из этого тупика, и приводят в качестве примера государства, решившего эти проблемы, США. Главное, говорят они, это экономика, а национальные проблемы решаются в сфере культуры. Я задал вопрос: «Господа, а вы можете произнести те же слова, одев на себя индейские одежды?» Давайте мы посмотрим на Америку глазами аборигенов Америки. И если мне американский индеец скажет: «Это наша родина, это наша культура, это наша цивилизация, это наш народ», тогда я с вами соглашусь. А когда передо мной сидят еврей и вьетнамец и говорят о прекрасной Америке, а индейца нет, меня это несколько смущает. Потому что те народы, которые действительно были в таком же положении, как мы, и имели такой же менталитет, как мы, и относились к этой стране, так же, как относимся мы, — это индейцы! И сегодня, когда мы видим бурю возмущения народов Латинской Америки — Колумб, мол, их открыл, явление Европы в Америку представляло собой нечто замечательное, — это не парадокс. Мы опять оказываемся заложниками европоцентризма; с таким же успехом можно утверждать, что Европу открыл первый мавр, который туда высадился. И завтра где-нибудь в Буркина-Фасо могут праздновать открытие Европы! Я, кстати, не задумывался об этом, пока не услышал, как на митинге один из южноафриканских коммунистов сказал: «Южная Африка была «открыта» в таком-то году». Тогда мне это резануло слух: какие тут еще могут быть кавычки. А потом я поймал себя на мысли — я тоже оказался невольным расистом, или, если выражаться культурно, европоцентристом. Это мы почему-то считаем, что мы их открыли, а они считают, что они у нас еще раньше были. И что считать точкой отсчета? Возвращаясь к Соединенным Штатам, можно сказать, что эта цивилизация и эта культура были абсолютно чужды тем народам, которые там жили тысячи лет. Эта цивилизация истребила живущие там народы (я имею в виду Северную Америку; в Южной еще что-то сохранилось, хотя и они потеряли свой язык и в значительной мере свою самобытность). Как можно говорить, что культура ацтеков или майя была хуже — это была своя, самобытная культура. Давайте не будем примитивными европоцентристами.

В. Б.: Конечно, то, что происходит в Америке, нам более понятно, но что же делать здесь?

А. Д.: Прежде всего нужно осознать этнические интересы русского народа, и ключевой здесь является проблема того, кто возьмет на себя эту функцию. Какие партии, движения, какие личности возьмут на себя формулирование русских национальных интересов. Если это будет отдано на откуп фашиствующим, шовинистским или даже коммунистическим лидерам,

мы очень близко подойдем к катастрофе. Этим должны заняться те люди, которые сейчас находятся у власти, которые считают себя либералами, строящими демократическое общество. Если они не смогут в должной мере отразить русские национальные интересы, сформулировать их и осуществить, то случится катастрофа. Это первое. Второе: русские национальные интересы должны в максимальной степени быть соотнесены с этническими интересами других народов. Но при этом не надо блефовать, не надо делать вид, что при всем нашем желании, как заявляют наши политики, может быть равноправие. Объективно русских большинство, 80 процентов, и благодаря тому, что нынешнее государство возникло на базе русского, они находятся в особом положении. Поэтому, пока не будет определен хребет, не будет воспроизведена основная объединяющая русских идея, пока нерусские народы не получат возможности соотнести свои интересы с интересами русских и найти общее, мы не выйдем из тупика. И главная проблема — это политический субъект, который возьмет на себя эту роль проведения политики, отражающей интересы основного народа. Когда это будет сделано, так называемые государственные интересы должны быть приведены в соответствие с этими общенациональными общеэтническими интересами. И только такая политика будет пользоваться уважением не только у россиян, но и во всем мире. Фактически никто у нас интересами русских не занимается. Другим народам мы хотя бы теоретически даем право различать интересы этнические и общегосударственные. Русским мы этого права не даем.

В. Б.: Но ведь здесь и появляется реальная перспектива создания именно «русского» государства. А как же интересы прочих народов, они-то будут ущемлены?

А. Д.: Межнациональные проблемы не могут решаться по принципу «либо—либо». Либо моноэтническое государство русских, либо «берите суверенитета, сколько хотите». У нас вместе с водой выплеснули ребенка: исчезло то, что было связано с национальным достоинством, с фактически наднациональным характером нашего государства. Сохранить этот наднациональный тип государства надо таким образом, чтобы в нем защищались и интересы русских как основного этноса. С другой стороны, мы не можем вернуться к тому положению, которое было в Российской империи,— к державе великороссов. У наших многочисленных народов уже иное самосознание, они просто не согласятся на реставрацию. Нужен иной тип государства, в котором учитывались бы интересы всех этносов.

В. Б.: Вы очень много говорите о государстве, но ведь оно не всесильно, а кроме того, тоталитаризм — это и есть предельное развитие государства, подчинение всего его интересам. Да и, напомню, марксизм обещал, что оно отомрет.

А. Д.: Мы должны понимать, что государство является средством реализации неких человеческих чаяний. Оно должно быть системой, которая регулирует взаимоотношения народов, которая дает возможность, скажем во внутренней политике, находить и корректировать общие интересы.

Практически все народы страны, в том числе и русский, не обладают историческим опытом и демократическими институтами, и почти все они опираются на свой национальный опыт, свои ценности. Возвращение к этим ценностям требует соответствующей самоорганизации народов. У нас есть альтернатива: либо мы создаем одно государство, общее для всех народов, либо каждый из них будет стремиться во имя самосохранения, отстаивания своих интересов создавать собственное государство. Чем в меньшей степени интересы этих народов будут отражены в политике России, тем больше они будут стремиться к обретению своей национальной независимости. Либо это будет ярко выраженная национальная государственность, как, например, Чеченская республика, либо это будет государственность граждан на определенной территории, как это происходит в Татарстане, либо какие-то иные синтетические варианты. Главным содержанием будет то, что эти государства будут защищать интересы определенных народов на определенной территории. Повторяю, основой для национального и регионального сепаратизма является отсутствие в политике реальной защиты интересов народов России.

Государство должно в первую очередь отстаивать общеэтнические интересы, а прочие необходимо защищать по мере возможностей. Более того, национально-специфические интересы иногда даже могут быть подчинены общеэтническим, но не государственным интересам. Причем это очень деликатная проблема — определить, где заканчиваются общеэтнические интересы и начинаются специфические. И если такая политика будет проводиться в России, то это и будет действительно национальная политика.

В. Б.: Вы говорили о необходимости приоритета интересов русского народа. Теперь же у вас на первый план выходят какие-то «общеэтнические» интересы, «национально-специфические». Что это такое и как связать все это? Какова роль государства?

А. Д.: Для того чтобы роль государства уменьшилась, как это предсказывали классики, мы должны пройти стадию самовоспитания. Но я не желаю, да и ни один народ не потерпит, чтобы его воспитывал другой народ. Я даже не хочу, чтобы у меня были какие-то «старшие братья». Но я готов иметь не старшего брата, а Отца в лице государства, которое будет моим. Не государство чувашей, мордвы, русских, черкесов, а наше государство, которое будет принадлежать всем нам вместе, защищать все наши интересы. Вот здесь возникает вопрос: возможно ли такое, даже в идеале?

Невозможно, чтобы государство могло отражать все интересы всех народов. Значит, есть ключевые интересы, которые жизненно необходимы для всех. Каждый народ заинтересован в том, чтобы у него была среда обитания для обыкновенного физического выживания, сохранения языка и генофонда, для налаживания экономических, культурных и прочих связей и отношений с другими народами. Эти интересы будут равными и одинаковыми практически у всех народов, их и следует считать общеэтническими. Кроме них существуют специфические национальные интересы. Так, у русских не стоит проблема сохранения языка, но можно говорить о сохранении его чистоты, самобытности. Однако их язык как таковой не находится под угрозой. А есть целые народы, у которых проблема сохранения языка чрезвычайно остра: язык «уходит», а народы теряют свою самобытность. Или же проблемы среды обитания. При всей остроте экологической ситуации в России русские как народ имеют шанс сохранить свой генофонд и нормальное воспроизводство поколений. А есть определенные очаги, например народы Севера, которые в силу разрушения среды обитания могут исчезнуть или деградировать. И это уже национально-специфические проблемы.

Удовлетворение как общих, так и специфических интересов народов России достижимо только при соответствующей политике. Совокупность общих и специфических интересов всех народов страны должна составлять ядро национальных интересов России как федеративного государства. Для успешного, без политических конфликтов, развития общества государственные интересы и политика должны базироваться на общенациональных интересах. Таким образом, если общенациональные интересы являются стратегическими для общества, то государственные должны носить подчиненный характер, быть формой реализации постоянно меняющихся конкретных условий. При этом внутренняя политика должна быть направлена на постоянное выделение и согласование общих и специфических интересов народов, выработку базовых общенациональных ценностей и идеалов, защиту и обеспечение прав человека. Внешняя политика должна быть нацелена на создание благоприятных международных условий для успешной реализации общенациональных интересов.

В. Б.: Высказанные принципы звучат несколько абстрактно. Нельзя ли привести конкретные примеры?

А. Д.: Только один пример, чтобы теория воспринималась как руководство к действию. Возьмем проблемы Северного Кавказа. До сих пор российская политика фактически отдавала предпочтение достижению компромисса любой ценой, не считаясь с тем, что в этих конфликтах непосредственно страдали интересы двух российских (подчеркиваю, российских!) народов — осетин и адыгов. Если же руководствоваться тем, что я говорил раньше, становится понятным, что их интересы не могут приноситься в жертву абстрактно понимаемым государственным интересам и должны учитываться и быть приоритетными. Кстати, та реальная политика, которая осуществлялась в отличие от провозглашаемой, была частично именно такой, иначе там уже давно все было бы кончено.

В. Б.: Какие еще конкретные направления формирования национальной политики должны выйти сейчас и в перспективе на передний план?

А. Д.: С моей точки зрения, максимально необходимо создание специальных программ — научных, культурных, гуманитарных — для примирения прошлого российских народов. Важнейшей чертой роста национального самосознания является актуализация исторической памяти. Ее сущностной спецификой является то, что в ней много мифов, зафиксировано много событий, имеющих яркую национальную окраску. Чаще всего такими событиями являются войны, катастрофы, бедствия и т. д. Спросите любого русского ребенка, который не живет в Татарстане или не общается с татарами, среди которых у него могут быть друзья: каково отношение русских к татарам...

В. Б.: Или к немцам.

А. Д.: В то же время периоды войн между русскими и немцами, русскими и татарами были ничтожно малы по сравнению с тем временем, когда они жили в мире и боролись совместно против каких-то других врагов. Это же факт. Мы не можем отдать процесс роста самосознания на откуп силам стихии. Необходимо сознательное вмешательство, необходимо целенаправленное привнесение информации, которая корректировала бы эмоции и даже интеллектуальный багаж людей, иначе будет катастрофа. Почему еще необходимо изменение отношения к прошлому? Если мы возьмем любую из нынешних стабильно существующих стран, мы найдем колоссальное количество исторических примеров, когда народы этих стран либо совершали преступления, либо попросту воевали и истребляли соседей. Но сегодня они живут в мире. Сегодня их прошлое примирено.

В. Б.: Существует Государственный комитет по делам федерации и национальностей России и Совет Национальностей. В будущем появятся, может быть, другие органы, облеченные полномочиями для разработки и реализации национальной политики. Каковы результаты их деятельности, в частности по рассматриваемому вопросу становления русского самосознания?

А. Д.: К сожалению, они практически отсутствуют. В этих условиях необходима активная позиция федеральных органов власти. Политическая стабильность в российском обществе может быть обеспечена только тогда, когда государство, а не отдельные народы и отношения их друг с другом, станет гарантом безопасности и прогресса. Чем больше федеральные органы власти будут демонстрировать свою неспособность к защите интересов народов России, тем сильнее этносы будут стремиться к созданию своих национальных механизмов защиты, вплоть до создания суверенных государств вне России, либо представители этих народов будут вынуждены эмигрировать в другие страны. И в том, и в другом случае это будет сопряжено не только с трагедиями в жизни народов и отдельных личностей, но и с ослаблением их общей исторической родины — России...

ВИКТОРИЯ ГОРШКОВА

«Душевные образы вознося к первообрядным образам...»

Этими словами из Изборника Святослава от 1071 года мы начинаем серию статей об истории, эстетике и философии русской иконы, о том, как правильно ее «читать» и понимать, о значении цвета, смысле композиции иконописного изображения, основных и редких сюжетах, оставленных нам древними богомазами, о структуре иконостаса и других проблемах, помогающих грамотно воспринимать русское искусство.

Икона «Иоанн Предтеча из Денсуса». Фрагмент. XV в. МИАР.

Из тысячи лет истории русской культуры 700 приходятся на средневековье: с X по XVII век. Привычка мыслить стереотипом, что развитие идет от несовершенства к идеалу и естественно подготавливает прогресс, нередко приводит к оценке начальных веков как времени отсталости и мракобесия. Между тем именно средневековье стало для русской культуры «путем из пространств внешнего мира во внутренние пространства человеческого сознания»[1], и путь этот был проделан благодаря принятию христианства в его православном варианте.

Христианство открыло нашему далекому предку глубины его собственной души и вершины духа. Ведь язычество соотносило человека с видимой, осязаемой природой, а новая религия провозглашала существование двух миров. Земной мир — мир сотворенный, конечный, непостоянный и несовершенный, в котором сменяются времена года, появляются и исчезают с исторической сцены империи, рождаются и умирают поколения. Он настолько разнообразен, что суть его скрыта за внешними событиями. Основа же этого мира — в мире небесном, неподвижном и неизменном.

Тварный и вечный, устроенные по одним законам воплощения «божественных энергий», эти миры соединялись, насколько было возможно, в литургии. Эта форма общественного богослужения, пришедшая на Русь из Византии вместе с принятием христианства, сочетала в себе целый комплекс искусств: и архитектуру храма, его интерьер с фресками, мозаиками и иконами, и песнопения, проповеди, благоухание ладана, драгоценную утварь и облачения священников. Этот художественный синтез глубоко переживался уже в ранний период русского средневековья. Митрополит Илларион, риторически обращаясь к князю Владимиру в торжественной проповеди, воскликнул: «виждь церкви цветущи, виждь христианство растуще, виждь град иконами святых освещаем»[2]. Литургия создавала особый душевный настрой верующих, и в этом процессе духовного освоения вечности ведущая роль отводилась эстетическому созерцанию. Различные изображения окружали человека в храме, но, пожалуй, наиболее полно идеи Божественного откровения воплотились в иконе.

Иконы (по-гречески — «изображения») пришли на Русь из Византии и обрели на русской почве чрезвычайно плодотворную среду. Своеобразный «иконоцентризм» средневековой русской культуры выразился в том, что сложные мировоззренческие проблемы отображались у нас не столько в словесной форме, богословами, сколько иконописцами в художественных образах. Поэтому представления об «интеллектуальном молчании» Древней Руси в определенном смысле оправданны. Древнерусскому сознанию свойственно эстетическое переживание мира. Подтверждение этому — рублевская «Троица», да, впрочем, и любая другая икона — «особый вид церковного предания в красках и образах», по определению о. Сергия Булгакова[3].

Икона удивительно полно выразила особенности русского православия, которое отличалось радостным, светлым характером мироучвствования. На новгородской таблетке* конца XV века — сюжет из библейской истории: царь Вавилонии Навуходоносор приказал бросить трех иудейских юношей в горящую печь за то, что они отказались поклоняться золотому «кумиру». Однако спустившийся с небес ангел спас юношей от огня, и они остались невредимы. Новгородский иконописец представил «хоровод» ангела и отроков в печи, где их осеняют, как перья опахал, тонкие огненные языки. Красочные сочетания — звучные, контрастные. С драматической завязки события акцент переносится на праздничное его завершение.

Феофан Грек. Фреска церкви Спаса в Новгороде. Столпник. XIV в.

В русском православном сознании кротость, смирение, готовность к страданиям были тождественны духовному подвигу. Не случайно страстотерпцы Борис и Глеб стали первыми русскими святыми. Не случайно именно на Руси широко распространилось юродство — подвиг «самоизвольного мученичества», зародившийся на христианском Востоке в IV веке. Созерцание «умной красоты» духовного мира породило особый такт, деликатность и умеренность в образах русских святых. Столпник Даниил на фреске Феофана Грека 70-х го-

* Таблетка — загрунтованный с обеих сторон холст с живописным изображением.

дов XIV века погружен в себя, отрешен от мира. Свой духовный искус он совершает на специально построенной башне — столпе. В попытке приобщиться к божественным световым энергиям Даниил достигает нечеловеческого духовного напряжения. Его жест — активное приятие божественной благодати и одновременно — отторжение внешнего мира.

Став органичной частью русской жизни, иконы повлияли и на развитие древнерусской литературы. Сложился даже особый жанр — сказание об иконе. Иконы появлялись часто и для того, чтобы закрепить в памяти важные политические события. Так, в 60-е годы XII века был создан образ Богоматери Боголюбской. Написан же он был на основе легенды о явлении Богоматери Владимирскому князю Андрею Юрьевичу. Явление произошло в том месте, где вскоре князь построил свой загородный замок — Боголюбов город. Да и сами иконы, как считали в Древней Руси, обладали способностью являться, путешествовать, указывать место основания монастырей.

В 1482 году, например, иноку угличского Богоявленского монастыря Боголепу, вышедшему рано утром на Волгу за водой, явилась икона Покрова Богоматери. Образ плыл по воде, а у берега стал на воздухе, излучая яркий свет. Игумен монастыря Паисий крестным ходом принес икону в монастырь. Событие

Икона «Сергий Радонежский». XVI в. МИАР.

было столь знаменательным, что главный храм освятили в честь Покрова, торжественно поставив туда икону. Сам же монастырь стал именоваться Покровским[4].

Поистине неутомимой «путешественницей» предстает в литературном «Сказании» икона Тихвинской Богоматери. По преданию, она «бежала» из Константинополя и в 1483 году несколько раз появлялась в округе г. Тихвина, пока наконец не нашла себе место, где была вначале построена церковь, а затем открыт и монастырь. Та же икона чудесно «исчезла», когда в XVII веке иконописец пытался подновить образ. Изображение вновь появилось лишь после того, как художник оставил попытки исправить древнюю живопись.

Когда-то Чехов в письме к крупнейшему знатоку древнерусского искусства Н. П. Кондакову заметил, что истории русской иконописи «можно было бы посвятить целую жизнь». Уже не одно поколение искусствоведов и реставраторов отдало себя древнерусскому искусству. А иконы, надолго пережив византийскую культуру, их породившую, не исчерпали своих возможностей и в наши дни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аверинцев С. С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к Средневековью// Из истории культуры Средних веков и Возрождения. М., «Наука». 1976. С. 57.
2. Слово о законе и благодати митрополита Иллариона// Древняя русская литература. М., 1980. С. 31—32.
3. Протоиерей Сергий Булгаков. Православие. Очерки учения православиой церкви. YMCA — PRESS. Paris, 1989. С. 302.
4. Сказание о явленной и чудотворной св. иконе Покрова Пресвятыя Богородицы, принадлежащей Угличскому Покровскому монастырю. Ярославль, 1899. С. 1—8.

Икона «Избранные русские святые». XVI в. Собрание церковного археологического кабинета Московской духовной академии.

Сошествие во ад. Клеймо иконы «Богоматерь Владимирская» XVII в. Собрание Сольвычегодского историко-художественного музея.

ОЛЕГ УСЕНКО,
кандидат исторических наук

ТЕРПИ, КАЗАК...

Поиск демократических начал на Руси часто сопряжен с негативным отношением к демократии представительной (даже к самой идее такой формы управления). На щит всячески поднимается лишь непосредственная демократия, когда решения принимают те, кто и будет их выполнять. Подобные взгляды наиболее характерны для российского казачества. При этом казаки не ограничиваются восстановлением своей организации, созывами «кругов» и выборами атаманов и есаулов. Они стремятся возродить весь комплекс казачьих традиций. И вот уже кое-где, наряду с милицией или даже вместо нее, за порядком следят казачьи разъезды, решением станичных «кругов» изгоняются «чужаки», а плеть становится официальным средством борьбы за общественную нравственность. Улучшение жизни связывается с возвратом к прошлому, а переход к демократии видится как возрождение древних форм казачьего самоуправления. Так может ли казацкое общежитие быть образцом демократического общества? И всегда ли непосредственная демократия лучше представительной?

Казаки перед выходом на полевые работы.

За ответом обратимся к истории Войска Донского. Как самостоятельное государственное образование оно возникло в середине XVI века, а потеряло свою независимость и стало частью Российской империи во второй четверти XVIII века. Стало быть, тому, кого интересует период «народоправства» среди донских казаков, нужно изучать их жизнь в XVII веке[1].

В это время Войско Донское представляло собой автономную военно-политическую организацию с весьма сложной социальной структурой, построенной по иерархическому принципу. Все жители Дона делились на две категории: полноправное и неполноправное население.

Всей полнотой прав и обязанностей на Дону обладали собственно казаки. Таковыми считались лица православного вероисповедания, достигшие совершеннолетия, входящие в структуру войсковой организации (т. е. зачисленные в «десяток» и «сотню» — низшие подразделения казачьего войска) и участвующие в походах и «кругах» (собраниях, на которых избирались атаманы и есаулы, делились трофеи и царское жалованье, вершился суд и т. д.). Остальные жители Дона, не отвечающие данным требованиям, во всем подчинялись казакам и зависели от них.

Внутри собственно казачества существовало множество прослоек со своими правами и обязанностями. Во-первых, донские казаки делились на «низовых» и «верховых». Последние жили севернее Голубинского городка — по верхнему течению Дона и по его притокам. Низовыми считались казаки, жившие к югу от Голубинского городка вплоть до Черкасска — столицы Войска Донского. Причем такое деление было не только территориальным, но и психологическим. Низовые казаки смотрели на верховых свысока, считали себя своеобразной гвардией Войска Донского, «первыми среди равных». Это связано с тем, что первые казачьи городки возникли в низовьях Дона; именно там располагалось историческое ядро Войска Донского[2].

В свою очередь, среди низовых казаков имелась элита — жители Черкасска. В документах они величались «Главным войском»: там находился верховный орган управления — «Войсковой круг».

Различия среди казаков были связаны и с дележом царского жалованья. Вплоть до конца XVII века казакам запрещалось пахать землю, вследствие чего «вольный Дон» частенько испытывал нужду в продовольствии. Помимо свинца, пороха, селитры и денег московское правительство вынуждено было слать на Дон зерно или муку. Но делилось «государево жалованье» отнюдь не между всеми казаками. Например, в 1683 году денежное жалованье получили 7000 казаков, а спустя 6 лет присланный хлеб делили между собой уже 5300 человек (каждому причиталось по 9 пудов)[3]. Однако в конце XVII века казаков было гораздо больше — около 17000, при общей численности донского населения в 28—30 тысяч человек. Львиная доля «государева жалованья» доставалась низовым казакам, и прежде всего черкасским. Из верховых казаков, как правило, долю получали атаманы, их помощники и те казаки, что в момент дележа находились в Черкасске на службе.

По своему служебному положению различались: рядовые казаки; станичные атаманы и старшины; войсковые атаманы и старшины. Звание «старшина» впервые упоминается в источниках середины XVII века. Первоначально так именовались атаманы, покинувшие свой пост, но сохранившие авторитет среди казаков, помощники атамана — как бывшие, так и ныне действующие (есаулы, сотники, писари, знаменщики и др.), а также казаки, не занимавшие руководящего поста, но имевшие большой вес в обществе и потому входившие в число советников атамана[4]. Постепенно «старшинами» стали звать и родственников указанных лиц, это звание стало фамильным и наследственным — неким подобием дворянского титула. К концу XVII века сложилась традиция, согласно которой атаманы всех уровней, а также их окружение избирались, как правило, из числа таких вот «титулованных особ». Исключения, конечно, были, но касались только низших командирских постов.

В источниках жизни Войска Донского в XVII — начале XVIII века зафиксировано противопоставление «старых» казаков «молодым». Под «стариками» чаще всего разумелись атаманы и старшины, в отличие от рядовых казаков — «молодчих людей». Во второй половине XVII века эта система дополнилась разделением на «старожилых» и «новопришлых» казаков.

«Старожилыми» звались те, кто родился на Дону в казачьей семье («природные», «коренные» казаки) или же были казаками в первом поколении, но прожили на Дону значительный срок (не менее 10 лет, судя по источникам начала XVIII века)[5]. Больше всего «старожилых» было в низовых городках. Именно они составляли большинство среди «жалованных» казаков и командирского корпуса. Авторитет и социальный статус человека напрямую зависел от срока его пребывания на Дону.

Важнейшим фактором было и имущественное положение. Для того чтобы стать полноправным казаком, нужно было обзавестись не только конем, оружием и амуницией, но и семьей, домом, хозяйством. Казаки, обладающие таким имущественным цензом, назывались «добрыми», «справными». Во второй половине XVII века выделилась категория «домовитых» казаков, которые занимались торговлей, ростовщичеством, скотоводством, добычей соли и широко использовали наемную рабочую силу. Все они владели обширными состояниями, среди них были не только представители «старшины», но и формально рядовые казаки (разумеется, «старые»).

Наконец, в источниках XVII — начала XVIII века упоминаются «знатные» («значные») и «лучшие» («лутчие») казаки. «Знатными» назывались наиболее авторитетные, известные всему Войску лица — известные своими подвигами, богатством или же официальной должностью. Так именовались наиболее зажиточные из «домовитых» и представители высшей администрации Войска Донского (войсковые старшины).

«Знатные» казаки составляли и ядро «лучших». Однако в число последних включались и второразрядные «домовитые» казаки, и некоторые из рядовых — наиболее достойные, обладающие большим опытом или каким-либо талантом, а также заслужившие поощрение герои. Для простого казака стать «лучшим» значило иметь право на получение доли из «государева жалованья» или на поездку в составе «станицы» (посольства) к царю (что опять-таки было связано с получением дополнительного «жалованья»)[6].

Неполноправное население Дона в XVII веке в основном состояло из «бурлаков». Так звались беглые, только что осевшие на Дону. Не имея средств к существованию и крыши над головой, они нанимались к зажиточным казакам, зачастую довольствуясь лишь тем, что получали кров и пищу. «Бурлаки» варили соль, ловили рыбу, занимались ремеслом или работали по хозяйству. Многие из них нанимались грузчиками и гребцами на торговые суда донских казаков и приезжих купцов.

Ни одним из трех основных казачьих прав (присутствие на «кругах», постоянная служба в составе Войска, участие в походах) бурлаки не обладали. Более того, в конце XVII века за право осесть на Дону беглые платили казакам не только работой, но и вином, деньгами, имуществом. Нетрудно представить, каково было этим людям — в недавнем прошлом крепостным крестьянам и разорившимся горожанам. На Дону, по их представлениям, был чуть ли не рай земной... Многие беглецы не выдерживали и покидали «вольный Дон». Одни уходили на Волгу — грабить или работать, другие в поисках «воли» шли на Урал, Терек и Кубань, третьи возвращались «в Русь» на прежнее место жительства.

У тех же, кто оставался на Дону, цель жизни была ясна — перейти в категорию казаков. Это зависело от срока жизни «бурлака» на территории Войска Донского, от его материального положения и от его заслуг перед Войском. «Бурлаки», заимевшие коня, военное снаряжение и оружие, могли рассчитывать на участие в походах «за зипунами». Те же, у кого коня не было, могли воевать в пешем строю или служить матросами на судах. По возвращении из похода таким «бурлакам» разрешалось присутствовать на «кругах», но только в качестве наблюдателей, даже без права совещательного голоса. Тем не менее это значило, что они перешли на более высокую ступень — в разряд «голутвенных» казаков («голутвы», «голытьбы»).

Наемные работники, долгие годы жившие в одной и той же станице (городке), именовались «зажилыми бурлаками». Среди них могли быть как семейные, материально обеспеченные, так и бедняки, живущие по несколько человек в одном «курене» (доме), но успевшие принять участие в походах наряду с казаками. Однако «зажилых бурлаков» не допускали в «круги» и не числили в составе казачьей организации. Другой такой промежуточной категорией между «бурлаками» и «голутвой», только более высокого ранга, были «озимейные» казаки, которых в конце XVII —

начале XVIII века именовали также «семейными», «сказочными», «приписными». Не имея права участвовать в «кругах», они тем не менее числились в составе казачьей организации («десятки» и «сотни») и несли постоянную военную службу вместе с «голутвенными» и полноправными казаками. Различия между «предказаками» были весьма условными, и включение человека в ту или иную категорию часто бывало случайным и целиком зависело от настроения окружающих. Столь же условной и субъективной была и грань между «голытьбой» и полноправными казаками. В число последних одни попадали уже года через 2—3 после прихода на Дон, другим на это требовалось 5—7 лет, а третьи и через 10 лет по-прежнему оставались «бурлаками»[7].

Внизу социальной лестницы на Дону пребывали рабы («ясырь») — пленные из числа неправославного населения. В XVII веке в рабство попадали главным образом турки, ногайцы, крымские и кубанские татары. В начале следующего столетия донской «ясырь» пополнился пленными шведами, которых привозили с собой казаки, принимавшие участие в Северной войне.

Рабство носило патриархальный характер. Мужчины использовались в качестве слуг или работников на промыслах. Их труд наиболее широко применяли «домовитые» казаки. Что касается рабынь, то они становились служанками и наложницами. Впрочем, некоторые принимали православие и выходили замуж за казаков, что выводило их из рабского состояния. Но если казак разводился с такой женой, она вновь считалась «ясырем» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Рабская зависимость у мужчин часто была временной — до получения казаком выкупа от родственников или друзей пленного. Если же выкуп по истечении установленного срока не совершался, хозяин «ясыря» мог поступить с ним как угодно — убить, продать раба или же отпустить его на волю. Как правило, невыкупленный «ясырь» или продавался, или оставался работать на своего господина до своей смерти. Примечательно, что казаки не видели в рабстве ничего зазорного. Более того, с конца XVII века «домовитые» казаки уже не спешили получить выкуп за свой «ясырь», а все шире использовали рабский труд в своем хозяйстве. Рабовладение среди донских казаков существовало вплоть до конца XVIII века, несмотря на все старания правительства искоренить этот архаический пережиток.

Напрашивается вывод: Войско Донское в XVII веке вряд ли было демократической республикой, как утверждают многие историки казачества. Половина донского населения вообще не имела доступа к власти. Но и в среде казачества не все было благополучно. И дело здесь не только в том, что старшины и «домовитые» постепенно узурпировали право на занятие руководящих постов. Уже в середине XVII века казачьи «круги» потеряли свой демократический характер. Хотя по-прежнему считалось, что все казаки на «кругах» равны, что все они являются носителями власти, руководство «кругами» и решающий голос на них принадлежали все тем же старшинам и «домовитым». Именно атаман и его окружение решали, какие вопросы и в какой формулировке нужно вынести на утверждение «круга». Именно они (в лице «старых» и «знатных» казаков) выступали на «кругах» первыми, предопределяя тем самым решение казачьего собрания.

Так как казаки обладали неодинаковой властью, то и распределение материальных благ было далеко от совершенства. Ярким примером служит практика «дуванов» — дележа трофеев и жалованья в казачьем «кругу». Мало того, что ежегодное «государево жалованье» было рассчитано лишь на часть казаков, однако и тот, кто его заслуживал, но опаздывал на дележ, ничего не получал[8]. Атаманам, есаулам, сотникам и прочим командирам полагался больший пай, нежели рядовым. В свою очередь, в среде простых казаков больше остальных получали родственники «знатных». А в ряде случаев размер пая у рядового казака зависел даже от того, к какой станице он принадлежит, есть ли кто из этой станицы в составе казачьего руководства — например, в атаманах или «полковниках» того самого отряда, который захватил добычу и теперь ее «дуванит»[9].

Поскольку руководство на «дуванах» принадлежало старшинам, бывали случаи, когда на общий дележ шла не вся добыча. Так, в 1697 году 130 казаков во главе с М. Фроловым (сыном войскового атамана Ф. Минаева) отогнали у кубанских татар табун в 1200 голов, однако на «дуван» в Черкасске было выставлено лишь 500 лошадей[10]. Кстати, не был чужд подобной практики и Степан Тимофеевич Разин, выросший, как известно, на Дону. Из трофеев повстанческий атаман получал все, что ему нравилось, причем не на «дуване», а до него! Не забывали о себе и его ближайшие сподвижники (тоже в основном донские казаки), которые на «дуванах» получали в несколько раз больше, нежели рядовые повстанцы.

Нельзя назвать демократичной и систему центрального управления Войском Донским. На Дону действовал принцип, в соответствии с которым всякое решение, принятое «войсковым кругом», считалось законом и было обязательно к исполнению на всей территории Войска. При этом не имело значения, сколько человек присутствовало на «кругу» в «Главном войске». Важно, чтобы «войсковой круг» прошел не где-нибудь, а в Черкасске, и в его работе участвовали войсковые атаман и старшины.

В принципе любой казак, находящийся в столице Войска Донского, мог принять участие в работе «войскового круга». Но, разумеется, все казаки (низовые и верховые) одновременно собраться в Черкасске не могли. Положение усугублялось тем, что «войсковые круги» собирались по мере надобности и, стало быть, весьма часто. Если бы даже от каждого городка присылались делегаты, им пришлось бы постоянно находиться в Черкасске. А на что жить? Ведь никаких налогов казаки не платили... В результате постоянными участниками «войсковых кругов» были только черкасские казаки, большинство которых ходило в ранге «знатных» и «домовитых». Фактически именно казачеству Черкасска принадлежала верховная власть на Дону.

Разумеется, для жителей Войска Донского это не было секретом. Но самое интересное то, что все воспринимали такой порядок вещей как норму, как составную часть «казацкой обыкности». И даже если,

например, «голутвенные» казаки были настроены против старшин (а это случалось, когда не хватало продовольствия и в то же время запрещались походы «за зипунами»), то свое недовольство они выражали, как правило, лишь криками на «кругах» и требованиями «корма». Они по-прежнему подчинялись старшинам[11].

В XVII веке право на Дону было неписаным, обычным. Носители обычного права везде и всегда — наиболее уважаемые и опытные члены общества. Не исключение и Войско Донское, где толкование и применение законов находилось во власти старшин и «знатных» казаков. Если говорить современным языком, «старики» на Дону контролировали все ветви власти — законодательную, исполнительную и судебную.

Решение в «кругу» принималось большинством голосов (в буквальном смысле, ибо побеждала та сторона, что громче кричала). Его можно было отменить, созвав хоть на следующий день новый «круг». Но для того, чтобы окончательно склонить чашу весов в свою пользу, мало было собрать побольше сторонников и привести их в «круг». Нужно было еще и нейтрализовать противников (желательно навсегда, чтобы они уже не выступали на «кругах»). Если учесть, что из всех способов борьбы с врагами казаки предпочитали самые радикальные и простые, то понятно, почему споры на «кругах» нередко решались методом «стенка на стенку».

Кровавые схватки, как правило, начинались после того, как одна из сторон обвиняла другую в «измене». В XVII веке на Дону под «изменой» понимали предательство (переход на сторону «басурман» или дружба с ними во время войны), отход от православия (в том числе еретичество, а с 80-х годов XVII века еще и защита «старой веры»), государственные преступления (хула на царя, казачество в целом и войсковую администрацию, организация мятежа, невыполнение царских указов и распоряжений Войска), наконец, нарушение казачьих традиций (к примеру, запрет пахать землю) и даже уголовные преступления (например, убийство казака из корыстных побуждений)[12].

Мера наказания в этом случае была одна — смертная казнь. Но вот лишали жизни осужденных по-разному. Одних зашивали в мешок с камнями и бросали в реку — это называлось «в куль да в воду». Других вешали за ноги вниз головой на дереве или столбе («якоре»). Третьих расстреливали, четвертым отрубали голову. Однако наиболее часто в отношении «изменников» применялся такой приговор: «бить и грабить». Осужденных тут же, в «кругу», забивали насмерть дубинами, трупы их бросали в реку или овраг, имущество конфисковывали, а затем делили.

При большом желании и некоторой удаче обвинить в «измене» можно было кого угодно. Поскольку приговор, как правило, приводился в исполнение немедленно, то обвинители, оказавшись на «кругу» в большинстве, брали на себя роль не только судей, но и палачей. Впрочем, если решение не проходило и обвинение формально оказывалось ложным, то «изменниками» могли тут же стать и сами обвинители.

Итак, самым популярным способом разрешения конфликтов в «казацкой республике» было насилие. В январе 1671 года казак Р. Калуженин так повествовал о «методах работы» С. Разина: «И на весне, как лед вскрылся, приезжал он, вор Стенька, в войска в Черкаской городок со многими ж людьми и учел в кругу всякие воровские слова говорить (призывал к восстанию. — *О. У.*), и которые атаманы и казаки говорили ему встрешно, и тех он побивал и в воду метал, и жильца Герасима Овдокимова (царского посла. — *О. У.*) посадил в воду; а им де, казаком, управитца с ним было некем»[13].

Впрочем, казацкий «суд Линча» никогда не превращался в массовые репрессии. Судя по источникам, во время схваток на «кругах» редко погибало более десяти человек. И это понятно. Если одна сторона без боя подчинялась воле большинства, казней могло и не быть. Если же пускались в ход дубины, то оставшиеся в меньшинстве, разумеется, не дожидались, пока их перебьют, и разбегались. Погибал тот, кто не успевал убежать. Но и после этого над проигравшими висела угроза смерти, если они не винились или не получали прощения. «Милость к падшим» обычно проявлялась тогда, когда победители не могли похвастаться абсолютным преимуществом в силе. Так было, например, в 80-х годах XVII века, когда на Дону шла борьба между сторонниками «старой веры» и официального православия[14].

Итак, знакомство с жизнью «Донской республики» периода ее расцвета показывает, что казацкий вариант «народовластия» трудно назвать демократическим в современном смысле этого слова. Равноправие казаков было во многом формальным, условным, к тому же оно базировалось на бесправии остального населения Дона (в том числе и женщин). Господство обычного права открывало простор для «законного» произвола. На Дону в XVII веке фактически господствовал принцип: «Кто силен, тот и прав».

Таким образом, если мы хотим с пользой применить опыт казацкого самоуправления, нам лучше не копировать его, а действовать методом «от противного».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549—1917). Белград, 1924. С. 1—2.
2. Там же. С. 29; Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 14—15.
3. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 2. Л. 7 об.
4. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 392—393; Краснов Н. И. Исторические очерки Дона//Русская речь. 1881. № 1. С. 88.
5. Сватиков С. Г. Указ соч. С. 32; Павленко Н. И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах//Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 72—73.
6. См.: Рознер И. Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI—XVIII вв //Вопросы истории. 1970. № 8. С. 51; Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1954. Т. 1. С. 131—132; М., 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 84.
7. См.: Дополнения к Актам Историческим. СПб., 1872. Т. 12. С. 157, 163, 165; Исторический архив. 1960. № 6. С. 141; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 15. Л. 3; 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 2.
8. См.: Дополнения к Актам Историческим. С. 186.
9. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 2. Л. 14—30.
10. Там же. 1698 г. Ед. хр. 3. Л. 2.
11. См.: Крестьянская война под предводительством С. Разина. М., 1962. Т. 3. С. 351; РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 12. Л. 3.
12. Щелкунов С. З. Преступления против «войска» по древнему казачьему праву//Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Новочеркасск, 1908. Вып. 8. С. 166—167.
13. Крестьянская война под предводительством С. Разина. Т. 2. Ч. 2. С. 98.
14. См.: Дополнения к Актам Историческим. С. 134, 140, 165, 176—177, 179, 183—184.

Яд идеологии в крови культуры

ВАЛЕНТИН ТОЛСТЫХ

БЫЛА ЛИ СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА?

Обычно отвечают сразу: «Конечно, была!» Но вопрос не случаен и не столь прост и наивен, как выглядит на первый взгляд. Не знаю, как кого, а меня давно уже уязвляет и возмущает ставшая модной сейчас манера огульно-отрицательного отношения к нашему недавнему прошлому. Общество будто с ума сошло, предаваясь разгулу самобичевания и самоотрицания. В разнос и распыл пошло все — общественное устройство и идеология, экономика и политика, образ жизни и национальный характер. Все «советское» без разбора и безоговорочно определяется как «совковое», то есть нечто заведомо неполноценное, ущербное, человечески и исторически несостоятельное. Впечатление такое, что никому ничего не жаль, даже собственной прожитой жизни. Не осталось ничего святого — даже подвиг страны, спасшей мир от нацистской чумы, становится поводом для сочинения грязного анекдота. Пройдите по Арбату, и вы увидите, как вместе с матрешками и шкатулками продают знамена, ордена, офицерские мундиры, комсомольские и партийные билеты. То, что еще недавно было предметом переживания, человеческого волнения, оплачивалось потом и напряжением воли, стало предметом купли-продажи наравне с ваучером и бутылкой водки. Самое страшное, что это зрелище мало кого раздражает, возмущает, потрясает, как, впрочем, и зрелище пролитой крови, страданий беженцев, разрушенных сел и городов.

Больше всего, пожалуй, досталось культуре — «советской» или «социалистической». Размер ущерба и потерь никто не подсчитывал, но то, что она брошена на произвол судьбы и ныне подвергается мародерскому растаскиванию, по-моему, ясно всем. Ссылки на Горького и Маяковского вызывают недоумение и ухмылку даже у интеллектуалов; соцреализм стал ругательным термином, как будто он чем-то хуже голливудского «капреализма»; великий МХАТ, оказывается, был всего лишь «придворным театром»; настоящую музыку сочиняли только Шостакович, Шнитке и Губайдулина; десятки миллионов зрителей заблуждались, по нескольку раз бегая в кинотеатры на «Чапаева» и «Юность Максима», которые, разумеется, ни в какое сравнение не идут с заморским шедевром «Богатые тоже плачут». Говорят, наступило время всеобщего обвала, и тут ничего не поделаешь: мол, прошлое осталось в прошлом, былого не вернешь и т. д. и т. п. Культура отдана на растерзание черни — плебейской и светской, наконец-то нашедших друг друга в общей вакханалии саморазрушения.

Обычно как бывает? Исчезают цивилизации и империи, но после них остается что-то существенное, значительное, по чему и судят о том, чем они были, какой след в истории оставили. Это важное, существенное, что остается после гибели цивилизаций и империй, — **культура**. Такая, какой она сложилась, у ацтеков ли, шумеров или древних греков и римлян. Сегодня только специалисты — историки и политологи знают и скажут, чем древнеримский Ельцин отличался от древнеримского Горбачева и чем прославился древний Рим — жестокостью или величием. Но остались и почитаются как всеобщее достояние охраняемый государством Колизей, римские дома и улицы, названные в честь императоров, мыслителей и полководцев, биография и деяния которых были отнюдь не безгрешными, римское право, философия Сенеки, поэзия Вергилия и многое-многое другое. Так зачем же нам, живым участникам и свидетелям рождения великой (я на этом определении настаиваю!) советской культуры, от нее — от себя! — отказываться, отрекаться?

Да, советская культура была явлением сложным и очень противоречивым, многоразличным по своему составу и содержанию. Но, наверное, не более противоречивой и уязвимой, чем, скажем, французская культура после Великой французской революции, от которой современные французы не отказываются, прекрасно понимая, что она состояла не только из Дидро и Стендалей, что были Робеспьер и якобинская диктатура с репрессиями, Наполеон с имперскими амбициями и т. п. Да, французы разрушили Бастилию, но она стала символом их революции, которую они торжественно поминают 14 июля каждого года вот уже 200 лет. Я не верю в будущее страны, народа, нации, которые отказываются от своего прошлого, не способны его цивилизованно «переварить», осмыслить и освоить, не предав забвению ни одного мало-мальски значимого продукта культуры.

Если вы согласны с тем, что «Тихий Дон» Михаила Шолохова является великим романом XX века и заслуженно отмечен Нобелевской премией; если наша музыка и балет вызывали неизменное восхищение у миллионов слушателей и зрителей по ту сторону «железного занавеса», а развитие мирового кинематографа никем на Западе не мыслится без вклада выдающихся советских кинорежиссеров — Эйзенштейна и Дзиги Вертова, Пудовкина и Довженко и многих других; если за годы советской власти, несмотря на все сложности и утраты, многие национальные культуры заявили о себе во весь голос и стали известны миру — если все это не мистификация и не самообман, то почему нам самим надо превращать свое культурное прошлое в руины? Настаивая на деидеологизации и деполитизации культуры, мы сегодня только то и делаем, что идеологизируем и политизируем прошлое. Как будто советскими художниками были лишь Маяковский, Демьян Бедный, Арам Хачатурян или Мухина, а все другие: Борис Пастернак, Андрей Платонов, Андрей Тарковский и даже сам Александр Солженицын — «несоветскими» или «антисоветскими»! На самом деле все было сложнее, противоречивее и трагичнее. Так зачем же упрощать реальную историю до неузнаваемости, делать ее плоской, классовой, черно-белой в своей однозначности?!

Бывая в последние годы за рубежом, я не раз слышал от наших прежних соотечественников, особенно молодых, отнюдь не патриотов советской власти и не сторонников коммунизма: «не трогайте, не рушьте нашу систему высшего образования: она, при всех своих недостатках и изъянах, намного лучше американской». Наум Коржавин, которого тоже не заподозришь в любви к «реальному социализму», говорил недавно в интервью, что средняя советская школа учит и воспитывает лучше, чем хорошо знакомая ему западная. Так чего же мы суетимся, дергаемся, уходим от себя, от своих ценностей и достижений, рабски перенимая и внедряя явно не лучшие образцы и стандарты западной цивилизации и культуры? Ей-богу, еще немного, и я начну на манер незабвенного Жданова говорить об «Иванах, не помнящих родства»...

Сейчас все опасаются холода и голода, социального взрыва и гражданской войны. Для этого имеются достаточные основания, но, надеюсь, чаша сия нас минует. Одновременно много пишут и говорят о возрождении, обновлении, воссоздании России. Что, конечно, звучит красиво и возвышенно, но, простите, смахивает на новую идеологему и заклинание, взамен недавней — «коммунизм неизбежен». Серьезно ли мечтать о возрождении, думая лишь о выживании, то есть существовании, разрушая все достигнутое и жизнеспособное? Мы поступаем сегодня в высшей степени некультурно, варварски, не задаваясь даже простейшими вопросами: что на что меняем, куда идем и что в результате может получиться? Кому-то выгодно, усыпляя мысль и затыкая рты, разделить все общество на сторонников и противников изменений, реформ. Однако в реальности все выглядит сложнее и хитрее, чем думают многие нынешние реформаторы. Ситуация, в которой очутилась культура, показывает это наглядно.

Еще недавно, опираясь и ссылаясь на известные авторитеты, мы охотно тиражировали в массовом сознании тезис о враждебности рыночных отношений и буржуазного духа духу поэзии и искусства. Сегодня мы еще не утверждаем обратного, но своим молчанием и бездействием по поводу того, что вытворяют с культурой приверженцы товарно-денежных, вещных отношений, кажется, тому способствуем. Наша общественность с упоением обсуждает варианты экономической реформы и проблему разделения властей, но почему-то не слышит стона, что по Руси раздается: гибнут библиотеки, музеи, катастрофично положение театра и кинематографа, всевозможная и всемогущая макулатура оттесняет на обочину жизни настоящее искусство и т. д. и т. п. Вопрос надо поставить так, как он в действительности встает: на каком культурном основании мы собираемся возрождать, обновлять или воссоздавать былое величие России? На искусстве, традициях, доставшихся нам по наследству, которое мы сейчас растаскиваем, проматываем и уничтожаем, или на тех эрзацах культуры, которые воцарились ныне на книжном рынке, на театральных подмостках и на экранах кинотеатров и телевидения? Мы что, всерьез считаем, что со временем «все образуется», «встанет на свои места», что Россия вновь вступит в Серебряный или Золотой век своего культурного развития? Я не верю в такое чудо, ибо убежден, что не экономика спасет культуру, а, напротив, культура может спасти и экономику, и политику, и национальный характер. Но разве не ясно, что при нынешнем отношении к культуре не видать нам ни цивилизованного рынка, ни цивилизованного образа жизни, ни самой культуры?

КАРЛ КАНТОР

ВАРВАРСТВО, КОТОРОЕ ХОТЕЛО СТАТЬ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

Маркс назвал однажды философию духовной квинтэссенцией эпохи. Это было справедливо по отношению к немецкой философии второй половины XVIII и первой половины XIX века, но никак не по отношению к России. Духовной квинтэссенцией двух эпох российской истории — XIX и XX веков — была не философия, а литература и находящиеся под ее сильнейшим влиянием живопись и музыка, театр и (в советское время) кино. Литература, как известно, совмещала в себе и художество, и социальную философию, и философию истории, и философию религии. Философия в тесном смысле слова шла в России вслед за литературой и искусством. Так было в XIX и в начале XX века. Что же касается советского искусства, советской литературы, то осмыслить их философские богатства советская «философия» даже и не пыталась. Философии как таковой у нас просто не было. Единственным свободным мировоззрением, социальной философией, историософией, этикой, антропологией и даже космологией и теорией познания России советской эпохи была ее литература и находящиеся под ее воздействием другие искусства.

Короче говоря, советское искусство было духовной

квинтэссенцией советской эпохи. Такова во все периоды в большей или меньшей степени основная особенность всех ее различных направлений и всех достойных упоминания прославленных и не прославленных творцов.

Что было бы с духовной жизнью советского народа, если бы не его искусство, когда такие органы духовной жизни, как философия и религия, были запрещены? Оставалась еще наука; мирового уровня естественная наука и даже отчасти такая же историческая, шагавшая широко, несмотря на идеологические рогатки, расставленные на ее пути; оставалось еще школьное и университетское образование, превосходно поставленное, правда подпорченное, но все же не задавленное идеологией. Но ведь наука на ее творческих высотах доступна, увы, немногим, а что представляло бы собой образование, особенно школьное, без советского искусства — главного воспитателя трех советских поколений?

В школьном образовании, по замыслу партократов, искусство выступало как проводник советской идеологии. Отчасти так оно и было, но одновременно, вопреки «установкам», оно выступало и как единственный духовный противовес идеологии. Официальными комментариями, критикой, школьными программами пытались идеологизировать совсем не идеологические тексты, но они этому не поддавались. Да и то сказать, и в советской идеологии не все сплошь было зловредным. Она несла в себе наигуманнейшие идеалы, лишь обложенные вонючей ватой человеконенавистнических идеологем. Пытливый юношеский ум добирался до идеалов.

Вторая общая для всех различных направлений советского искусства черта (связанная с ее первой, основной) — его «словесность» в смысле такой его духовности, которая не только не стремится, но и избегает опредмеченности, овеществленности: это дух, остающийся в сфере духа. В этом, кстати, заключается причина «вторичности» в России всех предметных искусств, в том числе скульптуры и живописи. Исключения тут редки.

Не стремящаяся к овеществлению духовность русской культуры (советская культура эту особенность лишь усугубила) и одновременно потребность в общении, удесятеренная (против обычного) коллективистским укладом жизни, сделала русскую литературу не только ведущим искусством России, но и одной из величайших литератур мира. А что касается слова пророческого, то никому оно не было подвластно в такой степени, как русскому писателю.

Третья черта, общая для всех периодов и всех направлений советского искусства, для всех его значительных и даже не очень значительных творцов, состоит в том, что это было искусство в своем содержании и своих формах, запечатлевшее трагедию величайшей революции — ее взлеты и падения, ее прозрения и ослепления, ее надежды и разочарования, ее героизм и трусость, ее величие и ее низость, ее прекрасные идеалы и крах этих идеалов, даже неизбежность этого краха при сопряжении идеалов с действительностью и, как следствие, поругание идеалов, отречение от них; и по этой причине двойное и тройное отречение от собственной истории, сначала от революционной, затем от первых, еще романтических послеоктябрьских лет, затем и от всей советской эпохи.

Варварство, вырвавшееся из вулкана революции, сожгло в своем стремлении стать новой цивилизацией многое из того цивилизационного, что уже укоренилось в русской жизни. Но важно то, что варварство **хотело** стать цивилизацией, перестать быть варварством, что оно выступило против той цивилизации, которая блокировала варварство, мешая ему стать цивилизацией. Варварство по-варварски расправилось с цивилизацией, но точно так же по-варварски оно боролось против самого себя, путая средства и цели. Это была беспощадная самоубийственная борьба, в которой не столько Москва диктовала России, сколько глубинный Чевенгур — этот эпицентр самозародившегося бедняцко-уравнительного социализма — определял политику Москвы. Вспомним: любимый герой Платонова «в душе любил неведение больше культуры: невежество — чистое поле, где еще может вырасти растение всякого знания, но культура — уже заросшее поле, где соли почвы взяты растениями и где ничего больше не вырастет. Поэтому Дванов был доволен, что в России революция выполола начисто те редкие места зарослей, где была культура, а народ как был, так и остался чистым полем, — не нивой, а порожним плодородным местом».

Ныне история советской власти кончилась, или почти кончилась. Теперь ее почти по-оруэлловски ежедневно переписывают.

Советская история канула в Лету, но советское искусство, духовная квинтэссенция этой истории, осталась.

Сегодня в «элитарных» кругах модно говорить, что художественную ценность в советском искусстве сохраняет творчество только тех авторов, которые не приняли революции и советской власти: Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, Булгакова. Если бы даже это было правдой — а это неправда (по отношению к некоторым — полуправда), то ведь и то, что в творчестве этих писателей возникло как результат прозрения, переосмысления, переоценки и только потом неприятия, протеста, также было рождено революцией, ее последствиями.

Всего лишь один пример. Независимого, идущего «поверх барьеров» Пастернака противопоставляют «революцией мобилизованному и призванному» Маяковскому. Но Пастернак в страшные 1930—1931 годы напечатал книгу «Второе рождение», в которую включил притворно-печальное стихотворение на смерть своего друга Маяковского. Певец революции отверг все, что исподволь готовило и было связано с контрреволюционным переворотом 1929 года, ушел из жизни, назвав те дни «потемками», «окаменевшим говном», разоблачив в своей «Бане» (постановка которой стоила Мейерхольду жизни) перерождение партократии в новый господствующий класс. А Пастернак именно в те годы почувствовал себя «второй раз родившимся». Маяковский отодвинул приход социализма в «фосфорическую» даль, а Пастернак славил «близь социализма», славил пятилетки, не подозревая, что не только над страной, но и над ним, «небожителем», сгущается (уже сгустилась) всепожирающая тьма.

Оба — Пастернак и Маяковский — страдали. А каков был поэтический «итог»? «Обыгрывание этого страдания могло стать «темой с вариациями» (название цикла стихов Пастернака. — *К. К.*) для деятельности поэта обычной талантливости», — писал Андрей Платонов в 1940 году. Но «у поэта гениального (это о Маяковском. — *К. К.*) страдания переходят в энергию ненависти к причине страдания... в движение жизни, которое всегда приводит к надежде и освобождению от страдания» (Андрей Платонов. «Размышления читателя»).

Запреты и цензура, стреноживившие прессу в революционные годы, не распространялись тогда на искусство. Оно было свободно так, как ни до, ни после. Оно «позволяло» себе все, включая хулу на революцию и жестокую правду о ее вожде. Ныне критики советской власти разжигают ненависть к Ленину, изображая «Ильича без грима». Им потребовался — ни много ни мало — развал созданного Лениным государства, чтобы осмелеть. А Илья Эренбург в первом своем романе «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников...» (1922) посвятил основателю большевизма специальную главу (она еще перепечатывалась в издании 1927 года, но ее нет в первом после 1927 года переиздании романа в «оттепельный» 1962 год), назвав эту главу «Великий Инквизитор вне легенды». В ней Ленин предстает как фанатик идеи, инициатор красного террора. Эренбург вкладывает в уста Ленина такие откровения, которые перекрывают все, что содержится во «впервые» опубликованных Д. Волкогоновым или Л. Колодным ленинских документах. «Мы, — говорил главный коммунист Хуренито, — ведем человечество к лучшему будущему. Одни, которым это невыгодно, всячески мешают нам... Мы должны их устранять, убивая одного для спасения тысячи. Другие упираются, не понимая, что их же счастье впереди... Мы гоним их вперед, гоним в рай железными бичами. Дезертира-красноармейца надо расстрелять для того, чтобы дети его, расстрелянного, познали всю сладость грядущей коммуны!..»

И что всего удивительней — Ленину нравилась книга Эренбурга, озорная, язвительная, скептическая, предпочитающая сомневающееся «нет» безвольно-соглашательскому «да»!

Культура общества и эпоха общества — не одно и то же. Культура переживает целый ряд эпох.

Возникает вопрос: является ли советское искусство духовной квинтэссенцией только советской эпохи или также и русской культуры, самых ее нуклеарных основ — того «пакета» фундаментальных ценностей, которые проявляют свое действие во всех эпохах, даже при смене классового состава общества, его политической власти и господствующей идеологии?

Троцкий, например, разделял понятия «советская эпоха» и «русская культура». А так как в 1923 году, когда он писал на эту тему в книге «Литература и революция», советская эпоха только начиналась и до ее зрелости, как он думал, было еще далеко, то и советская литература и живопись того времени были, как он думал, еще очень далеки от совершенства. «Певчая птица поэзии, — писал он, — как и сова, птица мудрости, дает о себе знать только на закате Солнца. Днем творятся дела, а в сумерки чувства и разум начинают отдавать тебе отчет в совершенном».

Я думаю, что это не так. На самом деле «птица поэзии» пробуждается с рассветом и поет при свете утренней зари новой эпохи. Птица поэзии — птица юности. Муза трагической поэзии пробуждается, когда солнце в зените. Это птица зрелости. А сумерки для поэзии — время ее упадка. Тут, действительно, вылетает сова Минервы. Так, утро греческой поэзии началось Гомером, затем лириками и дифирамбистом Пиндаром. День — это Эсхил. Аристотель пришел в сумерки.

Утро российской культуры XIX века возвестила муза Пушкина, день — трагедия Достоевского, вечер — философия Владимира Соловьева. Так произошло, я думаю, и в советскую эпоху. Утро ее — Маяковский, день — трагедия Платонова, вечер — социально-философские романы Александра Зиновьева.

То, что Троцкому казалось лишь переходом к революционному искусству, на самом деле было **завершением** героического и романтического периода советской эпохи. Советская эпоха продолжалась более 70 лет, ее первый период, то есть революция, — всего 7—10 лет, хотя инерция революции в искусстве продлилась еще примерно лет семь. Зато этот начальный период советской эпохи был периодом величайшего взлета русского искусства — периодом художественных гениев: Маяковского, Хлебникова, Есенина, Блока, Замятина, Шолохова, Платонова, Булгакова, Филонова, Малевича, Татлина, Петрова-Водкина, Шагала, Шостаковича, Прокофьева, Мейерхольда, Вахтангова, Эйзенштейна и многих других, не гениальных, но высоко талантливых писателей, художников, архитекторов, скульпторов, артистов, музыкантов.

Все, что было создано в последующие периоды советской эпохи — хорошее и не очень хорошее, — питалось соками великого искусства первого периода советской эпохи, хотя часто создавалось как сознательное отречение от искусства первого послеоктябрьского десятилетия, как это произошло, например, с андеграундным авангардом семидесятых — первой половины восьмидесятых годов.

Оценивая советскую эпоху и, соответственно, искусство советской эпохи, надо четко различать несколько ее периодов. Период революции, сменившийся периодом контрреволюции. Затем период Великой Отечественной войны, в котором перемешались черты революционные и контрреволюционные. Период, сделавший возможным десятилетие частичного возврата к надеждам Октября («оттепель»). Затем — контрреволюционно-консервативный застойный период, когда была окончательно осознана тщетность возрождения революции и исподволь начали формироваться силы, взыскующие откровенной «реставрации капитализма», однако невозможной потому, что подлинного капитализма в России никогда не было, а на Западе его уже нет. И, наконец, вслед за абортированной Пере-

стройкой — период гибели советской эпохи, период Смуты.

Период революции, как я уже сказал, завершился примерно к началу тридцатых годов. Три самоубийства были знамением конца революции и предвосхищением новых, уже контрреволюционных бедствий. Самоубийство Есенина (1925) предвосхитило трагедию крестьянства, самоубийство Маяковского (1930) — трагедию революционной интеллигенции, самоубийство Александра Дванова (1927), двойника Андрея Платонова, символически предвосхитило превращение рабочего класса в наемных рабов партократии.

Как же все-таки произошло, что в течение первых 5—10 лет были созданы шедевры искусства, «обеспечившие» высочайшими художественными ценностями всю последующую историю советской эпохи (и, уверен, всю последующую историю России и мира)? Все дело в том, что Октябрьская революция была подготовлена в течение всего предшествующего столетия, она готовилась всеми слоями русского общества, и в том числе, может быть, даже более всего,— художественной интеллигенцией. Василий Розанов даже утверждал, что Октябрьская революция — результат всей русской литературы XIX века. Те, кто стали зачинателями советского искусства, — Блок, Хлебников, Маяковский, Филонов, Малевич, Петров-Водкин — пришли в революцию из прошлого. Они продолжали революционно-критические традиции великого русского искусства. Как мастера они вполне сложились еще до революции, но ждали революции, торопили ее приход. Евгений Замятин, автор романа «Мы», был до революции активным большевиком. Велимир Хлебников за пять лет до революции предсказал ее точную дату. Славнейшему символисту Александру Блоку суждено было стать автором первой поэмы о новых апостолах, апостолах революции, которых, как и апостолов Нового Завета, возглавил Иисус Христос. Нужен был громадный жизненный и поэтический опыт предреволюционной жизни русского поэта и нужна была коренная ломка политических и социальных (но не общекультурных) устоев российской жизни, нужно было такое уяснение евангельского смысла происходящего, доступное только человеку такой высокой духовной культуры, каким был Александр Блок, чтобы написать поэму, о которой И. Сельвинский как-то сказал, что Октябрьская революция произошла, может быть, лишь для того, чтобы Блок написал «Двенадцать».

Те же самые революционные апостолы явились десять лет спустя в «Чевенгуре» Андрея Платонова, «предводительствуемые» «Капиталом» Маркса, которого они по своей безграмотности отождествляли с Христом.

Маяковский также состоялся еще до революции. Если бы Маяковский не написал ничего, кроме своих дооктябрьских поэм: «Облако в штанах», «Флейта-позвоночник», «Человек», «Война и мир», он все равно вошел бы в историю русской и мировой литературы. У него уже тогда не было нужды беспокоиться о своей посмертной славе. И не ради славы с «небес поэзии» он бросился в «коммунизм». Всем сердцем принял он революцию, потому что до нее чувствовал себя одиноким, «как последний глаз у идущего к слепым человека», потому что вокруг себя не видел людей. «Нет людей. Понимаете крик тысячедневных мук? Душа не хочет немая идти, а сказать кому?» С революцией, ему казалось, эти муки непременно кончатся. С нею он связывал возможность преодоления одиночества, слияние с народом, обретающим человеческое достоинство, при котором и его «Я» не исчезнет бесследно. Не случайно его первая послеоктябрьская поэма уже не о себе, а о народе, который для него не безликая масса, а соборная личность, как бы сама сочиняющая о себе свою «Илиаду» и «Одиссею». «Никто» не сочинитель, хотя в то же время — «моя». А между тем сочинитель назван — в нарушение формальной логики. Он же и герой поэмы. Это — Иван, вмещающий в себя все 150 миллионов россиян: «Россия вся единый Иван и рука у него — Нева, а пятки — каспийские степи».

Только потому, что революция готовилась загодя, и только потому, что родоначальниками советского искусства, подобно Маяковскому, стали писатели и художники, которые испытывали на себе груз почти принудительного одиночества, отчужденность от общенародного коллектива — состояния, столь противные генетическим основам русской культуры, — только потому, что именно эти художники испытали радость (пускай и недолгую, пускай отчасти и мнимую) приобщения к народной жизни, только поэтому искусство первого периода явилось духовной квинтэссенцией не только эпохи, но и самых глубинных интенций российского типа культуры. Полный отказ от индивидуальности этому типу несвойственен. Но тогда жажда индивидуальности была удовлетворена тем, что индивидуальностью стал народ — «единый Иван», личностью — государство Советов. И только когда государство утратило черты личности, а черты народа как индивидуальности стали тускнеть — центр тяжести литературы и искусства снова был перенесен на отдельного индивида.

Тридцатые, сороковые, отчасти пятидесятые годы — время превращения советского искусства в служанку идеологии, партократии. Но было бы грубейшей ошибкой полагать, что это касается всего искусства, что не появлялись на белый свет произведения, фактически подрывающие сталинский режим даже тогда, когда они создавались в точном соответствии с идеологическим заказом. Я уже говорил, что антигуманная идеология партократии, не порвавшая еще пуповину с тем учением о свободе и равенстве, из которого она когда-то родилась, сохраняла в себе самые светлые идеалы человечества. Открыто отвергнуть и осудить их партократия не решалась. Вот почему даже служа идеологии, даже оставаясь подконтрольными многоярусной партийной цензуре, писатели, художники, особенно композиторы (не так-то просто процензурировать музыку, хотя и пытались это делать), могли создавать талантливые, значительные произведения искусства. Какие чудесные песни в тридцатые, военные, пятидесятые и шестидесятые годы были созданы Дунаевским, Новиковым, Соловьевым-Седым, Мокроусовым, Островским, Пахмутовой и многими другими. И не было в них (часто даже в словах, не говоря о мелодии) прославления тирании, как пытался убедить нас телесериал «Монстр». А Дмитрий Шостакович! Ведь он, несмотря на преследования, именно в сталинские годы состоялся как величайший композитор XX столетия! А советская музыкальная исполнительская школа — много ли равных ей было в мире?

Хуже было в кино. Там цензором был сам Сталин. И что же? Сто самых прославленных кинокритиков мира в числе десяти режиссеров-отцов мирового кинематографа назвали четырех советских: Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко и Донского. Все они создали свои лучшие фильмы в годы сталинской диктатуры. Самый язык кино был создан советскими режиссерами — прежде всего Эйзенштейном. Под влиянием горьковской трилогии М. Донского и его монументально-трагической «Радуги» возник итальянский неореализм — об этом не раз говорили сами итальянские кинорежиссеры.

Как же можно утверждать, подобно авторам «документального» «Монстра», что все советское кино было целиком в услужении у сталинского тоталитарного государства, что все оно было лишь средством манипулирования массовым сознанием?

Разумеется, в кино 30—70-х годов, как и в других видах искусства, было много бездарного, служившего социализации массового зрителя в точном соответствии с предписаниями начальства, много картин, иногда даже талантливых, которые воплощали в себе самые отвратительные идеологемы советской идеологии. Но не об этом искусстве сегодня речь.

Россия, став советской, осталась Россией. Останется ли она ею теперь, перестав быть советской? Я убежден, что останется.

Но не расшатываются ли сегодня вместе с советским наследием коренные устои России как своеобразного типа культуры?

И, наконец, в своем желании поскорее стать цивилизованными, — не становимся ли мы варварами на новый лад?

ЮРИЙ БОРОДАЙ

ХИМЕРЫ, ПЕРЕРАБОТАННЫЕ В РЕАЛЬНОСТЬ

Простой вопрос: а можно ли называть советскую культуру культурой? С точки зрения абстрактной схемы классической культурологии, культура лишь до тех пор может оставаться живым и плодоносным организмом, пока она не прерывает всех своих явных или тайных связей — пусть совершенно подсознательных уже — с опорным культом, то есть с системой соборных национально-этнических идеалов, которые выше индивидуальных побуждений и материальных интересов. Грубо говоря, никакая культура невозможна без хотя бы смутного представления о потусторонних — божественных целях, ради которых можно пожертвовать и собственной шкурой. А когда то, что еще называется «культурой», базируется лишь на материальных и атеистических ценностях, то это уже не культура. Это то, что можно обозначить как квазикультуру. Поэтому вопрос о советской культуре можно, казалось бы, разрешить очень просто: безбожная советская культура — это квазикультура. Но это слишком простой ответ на вопрос. Ответ неверный, ибо надо еще посмотреть, насколько советская культура была действительно безбожной, несмотря на все ее атеистические декларации. Объявить, будто вся советская культура и — соответственно — советское искусство были ложью и духовной мертвечиной,— это клевета.

Конечно, для меня величайшая ценность — классическое русское искусство, классическая русская литература. И в связи с этим встает вопрос: в какой мере советская культура стала органичным продолжением и обновлением того, что было?

Тут, конечно, есть многие «запятые» и в понимании самой дореволюционной культуры, особенно дореволюционного искусства. Я попробую выступить в несвойственном для себя амплуа — буду «ругать» классическое русское искусство, особенно классическую русскую литературу. Литература эта несомненно великая. Но в чем ее ценность? В том, что она была зеркалом жизни? Верно отображала характер русских людей? Их реальные устремления и заботы? Для меня совершенно очевидно, что дело не в этом. Я думаю, не было, наверное, более «кривого зеркала» на свете, чем великая русская литература. Тысячелетняя империя строилась и держалась на рутинной созидательной работе миллионов русских людей, на их героическом упорстве, самоотверженности. И все это, как правило, оказывалось вне поля внимания русской литературы. После Великой Отечественной 1812 года гениальнейший Грибоедов рисует нам обобщающий образ военного. Что это? Адекватное отражение действительности?

Эту особенность нашей литературы очень четко сформулировал Иван Солоневич — человек, который, по-моему, о нашем лагерном периоде написал лучше, чем Солженицын. И о нашей дореволюционной истории тоже. Я имею в виду его книги «Россия в концлагере» и «Народная монархия». К познанию сути русской литературы он подошел под очень интересным углом зрения. Так случилось, что, убежав из советского концлагеря, Солоневич оказался в Германии, и там его привлекли к работе в качестве аналитика германский Генштаб и другие подобные органы. Готовилась война с Россией, и надо было кроме всего прочего — кроме экономической статистики, оценки военного потенциала, потенциала технического и т. д. — не ошибиться (что было очень важно) и в оценке русского менталитета, русского характера. Солоневич пы-

тался убедить немецких специалистов в том, что не надо трогать Россию, даже советскую — полузадушенную, полуразрушенную. Ничего, кроме катастрофы для Германии, из этого мероприятия не выйдет. Он описывает свои бесконечные споры в стенах германского Генштаба. Прекрасно осведомленные люди там сидели, которые в первую очередь отличались тем, что великолепно, прекрасно знали русскую литературу. К какому выводу они пришли на основании своего великолепного знания русской литературы? Они пришли к выводу совершенно законному. Если русская литература — верное зеркало, то русские люди — это скопище неврастеников: верхний слой — «лишние», сверх того еще Чичиковы и идиоты; нижний слой — босяки по Горькому или обыватели по Зощенко. Лишние и босые люди, нуждающиеся в строгом надзоре. Солоневич пытался это оспорить. Но сделать это оказалось трудно и потому, что русская литература — это великое искусство, ее образы созданы с огромной силой убеждения. Немцы поверили, и это стало их роковой ошибкой, это стоило им миллионов жизней. Вот такая ошибочка вышла на очень хорошем знании русской литературы. На убеждении, что литература — зеркало реальной жизни.

Я думаю, что в немецких ошибках русская литература не виновата, потому что не дело литературы и искусства правильно отображать действительность. Искусство не наука. Дело искусства — просветление, катарсис через конфликт и трагедию. Позитивная сторона жизни искусство не волнует. Все счастливые семьи похожи друг на друга, — говорит Толстой, и это для художника не очень интересно. Без конфликта, хотя бы вымышленного, гиперболизированного, литературы просто нет. Какая же литература без конфликта? Без трагедии или карикатуры? Если мы будем судить о русском купечестве по пьесам Островского, а это художественные шедевры, правильную ли мы получим картину? А ведь это русские купцы построили промышленность, которая к началу XX века по темпам роста вышла на первое место в мире. В этом смысле и классическое русское искусство действительность никогда правильно не отображало. И не в том была его задача. Искусство — феномен культуры. А суть культуры — это связь с трансцендентными ценностями. Трансцендентные ценности можно утверждать вопреки действительности, даже, если угодно, искусственно выдумывая конфликты.

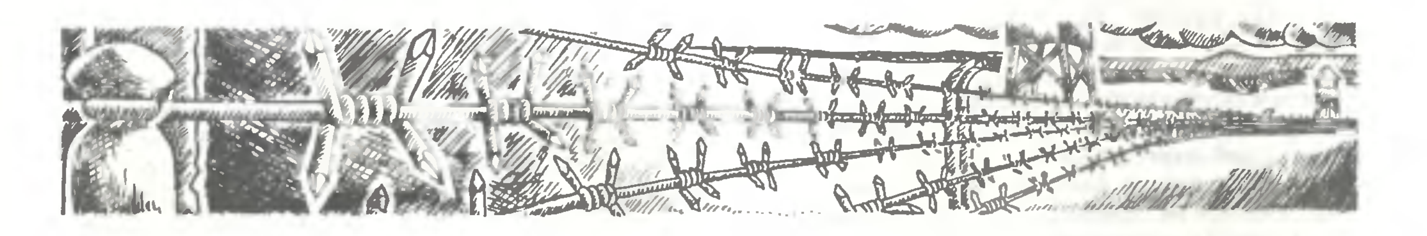
Все это касается и советского искусства. Утверждение, что советская культура возникала как квазикультура, лишь отчасти верно. Конечно, искусство это было подчинено политике партии. Но, во-первых, менялась, перерождалась и сама партия. Ведь никакой «единой партии» у нас в стране не было. Народ оказался настолько жизнеспособен, что умудрился даже этот инструмент геноцида превратить и переработать в орган собственного тела. По меньшей мере три коммунистические партии были в нашей стране. 1917—1937 — это одна партия, 1937—1957 — это совершенно иная партия. И с другой идеологией. 1957 и далее до перестройки — это тоже совершенно новая партия. Дальше, если уж серьезно разговаривать о так называемой советской культуре, не было никакой единой советской культуры. Не было никогда такой «советской» целостности. Более того, советская культура, возникнув, также перерождалась. Перерождалась в смысле возвращения к классическим истокам. Перерождалась из квазикультуры в культуру. Так же, как и советское искусство перерождалось из квазиискусства в искусство, часто даже более высокого качества, чем дореволюционное.

В свое время Солженицын выступил с утверждением, что проза Распутина, Белова, Астафьева в определенном смысле глубже и выше прозы Толстого.

С моей точки зрения, в таких утверждениях есть смысл. Если основой искусства является трагический катарсис, то мы пережили такую эпоху, когда трагических ситуаций выдумывать не надо было.

Кстати говоря, наиболее благоприятны для искусства эпохи отнюдь не благополучные. Если взять эпоху европейского Возрождения, то это было время страшноватое. Я думаю, что и от советского времени для нас останутся в литературе такие вещи, каких не знала история искусства: «Тихий Дон», «Мастер и Маргарита», «Архипелаг ГУЛАГ»... Я думаю, что ничего подобного в XX веке и на Западе создано не было. И то, что тому же Булгакову в этой страшной системе пришлось вынужденно 20 лет сидеть, отделывать, переписывать, переписывать и переписывать своего «Мастера», то это, может быть, пошло во благо.

Я думаю, что можно и нужно говорить о советской культуре и о советском искусстве в положительном смысле. И я думаю, что у этого феномена есть будущее. Думаю, что недалеко то время, когда нас ждут крупные откровения. Я убежден, они просто неизбежны. Потому что чем глубже социально-историческая трагедия, тем более глубинного катарсиса мы вправе ожидать. Если только культура еще не умерла совсем. Если не умерло стремление к трансцендентным ценностям. Но этого в России не произошло.

ЯД ИДЕОЛОГИИ В КРОВИ КУЛЬТУРЫ

Когда по старому Арбату гуляет полуголая красотка, накинувшая на роскошные плечи продаваемый мундир с боевыми наградами, — мне не до рассуждений о том, «советский» это мундир или не «советский». Мне не нужно знать, протестует эта баба против «коммунистической идеологии» или просто помогает сбыть товар; я знаю другое: перед нами кощунство, ничего общего не имеющее ни с «той», ни с «этой» идеологией. Ни с «юмором», которым часто прикрывается такая торговля «сувенирами эпохи тоталитаризма». Ни с серьезной оппозицией, которую можно предположить за юмором. Это даже не рынок, это нравственное мародерство. Там уже неважно, чем именно торгуют: погонами, в которых люди гибли в 1944 году, или погонами, в которых ехали на космодром в 1961-м. Не истлей шинели 1914-го — и их бы пустили с лотка. Кивера 1812-го — пустили бы, и было бы так же больно от кощунства.

Не будем обманываться эмблемами, под которыми гибли отцы и деды: под крестами ли, под звездами ли — они гибли. А мы эмблемами, под которыми они гибли, торгуем. Есть разница?

Валентин Толстых прав: торгаши на старом Арбате — слишком очевидный признак, чтобы долго гадать, что он означает. Более тонкий и сложный вопрос — оценка того исторического явления, которое называется советской культурой. Здесь материя потоньше и торговля посерьезней.

Что имеется в виду под «советской культурой»? Все, что мечено серпом и молотом? Все, что происходило в течение семидесяти лет в тени красного знамени? Все, что творилось под пятиконечной звездой?

Эмблематика — вещь огромной важности, при всей своей «бесплотности»; она несокрушима, если соответствует глубинным движениям в обществе и народе.

Но под эмблемами идет жизнь и развивается культура — все семьдесят советских лет. И если говорить не только о знаках и идеях, но и о реальной жизни и культуре, то на месте эмблематически монолитного «советского периода» оказывается несколько совершенно разных этапов, с разным складом отношений, с разными человеческими типами, одерживающими верх в решающих конфликтных точках. Одно дело — пореволюционное десятилетие; другое — предвоенные годы (лучше сказать: межвоенные), военные и послевоенные. Совсем иная реальность — либеральная «Оттепель», а потом контрреформация «Застоя», а потом эйфория «Перестройки»... И партия — только по эмблеме «одна», а по реальности — минимум трижды она исчезала (иногда тонула в собственной крови) и возникала в совершенно ином качестве. Тут и Карл Кантор, и Юрий Бородай смотрят в корень, хотя копают с противоположных концов. У Надежды Мандельштам было отмечено, как парни в гимнастерках сменили парней в косоворотках. Поколением раньше парни в косоворотках сменили парней в буденовках. Это не смена пар в танце; это кровь, драка, гибель... хотя эмблемы остаются. Вернее, перехватываются в борьбе.

Введите эту борьбу в вековой русский перехват власти между верхними, центральными, «опричными» и низовыми, местными, «земскими» структурами — и не надо будет мудрить над вопросом: «входит» или «не входит» советский период в подлинно русскую историю. Он из нее и не выходил.

То же и с «советской культурой», феномен которой обсуждается на нынешнем форуме «Свободного слова». Три выступления, публикуемых сегодня, не исчерпывают темы, а контрастно ее очерчивают — именно с точки зрения российского преемства. Возможны и другие точки отсчета, например: смена мировых стилей в двадцатом веке; к этим позициям мы еще вернемся.

А сейчас — о реальном историческом содержании той жизни, которая все семьдесят советских лет шла (продолжалась) под красными знаменами и пятиконечными звездами.

Вот два противоположных взгляда на ход этой жизни и смысл этой драмы.

Первый. Были великие идеалы, была чистая духовность, но все это захлебнулось в низовой, инертной, материальной жизни. «Огнь Фрейлиграта» угас в нашем «болоте». Оставим в стороне «русофобские» идеи, будто «мировая истина» провалилась в «русскую дурь», — это идеи дешевые. Но в реальности ведь драма произошла? Произошла. Карл Кантор описывает ее так: варварство страстно хотело стать цивилизацией и, по-варварски перепутав средства и цели, расправилось с цивилизацией, то есть само себя распотрошило. Глубинный Чевенгур одолел красную Москву.

Есть другой взгляд. Не идеи пали в грязь, а порча напала на почву. Но народ оказался настолько жизнеспособен, что переварил отравленные теории в плоть реальности, переработал яд идеологии в кровь культуры, превратил «эмблемы» и «инструменты» в «органы собственного тела». Это взгляд Юрия Бородая.

При полной внешней несовместимости этих точек зрения они описывают ОДНУ РЕАЛЬНОСТЬ, и описывают весьма рельефно.

Поэтому я не «выбираю» из этих точек зрения «правильную»; я оставляю обе, потому что они дают стереофонию жизни, которая не останавливалась ни в 1917, ни в 1937, ни в 1953, ни в 1991.

И не остановится. Хотя яд и кровь будут меняться этикетками, и безумные дети будут пускать с лотков отцовские мундиры. Ничего. Разумные дети в ответ будут искать меру яда, который, входя в кровь в лекарственно нужных дозах, спасает вены от разрыва и кровообращение от застоя.

ЛЕВ АННИНСКИЙ,
обозреватель журнала «Родина»

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «РОДИНА»

Наш журнал приступает к выпуску серии оригинальных книг, посвященных истории Отечества. Подготовлена к печати книга кандидата исторических наук Владимира Лебедева «Российский державный орел». В популярной форме автор излагает историю главного символа русской государственности. В работе обобщен обширный историографический и источниковедческий материал. Книга снабжена комплексом указателей и списков, позволяющих использовать ее и как справочное пособие по русской геральдике. В ней содержится свыше ста цветных и графических иллюстраций.

Предварительные заявки на книгу «Российский державный орел» вы можете присылать в адрес нашего журнала. После выхода книги в свет она будет выслана вам наложенным платежом.

Мы публикуем фрагмент из рукописи Владимира Лебедева, где впервые в отечественной литературе дается подробное изложение всех элементов Большого герба Российской империи.

БОЛЬШОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ РОССИИ

31 мая 1857 года Указом Правительствующего Сената по Высочайшему повелению императора Александра II в России был введен Большой государственный герб.

В нем закреплена традиция, ведущая начало от государственной печати Иоанна IV Васильевича, на которой вокруг гербового двуглавого орла располагались гербы территорий, входящих в состав русского государства.

Большой государственный герб отражает средствами геральдической символики триединую сущность русской идеи — за Веру, Царя и Отечество. Впервые проект Большого герба России был изложен в Манифесте императора Павла I в 1800 году. Но тогда эта идея не получила завершения.

Новизна Большого государственного герба заключалась в композиционном соединении гербов российских территорий и использовании ранее не применявшихся в России геральдических средств. При этом большинство гербов российских территорий остались практически неизменными, как и главный символ русского государства — двуглавый орел.

В окончательном виде Большой герб сложился к 1883 году и оставался таковым до 1917 года. Он изображался на большой государственной печати, на тронах, балдахинах, в залах, предназначенных для торжественных собраний при Императорском Дворе и для заседаний высших присутственных мест...

В советское время изображение Большого герба Российской империи практически не воспроизводилось, поэтому для многих читателей будет интересен рассказ о его композиции.

В центре Большого герба помещен государственный герб России — черный двуглавый орел в золотом щите. На груди орла расположен Московский герб — св. Георгий Победоносец, побивающий змея. Герб России увенчан шлемом святого Великого Князя Александра Невского. По обеим сторонам герба России стоят щитодержатели: Архистратиг Михаил с огненным мечом (слева от зрителя) и Архангел Гавриил (справа от зрителя) — небесные покровители и заступники России. Вокруг щита — цепь ордена св. Андрея Первозванного. Центральную часть Большого герба укрывает золотая сень в виде шатра, подложенная горностаем. На сени начертан российский девиз: «Съ нами Богъ». Над сенью помещена императорская корона и государственная хоругвь, завершающаяся двуглавым орлом и восьмиконечным крестом. Вокруг главного щита расположены щиты с гербами Царств и Великих княжеств, увенчанными принадлежащими им коронами. Прототипами корон послужили реальные исторические венцы русских государей: Шапка Мономаха, Казанская шапка Иоанна IV Васильевича, Венец Большого наряда Михаила Романова, Шапка Мономаха второго наряда Петра I Алексеевича, Алмазная шапка Петра I, Корона Анны Иоанновны, Большая императорская корона. Все они хранятся в Оружейной палате Московского Кремля и Алмазном фонде России. В верхней части Большого герба помещены щиты с гербами территорий, также входящих в состав России (по три щита слева и справа от государственной хоругви).

Девять щитов с гербами, увенчанными коронами, расположены в следующем порядке (против часовой стрелки): Герб Казанского царства; Герб Польского царства; Герб Херсонеса Таврического (по древнему названию Крыма, входившего в состав Византии); соединенные в одном щите гербы Великих Княжеств: Киевского, Новгородского и Владимирского; Родовой герб Его Императорского Величества, включающий герб Рода Романовых — червленый гриф в серебряном поле с черною каймой (слева от зрителя) и Шлезвиг-Голштинский герб, соединенный из гербов: Норвежского, Шлезвигского, Стормарнского, Дитмарсенского, Ольденбургского и Дельменгорстского (все эти земли входили в полный титул российских императоров и формально принадлежали русской короне); Герб Великого Княжества Финляндского; Соединенные гербы Грузинского царства в одном щите, включающем гербы: Грузии, Иверии, Карталинии, Кабардинских земель, Армении, Черкасских и Горских Князей; Герб Сибирского царства; Герб Астраханского царства.

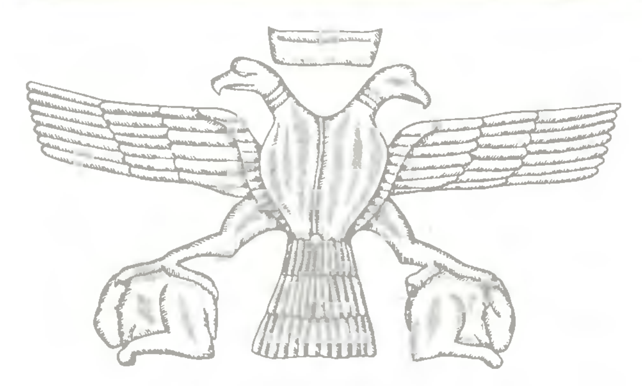
Верхние щиты с гербами имеют следующий порядок (слева направо): Щит соединенных гербов Северо-Восточных областей (Вятский, Болгарский, Кондийский, Обдорский, Пермский гербы); Щит соединенных гербов княжеств и областей Литовских и Белорусских (Белостокский, Самогитский, Витебский, Мстиславский, Полоцкий, Литовский гербы); Щит соединенных гербов княжеств и областей Великороссийских (Нижегородский, Югорский, Рязанский, Смоленский, Псковский, Тверской, Ярославский, Ростовский, Белоозерский, Удорский гербы); Щит соединенных гербов княжеств и областей Юго-Западных (Волынский, Подольский, Черниговский гербы); Щит соединенных гербов Прибалтийских областей (Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Корельский гербы); Щит с гербом Туркестана (включавшего Туркестанский край, Бухарское и Хивинское ханства).

Большой герб России обрамляют лавровые и дубовые ветви. Они символизируют славу, честь, заслуги (лавровые ветви), доблесть и мужество (дубовые ветви).

Следует иметь в виду, что названия царств, княжеств и других территорий носят исторический характер и не соответствуют современным названиям и территориальным границам, многократно измененным и перекроенным коммунистическим режимом.

Всего в Большом гербе 17 щитов, на которых изображено 52 исторических герба территорий, входящих в состав Российской империи.

Герб СССР, по существу, не что иное, как структура Большого герба России с замещенной символикой. Место двуглавого орла занял серп и молот. Сень России заменена земным шаром. Девиз России «Съ нами Богъ» — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Гербы российских территорий заменены лентами с коммунистическим девизом на национальных языках республик. И, наконец, торжество красной звезды над православным крестом.

Наскальное изображение. Герб хеттских царей (XIII в. до н. э.)

Двуглавый орел на блакере работы голландского мастера Х. К. Брегхтель (1647 г.)

Двуглавый орел Византийской империи (около XV в.)

Гербовый орел из дневника иностранца Корба (1699 г.)

Двуглавый орел на карте Русского государства (1614 г.)

Двуглавый орел на заглавном листе книги Лазаря Барановича «Трубы на дни нарочитые праздников Господних, Богородичных» (1674 г.)

Редакция приносит извинения за допущенные технические ошибки: перепутаны подписи под снимками при публикации иллюстративного материала к статье Георгия Вилинбахова «Родословная Российского герба» («Родина». 1993. № 1. Стр. 113—115). Воспроизводим иллюстрации повторно с правильно расположенными подписями.

Гербовый орел на памятнике Петру I у инженерного замка в Петербурге (1800 г.)

Гербовый орел из жалованной грамоте императора Александра I Царскосельскому лицею (1811 г.)

Рисунок герба Московского из «Титулярника» («Портреты, гербы и печати Большой государственной книги». 1672).

Тип государственного герба России второй половины XVII века

Государственный герб на полковом знамени армейской пехоты образца 1727 года.

Тип государственного герба России середины XVIII века.

Государственный герб России. 1798.

Государственный герб России из Манифеста императора Павла I. 1800.

Малый герб Российской империи. 1856.

Большой государственный герб Российской империи. 1882.

Российский государственный орел царствования императора Александра III (утвержден в 1895 году).

Российский государственный орел царствования императора Николая I (I тип).

Российский государственный орел царствования императора Николая I (II тип).

Центральная часть Большого государственного герба Российской империи. 1856.

Имперский штандарт.

Знак, звезда и фрагмент цепи ордена св. Андрея Первозванного. XVIII век.

АЛЕКСАНДР МЕЩЕРЯКОВ

РОССИЙСКИЙ МАРТИРОЛОГ

Фото Геннадия Бодрова

Иосиф Бродский тонко заметил, что основной праздник западного христианства — Рождество, восточного православия — Пасха. Рождество устремлено в созидательное будущее, Пасха — тянет в прошлое, свершившееся, бывшее. Пасха, разумеется, не только культ мертвых, но и его снятие. «Смертию смерть поправ», — поют в церкви на Пасху. В этом стихе — ключ к самопониманию. Во время службы происходит ритуальная самоидентификация верующего с героем мистерии и формируется психотип самопожертвования, когда собственная жизнь приносится в жертву ради будущего, ради других, ради другого — метафизически большего и важнейшего. В «Сказании о Борисе и Глебе» Борис, предчувствуя свою скорую погибель, воспринимает ее как знак своей особой отмеченности: «Господи Иисусе Христе! Как Ты в этом образе явился на землю, собственною волею дав пригвоздить себя к кресту, и принял страдания грехов наших ради, так и меня удостой принять страдания!»

Основной пафос жизни христианина — преданность вере и Богу, ради которых не жаль ничего, включая собственную жизнь. История начального христианства, а также миссионерства породила жанр мартиролога. Эта склонность к мученичеству крайне поражала наблюдательные, но «варварские» народы, к которым прибывали миссионеры, дабы принести свет единственно правильного учения. Так, один из японских критиков христианства писал в начале XVII века: «Ради того, чтобы принять мученическую смерть за веру, они пренебрегают своей жизнью и ценят ее меньше, чем пыль и мусор. Когда мудрый правитель повелевает Поднебесной, добро поощряется, а зло — изгоняется. Добро — вознаграждается, а зло — наказывается. И нет большего наказания, чем лишение жизни. Однако последователи христианского Бога не изменяют вере и не испытывают страха за свою жизнь. Это воистину ужасно!»

Россия отчасти восприняла западногерманский идеал мученичества, но восприняла своеобразно. Русь практически не знала преследований за христианскую веру (уж если кого преследовали, так это язычников или же сектантов, выпавших из официоза). Но, тем не менее, мученическая (т. е. насильственная) смерть стала осмысляться сама по себе как акт героический, имеющий некий положительный смысл. Так, в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» (XII в.), погибшего в результате дворцового заговора, который не имел никакой идеологической подоплеки, утверждается: «Достойно от Бога смертный венец восприял ты, княже Андрей... благоразумным святым страстотерпцам равный, последовал ты, кровью омыв все страданья свои. Ибо если бы не беда — не было б венца, если бы не мука — не было б благодати...»

В русской письменной культуре — много серьезности и мало радования жизнью, восхищения ею, любования. Наши национальные, всемирно признанные гении — Толстой и Достоевский — не улыбались. Да и как радоваться, если мир видится греховным, ритуально нечистым? «Отмучился» — говорят об умершем. «Он» уже отмучился, а «нам» еще терпеть предстоит. Смерть — это как бы избавление, приближение к лучшему, если умерший праведен.

Противопоставление души — телу, свойственное христианству вообще, приняло в России особо драматический характер. Оно не было смягчено Возрождением — с его вниманием к человеку вообще и к его телу в частности. Жертвовать бренным телом ради спасения души сделалось привычкою. А иначе как смогли бы старообрядцы поджигать себя в скитах, чтобы соблюсти чистоту веры и не отдать себя в руки слуг антихристовых? Иначе как можно было умерщвлять плоть, истязая ее власяницею, веригами, жестоким постом и воздержанием? Спать стоя, зацепившись за крюк, как то делал отец Капитон? Бежать людей, мира, его чудных форм?

Разделение на дух и плоть было столь непреодолимо, что наложило отпечаток на всю культуру, включая «атеистическую». Безбожники, с таким жаром обличавшие религию, сами стали пленниками телесно-душевной дихотомии. Отталкивая Бога, атеисты, уверовавшие в другие императивы — народ, партию, революцию, — искренне осуждали заботу о благополучии тела как проявление мещанства и буржуазности.

Еще в первой половине XIX века понятия «мещанин», «обыватель» были вполне нейтральны. А. С. Пушкин не стеснялся своего «мещанства» («Я грамотей и стихотворец,// Я Пушкин просто, не Мусин,// Я не богач, не царедворец,// Я сам большой: я мещанин»).

Но уже Герценом, при его столкновении с «буржуазной» (что буквально и означает «мещанской») культурой Запада, было энергично выражено осуждение мещанства как стиля жизни, отвратительного российскому человеку. Вместе с ним и все прогрессивные мыслители употребляли понятие «мещанин», или же «обыватель», в неизменно отрицательном или даже бранном смысле. Как, например, В. Белинский: «Филистер, мещанин, человек, которого вся поэзия жизни ограничена какою-нибудь кухаркою женою, трубкою кнастера и кружкою пива...» Или как В. Вересаев — мыслитель хронологически более поздний, но выросший из того же корня: «С одной стороны, человек с огромной душой, идущий в жизни своим путем, с другой стороны, обывательница до кончиков ногтей, с энергией... борющаяся за право своей семьи на обывательское благополучие».

Даже в кругу Пушкина находились люди — вполне, казалось бы, светской культуры,— воспринимавшие страдание как знак высокой отмеченности. Явившаяся В. К. Кюхельбекеру тень казненного Рылеева провозглашает:

Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью...

Тень Рылеева здесь, разумеется, не галлюцинация, а всего лишь литературный прием, метафора. Но метафора культурно обусловленная. Метафоры, которыми

пользуется общество, зависимы от господствующего строя мыслей и, одновременно, формируют его. Они способны, по замечанию американских исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона, становиться «самоисполняющимися пророчествами».

С точки зрения передовых мыслителей прошлого века, предназначение человека состоит в радении о высших интересах — народа и родины. Как и истовые христиане, эти люди были убеждены, что жизнь человека ему не принадлежит, и всегда были готовы пожертвовать ею. Разночинная интеллигенция порождает из себя фигуру революционера, многие поведенческие реакции которого соотносимы с идеальным образом христианина в первоначальную пору гонений на христианское вероучение. Борьба с неправедной властью делается маниакальной идеей человека революционного. Искреннюю готовность такого человека пожертвовать собой, принять мученический венец можно, с точки зрения психиатрии, квалифицировать как своего рода суицидальный комплекс.

Одной из граней такой ментальности является самоуничижение, непризнание за личностью ее самодостаточности. Это душепостроение с блеском было описано Г. Успенским. Герой его «Записок Тяпушкина» свидетельствует: «Я стремлюсь погибнуть во благо общей гармонии, общего будущего счастья и благоустроения, но стремлюсь потому, что лично я уничтожен; уничтожен всем ходом истории, выпавшей на долю мне, русскому человеку. Личность мою уничтожили и византийство, и татарщина, и петровщина: все это надвигалось на меня нежданно-негаданно, все говорило, что это нужно не для меня, а вообще для отечества... Когда тут думать о своих каких-то правах, о достоинстве, о человечности отношений, о чести, когда что ни «улучшение быта» — то только слышно хрустение костей человеческих, словно кофей в кофейнице размалывают?.. Таким образом, благодаря нашей исторической участи люди, попавшие в кофейницу, выработали из себя не единичные типы, а «массы», готовые на служение общему благу, общему делу, общей гармонии и правде человеческих отношений... Тургеневская Елена в «Накануне» говорит: «Кто отдался весь, тому горя мало... тот уж ни за что не отвечает. Не я хочу... то хочет!» Видите, какое для нас удовольствие не отвечать за самих себя, какое спасение броситься в большое справедливое дело, которое поглотило бы наше «Я»...»

Если посмотреть на искания и находки русской передовой мысли второй половины XIX века с макроидейной точки зрения, то окажется, что структура их одинакова: в этой координатной сетке личность (критическая или какая-то другая) — не самодостаточна и имеет право на существование лишь как удобрение, навоз для чего-то большего, чем она сама. В этом-то самоуничижении и состоит один из главных смыслов «русской идеи»: мы не хотим личного счастья.

Мученический идеал интеллигентов-народников, несмотря на свои христианские истоки, имеет существеннейшее отличие от христианской модели страдания. По своему духу христианство не предполагает отмщения. «Вольное» же русское сознание чем дальше, тем больше проникается ненавистью.

Но вройте жердь в сырую глину
Надгробной насыпи моей
И, свив веревку, на вершину
Жандарма вздерните на ней!

....

Лишь только скрипнет шест высокий —
Могилы скромный мавзолей,
Я каждый раз в земле глубокой
Благословлю моих друзей!

Н. А. Морозов.

«Тотальная беспощадность» — к себе самому и своему врагу — так может быть определена жизненная философия революционера. Ярче всего она выражена в знаменитом «Катехизисе революционера» Нечаева. «Катехизис», с одной стороны, объявляет: «Революционер — человек обреченный» и потому «все нежные изнеживающие чувства родства, дружбы, любви, благодарности и *даже самой чести* должны быть задавлены в нем холодною страстью революционного дела», а с другой — он «беспощаден для государства» и от него никто «не должен ждать для себя никакой пощады».

Несмотря на изуверство мыслей и действий Нечаева, восприятие его фигуры тогдашней Россией было неоднозначно. «Бесы» Достоевского представляли собой лишь часть спектра. В глазах значительной части публики драматическая судьба Нечаева служила ему оправданием.

Он увлекался, как дитя,
Он ошибался — да, конечно!
Но он так верил бесконечно
И так измучен не шутя!

Эти стихи С. С. Синегуба были написаны по другому поводу (вероятно, в связи с «процессом 50-ти»), но они дают ясное представление о настроениях тогдашней интеллигенции. И Рахметов был ей люб не только передовыми мыслями, но и своим мученическо-самоистязательным образом жизни, в котором, как в нигилизме вообще, угадывается, по слову Н. А. Бердяева, «вывернутая наизнанку православная аскеза». Для российского интеллигента под бременем вины за судьбу вымечтанного ею «народа» (атеистическая сублимация первородного греха) не было ничего слаже, как «пострадать».

Интеллигенция в российском понимании, включающем в себя не только интеллектуальный характер труда этой социальной группы, но и ее духовную и политическую ориентацию, — явление историческое, т. е. имеющее хронологические, культурные и географические рамки. Она возникает там, где (нередко под давлением внешних факторов) происходит стремительный слом — от традиционного общества к индустриальному. Подобный тип интеллигенции свойствен всему «третьему миру», где легко усваивается образ мышления и действий, сходный с народничеством и большевизмом. Объяснение феномена такого рода интеллигенции кроется, пожалуй, в двух главных обстоятельствах: во-первых, в высокой степени эксплуатации «народа» и его социальном бесправии, и во-вторых, в стремительном формировании разночинного слоя, на западный манер образованного, но не успевшего утратить эмоциональную близость с «народом» и стремящегося к установлению «справедливости» путем насильственных сдвигов — общественных, политических и культурных.

Только индивид, вчинивший себе в обязанность опеку и защиту «народа», попадал в глазах энтузиастов общей пользы в разряд «интеллигенции». И пусть нас не обманывает дистанцирование ведомого Лениным большевизма от народничества. Ленин дистанцировался от всех народников идейно и теоретически. В то же время он четко отделял народников революционных от народников либеральных. И если вторые были Ленину действительно чужды, то первые — с их боевым духом самопожертвования — оказались ему эмоционально много ближе. Показательно, что Ленин, уделивший столько внимания истории революционного движения в России, «забывает» о Нечаеве — в полном собрании его сочинений нет ни одного упоминания о нем. И не мудрено: фактически в полном согласии с организационными и моральными принципами Нечаева строилась большевистская партия.

После революции 1917 года концепция жертвоприношения стремительно приобретает законченно тотальный характер. В жертву светлому будущему приносится все: и жертва, и жертвователь, а это означает не что иное, как самоубийство общества. В революционном угаре А. Платонов писал: «Отчаяние, мука и смерть — вот истинные причины человеческой героической деятельности и мощные моторы истории. Мы должны мучиться, миллионами умирать, падать неистощимой любовью...»

Однако все более слышимым становится смертельное ударение, сделанное не только на себе, но и на враге. Происходит нагнетание духа борьбы и ненависти. Для претворения в жизнь установки на перманентную борьбу требовался вполне определенный тип личности. Н. А. Семашко вспоминал: «Некоторые большевики... говорили как-то мне, что меньшевики и большевики различаются по темпераменту... Рефлексия (в худшем случае трусость) лежит в основе меньшевика как психологического типа. Боевой темперамент — основа психологии большевика». Смена типа героя вполне осознавалась руководителями средств массовой информации. Заведующий Государственным издательством О. Ю. Шмидт отмечал: «У читателя новые потребности во всех областях. Для занимательного чтения ему нужны не нудные психологические романы, основанные на настроении, а полные действия рассказы...»

В мирных условиях культ борьбы и самопожертвования сублимируется, принимая форму аскезы, пренебрежения к быту, трудового героизма, но не исчезает. Психиатр А. Б. Залкинд, предпринявший в годы нэпа исследование психического здоровья членов РКП, пришел к выводу, что адаптация партийцев к мирным условиям жизни происходила со значительными трудностями ввиду ослабления «рефлекса революционной цели», который ассоциировался с вооруженной борьбой времен революции и гражданской войны. Подавляемый мирным нэпом комплекс агрессивности находил выражение в неадекватных формах ежедневного поведения — в склочничестве и подсиживании, в преувеличенном значении, придаваемом собственным незначительным недомоганиям, в гиперсексуальности, алкоголизме и наркомании. Однако, замечает автор, все отклонения от нормы легко преодолеваются, если возникает угроза для партийного или революционного дела. «Достаточно появиться на революционном горизонте зловещему облачку и невротические, истерические комплексы значительно разряжаются, выделяя большую часть энергии для подготовки к революционному бою».

В результате клинического описания, предпринятого А. Б. Залкиндом, вполне явственно вырисовывается маниакальный и совершенно несамодостаточный тип личности партийца, ставящего себя в полную зависимость от моноидеи революции, так что мирные условия жизни буквально сводят его с ума.

Советское общество в наибольшей степени выявило способность к самоорганизации в условиях Великой Отечественной войны, когда культ самопожертвования нашел свое органическое выражение. Таким образом, война была естественным условием существования этого государства, его raison d'etre — в мирных условиях оно теряло свою жизненную силу. С окончанием войны обывательские устремления, преданные анафеме, но неуничтожимые, стали вытеснять дух героизма и жертвенности. Чем дальше, тем больше народ проникался неприкрытым равнодушием, не желая ни гореть, ни исходить потом и кровью ради коммунизма и будущего. А без этого горения система, лишенная каких бы то ни было разумных экономических оснований, была обречена. Вот почему время после второй мировой сделалось для системы смертельным — ибо оно было смертельным для того психотипа, который был готов приносить себя в жертву для осуществления сверхличной цели. Сбылось пророчество Н. Бердяева, сказавшего в страшном 1937 году: «Лучший тип коммуниста, т. е. человека целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие христианского воспитания душ, вследствие переработки натурального человека христианским духом. Результаты этого христианского влияния на человеческие души, чисто незримого и надземного, остаются и тогда, когда в своем сознании люди отказались от христианства и даже стали его врагами. Если допустить, что антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма сделается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизнь как служение сверхличной цели...»

Если нападение Гитлера дало системе основания к выживанию, то изобретение атомной бомбы разом подкосило ее, ибо ведение крупномасштабных войн сделалось невозможным. Вожди страны, безусловно, ощущали — подкоркой, кожей, спинным мозгом — ги-

бельность сложившейся ситуации и постоянно пытались растормозить психологический агрессивный комплекс, ввязываясь в «малые» войны. Однако вели себя при этом как нашкодившие школьники перед лицом всемогущего учителя: врали, уходили в несознанку, — словом, оборонялись, не чувствуя за собой ни правоты, ни поддержки народа. СССР в последний период своего существования вел только необъявленные войны. Тем временем возобновилось нескончаемое российское прение между властью и ее оппонентами: появились диссиденты. С самого начала диссидентское движение обнаружило свою нравственную зрелость — оно было физически безоружным. Никаких терактов — только слово правды.

Конечно, наличие любого соперника и его ритуальное заклание было бы необходимо властям для сохранения мифологемы борьбы и врага, на которого можно списать собственную некомпетентность. Однако мирный характер диссидентского движения блокировал прямое кровопролитие — страна уже не могла прожить без зернового импорта, и вожди были вынуждены действовать с оглядкой на Запад. Людей прятали в психушки и лагеря, но умирать в большинстве случаев не давали — даже когда они хотели этого сами и отказывались принимать пищу. Тем не менее, неравенство сил было столь велико (а статус гонимого всегда гарантировал в России общественное сочувствие), страдания узников совести, доносимые радиоголосами, настолько внятны, что приязнь к противникам режима вырастала стремительно, проникая во все поры общества.

Жива ли мифологема самопожертвования сейчас, когда сделан столь значительный шаг по направлению к более цивилизованному, а значит, и более рациональному обществу? Судите сами: последний раз массовая решимость пожертвовать собой была продемонстрирована совсем недавно — в августе 1991 года, когда десятки тысяч московских обывателей прикрыли собой российский Белый дом в ожидании нападения. Их сила была в их безоружности, т. е. в неприкрытой готовности к жертве.

Эта готовность была чиста, ненасильственна и потому достойна восхищения. И, одновременно, чудовищна. Ибо что это за цивилизованное общество, где чувство собственного достоинства покупается лишь угрозою смерти? И не придет ли со временем на смену подобным аргументам отчаяния жертвенность совсем другого, любовного происхождения — ежедневное обихаживание среды обитания и ближних к тебе людей, тех, которые не требуют твоей смерти ради достижения собственного счастья?

Российская интеллигенция так привыкла страдать и испытывать унижения, что, только будучи унижена, она обретает способность к действию. Поэтому для поддержания тонуса ей требуется внешняя угроза в виде тоталитарного монстра. Похоже, что, несмотря на все противоречия пути к более свободной жизни, эпоха политического противостояния интеллигенции сверхтоталитарной власти все-таки заканчивается. В этих условиях многие ощутили неприкрытую пустоту и собственную ненужность: стержень личности, воспитанной в расчете на перманентное противостояние, оказался разрушен. И ссылки на собственную недореализованность (профессиональную и человеческую) из-за внешних условий — перестали быть состоятельны. Перестал существовать черно-белый мир, намертво поделенный на «мы» и «они». В новом же мире — бесконечное количество красок и оттенков; он освещаем не с помощью примитивного выключателя, имеющего лишь два положения — «да» и «нет», и никак не сводим к дуализму кромешной тьмы и ослепительного света, к миру, в котором есть лишь две роли, две судьбы — палача и жертвы.

Фото Александра Тамбулидиса

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ РОССИИ РУДОЛЬФА ПИХОИ

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ КОСМОС

Все, связанное с космосом, всегда оставалось для нас сокрыто за семью печатями. По счастливо-усталым улыбкам космонавтов, сеансам космической связи можно было подумать, что все в этом ведомстве безоблачно и беспроблемно. Лишь сейчас занавес таинственности начинает приоткрываться.

Видимо, из-за этой повышенной секретности мало кто знает о существовании «космического архива», или, точнее, Российского научно-исследовательского центра космической документации (РНИЦКД).

Сегодня мы беседуем с его директором Флорой Андреевной Гедрович.

— Расскажите, когда и в связи с чем был создан Центр?

— Центр был создан в 1974 году специальным постановлением Совета Министров и Центрального Комитета КПСС. Именно это во многом определило и наш статус, и наши возможности собирать и сохранять документы по космической тематике.

Сейчас много говорится о том, что в архивное дело приходят новые люди. Но все же первая волна была именно в 70-х. Архивная область все же больше гуманитарного направления. А тут кандидаты наук — химики, биологи, математики, инженеры. Мы сразу же начали выполнять и свои обязанности научно-исследовательского института в архивной отрасли.

— Центр создавался как закрытая структура?

— Сугубо. У нас даже названий было два: открытое — Научно-исследовательский центр технической документации, и закрытое — Центр государственного хранения космической документации, ЦКД.

— А подчиняетесь вы кому?

— Раньше подчинялись Главному архивному управлению, а сегодня — Государственной архивной службе России. Но некоторые денежные вливания в прошлом шли и от космической отрасли.

— От космоса мы всегда ждем чего-то необычного — «летающие тарелки», метеориты, пришельцы... Космический архив, видимо, тоже отличается от обычных, земных?

— Да. Например, мы единственный архив, в котором нет традиционного научно-справочного аппарата. У нас все автоматизировано. Недавно у нас был своего рода праздник — мы ввели в автоматизированную систему 100-тысячное описание документов.

Мы уникальный архив, потому что у нас поливидовой состав документов — кино-, фото-, фоно-, видео-, научно-технические... Мы первыми среди архивов приняли на хранение машиночитаемые и телеметрические документы.

— Времена сейчас непростые. Все бюджетные организации жалуются на нехватку денег. Скажите, а как вы выживаете в этих условиях?

— Очень непросто. До введения единой тарифной сетки средняя заработная плата у сотрудников Центра была 2800 рублей. 81 человек от нас ушел. И я благодарна тем, кто выстоял в это трудное время, остался верен любимому делу.

— Как, за счет чего комплектуется ваш архив?

— Мы активно комплектующийся архив. Но в прошлом году ситуация изменилась. И пока не принят новый закон об архивах, я, честно говоря, не знаю, как будем выходить из сложившейся ситуации. Мы работаем с организациями, многие из которых сегодня меняют формы собственности, акционируются. Начались проблемы. У некоторых руководителей сложилось мнение, что если они авторы, значит, они и собственники. Организации забыли, что свою документацию они создавали за счет бюджета и она является собственностью всего общества, принадлежит истории. Документы стали предметом коммерционализации. И это страшно. Ведь в погоне за наживой какие-то пласты нашей истории могут быть просто утрачены.

Мы широко используем метод устной истории. Правда, называем иначе — инициативным документированием. Не только записываем воспоминания ветеранов космической техники, но и фотографируем их, делаем видеозаписи тех событий, которые официальная пресса обходит стороной. Вот, например, недавно проходила Первая международная авиакосмическая конференция. А кто об этом знает? Мы же записали все доклады, дискуссию... На основе записанных воспоминаний ветеранов космонавтики подготовили и издали сборник «Дороги в космос» (вып.1).

У нас работают люди, которые раньше сами варились в этом котле, знают лично многих космонавтов, участвовали в подготовке запусков.

— Пускаете ли вы в свой секретный архив исследователей?

— Пускать начали давно. Но работали здесь в основном представители организаций — источников нашего комплектования.

— А журналисты, историки?..

— Нет, обращений с их стороны до сего момента не было. Соответственно, не было и отказов.

Я считаю, что особенно секретным архивом мы никогда и не были, так как храним документацию только народнохозяйственного профиля.

К тем или иным юбилейным датам мы обычно готовим фото- и фоноподборки. Об этом информировали всех наших потенциальных заказчиков. А школьным музеям, юннатам, дворцам пионеров высылали их бесплатно. Подготовлены и изданы два фотоальбома, две пластинки с живым голосом С.П.Королева, Ю.А.Гагарина.

— Есть ли у вас спецхран?

— Есть секретные документы. В прошлом году провели большую работу, рассекретили более двух тысяч документов. И сегодня она

практически завершена, так как нет больше документов с истекшим сроком хранения. Многие документы были засекречены лишь из-за общей секретности той или иной проблемы. Как, например, фильм о заседании Государственной комиссии после полета Гагарина. А почему? Потому что там сидели люди, о которых никто не должен был тогда знать.

— Работаете ли вы с Байконуром? И как теперь строите свои отношения с космодромом?

— Байконур — это целая проблема. В прошлом году мы начали работать на договорных началах с военно-космическими силами. Большая программа была запланирована и по Байконуру. Там ведь тоже хранятся документы — кино-, фото-... Но эта задача пока никак не решается.

— А не случится ли так, что потом вам скажут: извините, но это документация другой страны.

— Все может быть. Но в данном случае мы бессильны. Старое законодательство уже не работает, а нового все еще нет...

— Расскажите о ваших наиболее интересных научных разработках.

— У нас серьезный отдел по физико-химической сохранности кино-, фото-, фоно-, видеодокументов. И, наверное, не случайно именно нам доверена разработка стандартов по правилам хранения этого вида документации и представление их в Международную организацию по стандартизации (ISO). Мы изобрели препарат борьбы с плесневением кинодокументов, метод неразрушающего контроля стабильности нитрооснову. Много потрудились и над тем, чтобы внедрить его в архивы, разослали наши фунгициды в 86 архивов. Сегодня наши установки работают в странах СНГ, заинтересовалась ими Финляндия. Мы также владеем методами автоматизированной цифровой реставрации изображения и звука. Этот метод также высоко оценен зарубежными архивистами.

В декабре 1992 года нашими специалистами был записан первый в архивной службе оптический лазерный диск с изображениями документов Центра хранения историко-документальных коллекций. Президент России Борис Ельцин передал этот диск канцлеру Германии Г. Колю во время его визита в нашу страну.

— Какие задачи предстоит решить в первую очередь?

— Сейчас космонавтика находится под «обстрелом». А ведь хотим мы этого или не хотим, но именно в этой области науки готовились высокие научные технологии. И сегодня Россию не случайно не очень охотно пускают на мировой аэрокосмический рынок — боятся, что мы своей качественной и дешевой продукцией составим конкуренцию западным фирмам. Я уже давно поняла, что объективной истории отечественной космонавтики нет. Каждое направление в космонавтике, каждое ведомство борется за приоритеты, пытается показать себя в более выгодном свете. И только документы помогут воссоздать верную картину. Поэтому важно их собрать, не утратить, не дать их уничтожить. А значит, главное для нас сегодня — это программа комплектования, программа собирания и сохранения истории космонавтики.

Беседу вела
ТАТЬЯНА МАКСИМОВА

НЕ ОПРАВДАВШИЙ НАДЕЖД

К отставке М. М. Литвинова[1] в 1939 г.

3 мая 1939 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) наряду с другими вопросами была рассмотрена отставка наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова. Процедура рассмотрения вопроса отставки продолжалась 35 минут.

Постановление Политбюро ЦК от 3 мая 1939 г. «О Народном Комиссаре Иностранных Дел» гласило: «1) Удовлетворить просьбу т. Литвинова и освободить его от обязанностей Наркома Иностранных Дел. 2) Назначить председателя Совнаркома т. Молотова Народным Комиссаром Иностранных Дел по совместительству. 3) Обязать т. Литвинова сдать, а т. Молотова принять дела по Наркомату в течение трех дней»[2].

В тот же день в адрес зарубежных полпредств СССР была направлена совершенно секретная шифртелеграмма за подписью И. В. Сталина, где глухо разъяснялись причины отставки М. М. Литвинова:

«СОВ. СЕКРЕТНО.
ШИФРОМ.

Т. т. Сурицу, Майскому, Уманскому, Мерекалову, Гельфанду, Сметанину, Деревянскому, Никитину, Зотову, Листопаду, Потемкину, Никитниковой[3].

Сообщается для сведения. Ввиду серьезного конфликта между председателем СНК тов. Молотовым и Наркоминделом тов. Литвиновым, возникшего на почве нелояльного отношения тов. Литвинова к Совнаркому Союза ССР, тов. Литвинов обратился в ЦК с просьбой освободить его от обязанностей Наркоминдела. ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу тов. Литвинова и освободил его от обязанностей Наркома. Наркоминделом назначен по совместительству председатель СНК Союза ССР тов. Молотов. № 504/ш.

3.V.39 г.

Секретарь
ЦК ВКП(б) И. Сталин[4]».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Литвинов М. М. (1876—1951), советский дипломат. На дипломатической работе с 1917 г. В 1918 г. назначен дипломатическим представителем РСФСР в Великобритании, однако британское правительство не признало его полномочий; в 1918—1921 гг. член коллегии НКИД РСФСР, в 1920 г. полпред РСФСР в Эстонии; в 1921—1930 гг. зам. наркома по иностранным делам РСФСР (с 1923 г. — СССР), одновременно — член коллегии Наркомата РКИ и зам. председателя Главконцесскома; в 1930—1939 гг. нарком по иностранным делам СССР (с 1936 г. — иностранных дел), одновременно в 1934—1938 гг. представитель СССР в Лиге Наций; в 1941—1943 гг. зам. наркома иностранных дел СССР, одновременно в 1941—1943 гг. посол СССР в США и в 1942—1943 гг. посланник СССР на Кубе, с 1946 г. в отставке.

2. АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 29. Л. 70. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О назначении тов. Молотова В. М. народным комиссаром иностранных дел СССР» и сообщение «Хроника» об освобождении М. М. Литвинова «согласно его просьбы от обязанностей народного комиссара иностранных дел СССР» были опубликованы в газете «Правда» 4 мая 1939 г.

3. Суриц Я. З. (1882—1952), советский дипломат, в 1937—1940 гг. полпред СССР во Франции; Майский (Ляховецкий) И. М. (1884—1975), в 1932—1943 гг. полпред (с 1943 г. посол) СССР в Великобритании; Уманский К. А. (1902—1945), советский дипломат, в 1938—1939 гг. временный поверенный в делах СССР в США, в 1939—1941 гг. полпред СССР в США; Мерекалов А. Ф., с 5 мая 1938 г. полпред СССР в Германии; Гельфанд Л. Б., по данным на 1933 г., первый секретарь полпредства СССР в Италии; Сметанин К. А. (1898—1969), советский дипломат, в 1938—1939 гг. поверенный в делах СССР, а в 1939—1942 гг. полпред (с 1941 г. — посол) СССР в Японии; Деревянский В. К., в 1938—1940 гг. полпред СССР в Финляндии; Ннкитин (др. данных нет), в 1937—1940 гг. полпред в Эстонии; Зотов И. С. (др. данных нет), в 1937— 1940 гг. полпред СССР в Латвии; Листопад П. П., по данным на 1937 г., советник полпредства СССР в Польше; Потемкнн В. П. (1874—1946), советский государственный деятель, дипломат, ученый, в 1937—1940 гг. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР; Никитникова (сведений не обнаружено).

4. Ф. 3. Оп. 63. Д. 29. Л. 71.

Об обстановке, которая сложилась вокруг М. М. Литвинова в 1938—1939 гг., свидетельствуют его записки, адресованные И. В. Сталину в тот период, а также донесение агента иностранной разведки Богомольца.

М. М. Литвинов И. В. Сталину*
21 июня 1938 г.

21.6.38

Дорогой Иосиф Виссарионович.

Мне только что сообщили со слов тов. Маленкова о решении (?) снять с работы т. Стомонякова[1].

Прошу Вас верить мне, что работать мне стало крайне тяжело. Нет у меня необходимого аппарата, нет у меня, кроме Стомонякова, ни одного помощника, к которому я мог бы относиться с доверием, на кого можно было бы полагаться, кого я считал бы действительно и искренне преданным партии и соввласти.

Я убежден, что уход т. Стомонякова нанесет тяжелый и непоправимый удар нашей работе, подорвет мой авторитет не только в Комиссариате, но и в заграничном общественном мнении.

Я Вас прошу, если возможно, оставить т. Стомонякова в работе.

Не можете ли принять меня лично?

С ком. приветом М. ЛИТВИНОВ.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 29. Л. 26. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Стомоняков Б. С. (1882—1941), советский дипломат, в 1934—1938 гг. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.

Решенне Политбюро ЦК ВКП(б) об освобождении Стомонякова от обязанностей зам. наркоминдела СССР и отозвании его в распоряжение ЦК ВКП(б) было принято 5 августа 1938 г. Постановление СНК СССР № 892 было оформлено 7 августа 1938 г.

* Написано на бланке: «Народный Комиссар по Иностранным Делам».

М. М. Литвинов И. В. Сталину
3 января 1939 г.

СЕКРЕТНО
3 января 1939 г.

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. СТАЛИНУ.
Копии — т. МОЛОТОВУ,
т. МАЛЕНКОВУ.

О СОСТОЯНИИ КАДРОВ

До сих пор вакантны места полпредов в 9 столицах, а именно в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии. Если не вернется в Тегеран, находящийся сейчас в СССР, т. Черных[1], то получится 10-я вакансия.

В некоторых из перечисленных столиц не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений.

Я считаю особенно неудобным и вредящим нашим отношениям отсутствие полпредов в Варшаве, Бухаресте и Токио. После наметившегося сближения с Польшей, польская печать заявила о предстоящем назначении полпреда в Варшаву, как неизбежном, вследствие сближения. Благодаря отсутствию полпреда в Бухаресте, мы не имеем решительно никакой информации о том, что происходит в Румынии, как в области внутренней, так и внешней политики. С Японией нам приходится вести все переговоры через японского посла, ибо наш поверенный в делах доступа к министру иностранных дел почти не имеет (как правило, министр редко лично принимает поверенных в делах).

Не лучше обстоит дело с советниками и секретарями полпредств. Имеется свободных вакансий: советников — 9, секретарей — 22, консулов и вице-консулов — 30 и других политических работников полпредств (заведующих отделами печати, атташе и секретарей консульств) — 46. Некоторых полпредов мы не можем вызывать в Москву, во исполнение решения ЦК, ввиду отсутствия у них работников (в Афинах у полпреда нет ни одного человека), или таких, которым можно было бы поручить хотя бы временное заведывание полпредством. Я уже не говорю о свободных вакансиях ответственных работников в центральном аппарате НКИД. Достаточно сказать, что из 8 отделов только 1 имеет утвержденного заведующего, а во главе остальных 7 находятся врио заведующих.

Нет в НКИД, и в особенности в полпредствах, необходимого технического персонала. Мы с последней почтой не получили почти никаких докладов и информаций из Лондона, вследствие отсутствия там машинистки.

Со вчерашнего дня пришлось приостановить курьерскую службу, так как 12-ти курьерам не разрешают выезд за границу до рассмотрения их личных дел.

Такое положение создалось не только вследствие изъятия некоторого количества сотрудников НКИД органами НКВД. Дело в том, что, как правило, почти все приезжающие в Союз в отпуск или по нашему вызову заграничные работники не получают разрешения на обратный выезд. Не получает разрешения на выезд за границу также большинство работников центрального аппарата НКИД. Немалое количество работников исключено Парткомом из партии, в порядке бдительности. Другие устраняются от секретной работы («рассекречиваются»), а следовательно, теряют для НКИД всякую ценность, по распоряжению 7-го Отдела НКВД. Подготовленная нами на курсах за последние годы смена также не получает возможности работать за границей. Новых подходящих работников мы за последнее время от ЦК не получаем. Набранные на курсы новые работники смогут стать на работу по окончании курсов лишь через $1\frac{1}{2}$ — 2 года. Не видно, таким образом, никаких перспектив к пополнению наших кадров, если будет продолжаться нынешний подход к разрешению выезда за границу и к допущению к секретной работе.

Можно было бы свернуть пол-

предскую сеть. Не раз уже обсуждался, например, вопрос об объединении трех скандинавских полпредств в одно. Можно было бы также объединить финское полпредство с эстонским, латвийское — с литовским, чехословацкое — с венгерским, румынское — с греческим, — но это даст не очень большую экономию, ибо придется иметь во всех столицах, по крайней мере, консульства. Да и политически вряд ли это удобно, ибо усилились бы толки о нашей самоизоляции и т. п.

Конкретно я могу пока сделать лишь следующие предложения:

1. Тов. Александровского[2] перевести в Бухарест, ибо Румыния для нас теперь имеет больше значения, чем фашизированная и потерявшая всякую самостоятельность Чехословакия.

2. В Варшаву назначить т. Богомолова[3], о котором я писал еще 29-го октября пр. г. Из всех присланных ЦК кандидатов в полпреды т. Богомолов производит наилучшее впечатление. Если почему-либо назначение тов. Богомолова невозможно, то предлагаю назначить в Варшаву тов. Александровского.

3. Т. Марченко[4] назначить полпредом в Испании. Негрин[5] болезненно воспринимает оставление нами Испании без полпреда. Фактически т. Марченко выполняет все функции полпреда и с работой справляется, — отчего же не дать ему звание полпреда.

4. Назначить комиссию для изучения создавшегося в НКИД положения с кадрами и изыскания путей к изменению положения. В комиссию просил бы назначить одного из членов ПБ, т. Маленкова и меня.

ЛИТВИНОВ.

Ф. 3. Оп. 63. Д. 29. Л. 35—38. Подлинннк.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Черных А. С. (1892—1941), советский дипломат, в 1935—1939 гг. полпред СССР в Иране.

2. Александровский С. С. (1889—1949), советский дипломат, в 1933—1939 гг. полпред СССР в Чехословакии.

3. Богомолов А. Е. (1900—1969), советский дипломат, в 1939—1940 гг. заведующий 1-м Западным отделом НКИД СССР.

4. Марченко (сведений не обнаружено).

5. Негрин Лопес Хуан (1894—1956), испанский политический деятель, в 1937—1939 гг. премьер-министр испанского правительства; с марта 1939 г. в эмиграции, до 1945 г. считался главой республиканского правительства Испании в эмиграции.

М. М. Литвинов И. В. Сталину

5 апреля 1939 г.

СЕКРЕТНО

№ 4308/л

5 апреля 1939 года.

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. СТАЛИНУ.
Копии — т. МОЛОТОВУ,
т. МАЛЕНКОВУ.

У Вас находится моя записка от 3 января о полпредах и вообще о кадрах НКИД. С некоторыми правительствами нам приходится вести сношения почти исключительно через их представителей в Москве, что противоречит общепринятым методам дипломатических сношений. Каждое правительство свои представления другому правительству, всякие обращения к нему, предложения и запросы обыкновенно делает через своих представителей, аккредитованных при нем. Так как министры поверенных в делах принимают неохотно или вовсе не принимают, а, кроме того, некоторые из наших поверенных в делах не объясняются на иностранных языках и не имеют даже переводчиков и вообще имеют недостаточный опыт, чтобы вести переговоры на деликатные темы, то нам приходится по вопросам, нас интересующим, обращаться к здешним дипломатическим представителям. Некоторые из них начинают против этого возражать, как Вы, наверно, заметили это из записей моих бесед с Гржибовским[1]. Другие дипломатические представители, как, например, румынский зарекомендовал себя человеком несерьезным, плохо усваивающим то, что ему говорится, и может быть злостно искажающим наши сообщения, приписывая нам мысли и предложения, которых мы не высказывали. Необходимо в срочном порядке положить этому конец.

Вакантны должности полпредов в следующих столицах: 1) Бухарест, 2) Варшава, 3) Вашингтон, 4) Токио, 5) Тегеран, 6) Ковно, 7) София, 8) Копенгаген и 9) Улан-Батор.

Я расположил эти столицы в порядке срочности назначения полпредов, отнеся к первой очереди Бухарест и Варшаву, учитывая ту роль, которую Польша и Румыния должны играть в ближайшее же время. Необходимо иметь там не только людей, объясняющихся на каком-либо иностранном языке, но имеющих хоть некоторый опыт.

Я в свое время предлагал назначить в Варшаву т. Александровского, но если против этого имеются серьезные возражения, то предложил бы перевести в Варшаву нашего полпреда в Греции т. Шаронова[2]. Он имеет всего полуторагодичный дипломатический стаж и в смысле опыта во многом уступает т. Александровскому, но в качестве полпреда в Греции он ошибок не делал. Афины можно было бы на некоторое время оставить без полпреда. (Шаронов сейчас находится в Москве в отпуску.)

В Бухарест можно было бы назначить бывш. поверенного в делах в Испании т. Марченко.

Для остальных полпредств я никаких кандидатов назвать не могу. Я сомневаюсь, чтобы можно было найти подходящих людей для таких важных постов, как Вашингтон, Токио и Тегеран, а если это так, то, может быть, следовало бы утвердить в качестве полпредов нынешних поверенных в делах т. Уманского и т. Сметанина. Дальнейшее оставление вакантной должности полпреда в Вашингтоне, после назначения в Москву американского посла, воспринималось бы в США как пренебрежение. Поверенного в делах в Тегеране, т. Карташева[3], вряд ли следует назначать полпредом, хотя бы уже потому, что иранцы им очень недовольны и недавно даже намекали на желательность его отозвания. Он, по-видимому, человек не очень тактичный и чванливый, хотя имеет большой дипломатический стаж.

Я писал 10 марта о желательности скорейшего отозвания полпреда из Осло Никонова[4]. На этом особенно настаивает Отдел руководящих парторганов ЦК, который получил дальнейшие неблагоприятные сведения о поведении Никонова. На его место можно назначить бывш. поверенного в делах в Венгрии т. Плотникова[5]. Человек он небольшой, но в Венгрии ошибок не делал, а работы в Осло немного.

Для Ковно, Софии, Копенгагена и Улан-Батора я предложил бы поручить т. Маленкову[6] найти подходящих людей.

Нам не хватает людей для среднего звена (советники, секретари, зав. отделами). Во главе большинства отделов НКИД стоят врио заведующих. Я думаю, что принцип сочетания старых кадров с новыми должен быть применен и к НКИД. Между тем Отдел руководящих парторганов ЦК до настоящего времени решительно не допускает на какую-либо ответственную работу в НКИД людей из старых кадров, если даже никаких явных подозрений против них нет.

Прошу о срочном решении вопроса.

ЛИТВИНОВ.

Ф. 3. Оп. 63. Д. 29. Л. 39—41. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гржибовский В., в 1939 г. посол Польши в СССР.

2. Шаронов Н. И., советский диоломат, в 1937—1939 гг. полпред СССР в Греции и по совместительству полпред СССР в Албании, в 1939 г. полпред СССР в Польше, в 1939—1941 гг. полпред СССР в Венгрии.

3. Сведении не обнаружено.

4. Никонов В. А., в 1937—1939 гг. полпред СССР в Норвегии.

5. Плотников В. А., в 1939—1940 гг. полпред СССР в Норвегии.

6. Маленков Г. М. (1902—1988), государственный и партийный деятель, в 1934—1939 гг. зав. отделом ЦК ВКП(б), с марта 1939 г. секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Управления кадров ЦК партии.

Агентурное донесение Богомольца[1]

4 мая 1939 г.

ОТСТАВКА ЛИТВИНОВА

Отставка Литвинова не вызвала большого удивления в кругах, близких к советскому полпредству в Париже, хотя самый факт, что эта отставка произошла в момент напряженнейших англо-советских переговоров, несколько поразил советских дипломатов-техников, ожидавших, что Сталин выберет другой момент, чтобы удалить Литвинова.

Окончательный и непоправимый удар положению Литвинова в Москве нанесло Мюнхенское соглашение и протоколы о ненападении и консультации, подписанные Чемберленом в Мюнхене и Боннэ в Париже с 3-м Рейхом[2]. ИНО ГУГОБЕЗА, продолжающее питать Политбюро информацией о международном положении, так же, как и Разведупр, наравне с нормальными советскими дипломатическими органами, сообщило через свою агентуру в ЖЕНЕВЕ, что Мюнхенское соглашение сопровождалось якобы «джентльмен агримен»[3] между Гитлером и Чемберленом, согласно которому Германия обязывалась ПРЕКРАТИТЬ свои территориальные захваты в Центральной Европе присоединением Судетов, а Лондон давал ей за себя и ЗА ПАРИЖ гарантию СВОБОДЫ РУК на востоке Европы в отношении ее возможных планов, направленных против СССР.

Это сообщение ИНО ГУГОБЕЗА (Разведупр прислал вскоре аналогичное сообщение) вызвало особое заседание Политбюро (Литвинов на нем не присутствовал, ибо он находился в то время в Западной Европе, застряв в Швейцарии во время сессии Лиги Наций)[4]. На этом заседании Сталин резко и определенно заявил, что «вся информация нашего НКИД была попросту дезинформацией» и что «надо сменить головку этого органа, не оправдавшего наших надежд».

Литвинову, который желал остаться еще некоторое время в Европе, была послана телеграмма за подписью Сталина[5], требовавшая его немедленного возвращения в Москву.

По возвращении в Москву Литвинов был вызван ЛИЧНО к Сталину (в докладе на Политбюро ему ОТКАЗАЛИ), у которого он пробыл ДВА ЧАСА[6]. При этом свидании никто не присутствовал. Однако в кругах, близких к Литвинову в НКИД СССР, говорили затем, что Литвинов вышел из кабинета Сталина буквально РАЗДАВЛЕННЫМ, что Сталин разговаривал с ним чрезвычайно грубо и что Литвинов ТУТ ЖЕ подписал свое прошение об отставке, на что Сталин заявил ему, что в принципе его отставка принимается, но что Политбюро объявит об этой отставке, когда сочтет МОМЕНТ подходящим.

Сталин считал, что отставка Литвинова, объявленная в ПОДХОДЯЩИЙ момент, может представить собой настолько важный КОЗЫРЬ в дипломатической игре СССР с западными державами, что нет никакой надобности обесценить ее значение преждевременным формальным оглашением.

К тому же Политбюро всегда колебалось, кого назначить в случае ухода Литвинова. Естественным кандидатом-техником был, конечно, Потемкин, но к нему в Москве и лично у Сталина нет более полного доверия после дела ФЕДЬКО[7], бывшего заместителя Ворошилова, арестованного в момент начала дела Блюхера[8]. Федько был большим личным другом Потемкина, и последний с большим трудом избежал неприятных последствий этого ареста. Сталин и теперь считает Потемкина большим специалистом-дипломатом и искусным интриганом, пригодным для «игры советского Талейрана»[9] (Сталин вообще питает большое пристрастие и не скрывает его к Талейрану), но большинство членов Политбюро, особенно Молотов, ни в коем случае не согласились бы с назначением Потемкина.

К этому присоединилось еще одно привходящее обстоятельство. Молотов давно уже мечтал сделаться советским министром иностранных дел. Еще в 1933—35 гг., когда Молотов был назначен фактическим главой Коминтерна (во время разработки им «Тезисов о 3-м периоде в развитии капитализма и империалистических противоречий мировой экономики»), он настаивал на том, чтобы предоставить ему возможность вести также и ВНЕШНЮЮ политику СССР во избежание РАЗНОБОЯ между этой политикой и директивами ЦК ВКП(б) Президиуму Коминтерна[10]. Однако в то время, когда начались серьезнейшие технические переговоры о вхождении СССР в Женевскую систему, когда выдвинуты были знаменитые литвиновс-

кие принципы «коллективной безопасности и неделимого мира», нечего было и думать о том, чтобы заменить опытнейшего техника Литвинова человеком, который не имеет никакого представления о внешнеполитической работе.

Однако Молотов брал свои «реванши». Это он добился образования Особой Комиссии Внешних Сношений при Верховном Совете СССР, во главе которой стал ЖДАНОВ[11]. Он же добился образования (в 1937 г.) Особой Комиссии Иностранной Политики при Политбюро ЦК ВКП(б), председателем которой и был назначен лично МОЛОТОВ.

С этого момента ФАКТИЧЕСКОЕ руководство внешней политикой СССР осуществлялось, собственно говоря, Молотовым, который и приобрел весь необходимый опыт и даже знание техники (Молотов с неба звезд не хватает, но он — человек образованный, знает теоретически французский, английский и немецкий языки, читает на них и немного говорит). В области внешней политики Сталин, конечно, не предоставил ему «карт-бланш», но влияние Молотова сказывалось на обсуждении всех важнейших вопросов советской политики за границей.

(Наш источник неоднократно уже отмечал и ранее, что часто важнейшие вопросы советской внешней политики разбирались в Политбюро или в Комиссии Иностранных Дел Политбюро по докладу МОЛОТОВА и часто в отсутствие Литвинова, которого не приглашали или заменяли Потемкиным, ставленником Молотова, который, кстати, и избавил Потемкина от больших неприятностей по делу Федько.)

Начало последнего острого периода кризиса в Европе вызвало сильную активизацию работы Молотова в делах, касавшихся иностранной политики СССР. В нашем предыдущем сообщении наш источник уже указал на тезисы в докладе Молотова на Политбюро (на протяжении текущей недели пресса развернула почти полностью в сведениях из Москвы или Лондона полное подтверждение сообщений нашего источника), которые определили практически советскую тактику в переговорах с Лондоном.

Молотов определял советскую внешнюю политику в последнее время следующими основными положениями:

1. СССР является теперь не БЕРУЩЕЙ, а ДАЮЩЕЙ стороной, следовательно, необходимо выработать такие условия соглашения с Англией, которые были бы максимально благоприятны для СССР, включив в них и требования военного союза, и требования гарантии «балтийского плацдарма СССР» и пр. (это уже известно из прессы).

2. Тот факт, что в Англии, как и во Франции, остаются руководителями политики страны «мюнхенцы» — Чемберлен и Даладье-Боннэ, заставляет СССР проявлять сугубую осторожность, ибо не исключена возможность, что «мюнхенцы» в последний момент не сделают попытку «вольт-фаса» за счет СССР, снова толкнув Германию на восток.

3. Считать установленным, что на БЛИЖАЙШИЙ исторический период Германия ИСКЛЮЧАЕТ из своих военно-политических планов перспективу столкновения с СССР. Поэтому СССР заинтересован в том, чтобы создать у Германии уверенность, что Советский Союз НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не согласится сделаться орудием ЧУЖИХ интересов (согласно речи Сталина на 18-м партийном съезде[12], о которой говорил уже наш источник) и палкой, направленной против Германии.

4. ОСНОВНОЕ. Считать, что перспектива военного конфликта в Европе снова выдвигает на сцену возможность ВОЗОБНОВЛЕНИЯ революционной ситуации как результата этого конфликта. Поэтому СНОВА подчинять всю иностранную политику СССР требованиям и необходимостям работы Коминтерна (руководство Коминтерном осуществляется Политбюро ЦК ВКП(б) тоже через Молотова), оставив «литвиновские заигрывания» с так называемым «демократическим крылом мирового империализма» (Англия — Франция — Соединенные Штаты в противоположность «фашистскому крылу мирового империализма» — Германии—Италии—Японии) и требуя как условия активного участия СССР в борьбе с «агрессором» — ухода «мюнхенцев».

5. Считать, что кризис в Европе значительно ослабляет и НЕЙТРАЛИЗУЕТ положение Англии на Балканах и в Передней Азии и что СССР может немедленно же попытаться занять позиции РЕШАЮЩЕГО ФАКТОРА в Черноморском бассейне.

Эти позиции могут быть заняты созданием Черноморского блока из всех держав, окружающих берега Черного моря с гарантией со стороны СССР их ГРАНИЦ. Такое положение привело бы к фактической гегемонии СССР в районе Босфора и Дарданелл, против которой в настоящий момент Англии почти невозможно бороться.

Таким образом, кризис в Европе был бы использован немедленно в пользу интересов СССР, независимо от того, закончится ли он военным столкновением или будет найден компромисс.

6. СССР НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не должен выступать стороной, прервавшей англо-советские переговоры. Конструктивные предложения СССР в Лондоне должны представляться в ответ на каждое контрпредложение английского кабинета, но эти конструктивные предложения должны исключительно исходить из интересов СССР и основных задач ее МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ, как страны «СОЦИАЛИЗМА» (то есть задач работы органов Коминтерна и расширения «базы» страны «социализма» — СССР, как территориальной, так и политико-экономического влияния и проникновения).

Отставка Литвинова в данный момент и вызвана желанием ПОКАЗАТЬ БЕРЛИНУ, что СССР твердо решил сохранить линию САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ политики перед лицом англо-германских трений и конфликта с Польшей из-за Данцига. Последний визит Мерекалова перед его отъездом из Берлина к фон Риббентропу[13] вызвал определенные заявления последнего, во время которых он уверял Мерекалова, что Рейхсфюрер отнюдь не питает чувств вражды к СССР, а только считал, что евреи играли чересчур большую роль в развитии системы большевизма. В настоящее время Рейхсфюрер видит, что положение меняется и что влияние евреев в СССР становится все меньшим, что облегчает задачи ПРИМИРЕНИЯ между обеими странами.

Помимо предложения, что Рейхсфюрер может в любой ТОРЖЕСТВЕННОЙ форме подтвердить силу германо-советского договора о ненападении и АРБИТРАЖЕ, как регулирующего ЦЕЛИКОМ все отношения между обеими странами (об этом сообщал наш источник в своем последнем докладе), фон Риббентроп заявил, что в Берлине всегда считали, что личные чувства Литвинова, как еврея, в отношении третьего Рейха сыграли большую роль в обострении отношений между обеими странами.

Сделав это удовлетворение Берлину, Москва отнюдь, конечно, не расположена начать политику СБЛИЖЕНИЯ с Берлином. Появление Молотова, Председателя Совета народных комиссаров, на посту наркома иностранных дел Советского Союза даст ведомству иностранных дел полную возможность самого широкого маневрирования между обеими «империалистическими группировками» при БОЛЬШОМ АВТОРИТЕТЕ ГЛАВЫ ВЕДОМСТВА внутри и вне страны. На старой политике сближения с Женевской группой держав ставится, таким образом, крест.

СССР выходит на мировую арену как представитель ЧИСТО РУССКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ интересов в борьбе между двумя блоками Рим—Берлин и Париж—Лондон и как «страна социализма», то есть ПРОТЕКТОР мирового пролетариата и покровитель КОМИНТЕРНА — организации, признанной блюсти интересы этого пролетариата.

Ф. 3. Оп. 58. Д. 491. Л. 85—90.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Богомолец Виктор Васильевич (псевдонимы «Дубовый», «Валентин»), родился в 1895 году в Киеве, учился на факультете права. В годы гражданской войны сотрудничал с белой контрразведкой, а в 1920 году в Константинополе перешел на службу в Интеллидженс сервис. В 1923—1924 годах руководил деятельностью английской «Восточной разведки» против СССР. В 1937 году создал шпионскую организацию в Париже, которая занималась сбором информации о внутреннем положении и внешней политике СССР. Записка Богомольца попала в СССР вместе с документами французской контрразведки после победы над Германией в 1945 году.

2. Мюнхенское соглашение 1938 г. о расчленении Чехословакии подписано 29 сентября в Мюнхене премьер-министром Великобритании (Н. Чемберлен), премьер-министром Франции (Э. Даладье) и фашистскими диктаторами Германии (Гитлер) и Италии (Муссолини).

3. Джентльменское соглашение (англ. — gentlemen's agreement) — принятое в международной практике название договора, заключенного в устной форме.

4. 25, 26, 28 сентября проходили заседания членов Политбюро ЦК, на которых обсуждались вопросы, связанные с оказанием военной помощи Чехословакии в случае нападения Германии.

В ночь на 29 сентября Политбюро заседало с 2-х часов ночи до 4.15 утра. С 3.15 до 3.25 на заседании находился заместитель наркома иностранных дел Потемкин В. П. (Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. Л. 73).

В качестве представителя СССР в Лиге Нации М. М. Литвинов с 10 сентября 1938 г. присутствовал на ее заседаниях, а 2 октября выехал из Женевы в Париж.

5. Телеграмма И. В. Сталина не обнаружена

6. На заседании Политбюро ЦК М. М. Литвинов и В. П. Потемкин присутствовали с 18.55 до 20.35 8 октября 1938 г. (Ф. 45. Оп. 1. Д. 412. Л. 75).

7. Федько И. Ф. (1897—1939), советский военачальник, командарм 1-го ранга; в 1938—1939 гг. первый заместитель наркома обороны.

8. Блюхер В. К. (1890—1938), советский военный и партийный деятель, Маршал Советского Союза.

9. Талейран-Перигор Шарль Морис (1754—1838), французский государственный деятель и дипломат.

10. В 1926 г. В. М. Молотов вошел в состав расширенного ИККИ, в 1928 г. наряду со Сталиным и Бухариным утвержден членом Исполкома Коминтерна.

11. Жданов А. А. (1896—1948), в 1934—1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б).

12. 10 марта 1939 г. И. В. Сталин выступил с отчетным докладом на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б).

13. Риббентроп И. фон (1893—1946), в 1938—1945 гг. министр иностранных дел фашистской Германии.

М. М. Литвинов И. В. Сталину

14 ноября 1939 г.

Ноября 14-го 1939.

Дорогой тов. СТАЛИН,

я вынужден обратиться к Вам, так как я уже свыше шести месяцев не работаю, а мои неоднократные обращения к т. Молотову, а также к тт. Андрееву и Маленкову не дали результатов, и мне никакой работы не предлагают[1].

Я в свое время заявлял и считаю теперь нужным еще раз заявить, что совесть моя абсолютно чиста перед Вами и ЦК партии: я служил 40 лет партии и 21 год государству с максимальной преданностью и добросовестностью, по мере своих сил, способностей и разумения. Наверно моя работа не была свободна от значительных недостатков и ошибок, но вряд ли им соответствует такое суровое наказание, как фактическое исключение из партийной и государственной жизни, да еще в такой важный исторический момент.

Не хочется думать, что я уже настолько дисквалифицирован или так состарился, что ни на что больше не гожусь и ничем не могу быть полезен партии и государству.

Позвольте надеяться на Ваше соответствующее вмешательство.

(М. М. Литвинов)

1-ая Мещанская 87, кв. 8

Тел.: И 1-69-19

Ф. 3. Оп. 62. Д. 123. Л. 73. Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Ответа на это письмо М. М. Литвинов не получил, однако два года спустя, 10 ноября 1941 г., постановлением Политбюро ЦК он был назначен заместителем народного комиссара иностранных дел.

ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ...

ОСОБАЯ ПАПКА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

9 сентября 1969 г.
№ 2273—А
ЦК КПСС

Комитет госбезопасности докладывает о встрече источника КГБ с директором концерна «Крупп» графом ЦЕДВИТЦ фон АРНИМ, которая состоялась по просьбе последнего в мае с. г. в Нидерландах.

ЦЕДВИТЦ является доверенным лицом известного деятеля Социал-демократической партии Германии БАРА, занимающегося вопросами планирования, координации и разработки узловых проблем внешней политики ФРГ. ЦЕДВИТЦ заявил, что обратился к источнику по прямой просьбе БАРА и рассчитывает, что содержание беседы будет доведено до советских руководителей. Далее, со ссылкой на БАРА, ЦЕДВИТЦ рассказал следующее:

«Наиболее здравомыслящие» деятели СДПГ пришли к выводу о необходимости поисков других путей «восточной политики» и хотели бы наладить прямые и надежные каналы связи с Москвой.

По существующему в ФРГ мнению, официальные контакты, имевшие место в последнее время, малорезультативны, так как каждая сторона ввиду своего официального положения прибегает к «чисто пропагандистским заявлениям». Контакты с представителями советского посольства в Бонне также нежелательны: их трудно осуществить в неофициальном порядке, а сведения о встречах немедленно используются политическими противниками.

В связи с этим БАР считал бы желательным провести серию неофициальных переговоров с представителями СССР, которые не накладывали бы обязательств на обе стороны в случае, если не будет достигнуто положительного результата.

По словам ЦЕДВИТЦА, в промышленных кругах ФРГ существуют силы, готовые способствовать нормализации отношений с СССР, однако их возможности ограничены, так как экономические связи ФРГ с СССР находятся «в зачаточном состоянии».

По мнению ЦЕДВИТЦА, Советский Союз недостаточно использует рычаги внешней торговли для достижения политических целей, хотя уже сейчас можно было бы добиться принятия мер, исключающих участие немецких специалистов в китайской ракетной и ядерной программах, а также противодействовать тенденции заигрывания с МАО западногерманских политиков.

По имеющимся сведениям, руководство другой правящей партии в Западной Германии — ХДС также предпринимает попытки выйти на неофициальный контакт с представителем советской стороны и заявляет о готовности провести «широкий и много разъясняющий обеим сторонам разговор».

Анализ полученных материалов свидетельствует о том, что две ведущие, конкурирующие между собой партии ФРГ опасаются, что их политический противник перехватит инициативу в вопросе урегулирования отношений с Советским Союзом, и готовы на неофициальном уровне, без оглашения в печати, вести переговоры, которые в последующем могли бы способствовать укреплению их положения и престижа.

В этой ситуации Комитет госбезопасности считает возможным продолжить неофициальные контакты с руководителями обеих партий. В ходе развития этих контактов целесообразно, используя наши внешнеторговые возможности, попытаться оказывать выгодное влияние на внешнюю политику ФРГ, а также организовать получение информации о позициях и планах боннских руководителей.

Просим согласия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ АНДРОПОВ

ОСОБАЯ ПАПКА

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЦК КПСС

По полученным нами сведениям, «антикоммунистическая» секция Управления общего осведомления (политическая полиция) Сюртэ Насьональ Франции помимо уже существующей картотеки на членов ФКП и лиц, сочувствующих ей, составляет сейчас специальную картотеку на членов ФКП и близких к ней организаций, подлежащих особому наблюдению либо аресту в случае каких-либо серьезных событий во внутреннем или международном плане.

Полагаю целесообразным поручить резидентуре КГБ в Париже сообщить эти сведения через имеющиеся у нее возможности руководству французских друзей.

Прошу согласия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ С. ЦВИГУН

19 декабря 1967 г.

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ: «ХОЧУ ПОЖЕЛАТЬ ВСЕМ КОММУНИСТАМ НОВЫХ СИЛ И УСПЕХОВ...»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Секретариата ЦК Коммунистической Партии Советского Союза

№ Ст-6/35 г.
от 21.09.90 г.

СЕКРЕТНО

Об ответе т. Горбачева М. С. на письмо т. В. Могориты

1. Утвердить текст ответа т. Горбачева М. С. на письмо Первого секретаря ЦК КПЧС т. В. Могориты (прилагается).

2. Дать согласие на его публикацию в чехословацкой печати в случае, если руководство ЦК КПЧС выразит заинтересованность в этом.

СЕКРЕТАРИАТ ЦК КПСС

Приложение
к п. 35 г., пр. № 6

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
ЧЕХОСЛОВАКИИ
товарищу Василу МОГОРИТЕ

Уважаемый товарищ Могорита,

С интересом ознакомился с Вашим письмом, содержащим полезную для нас информацию о деятельности КПЧС, ее планах и взглядах на современную ситуацию.

Нельзя не согласиться с высказанной в письме мыслью, что глубокий общественно-политический поворот в Чехословакии — как и во всем восточноевропейском регионе — это во многом закономерная реакция народа на недемократизм и иррациональность системы, выдававшейся в этих странах за истинный социализм. Видимо, нет необходимости разъяснять нашу позицию в отношении происшедших перемен — мы уважаем и будем уважать свободу выбора народов.

Но глубоко неправы те, кто склонен рассматривать сложные общественные процессы в Восточной Европе как смертный приговор социалистической идее. Примитивное толкование, дискредитация форм реализации этой идеи не может перечеркнуть ее колоссального гуманистического потенциала.

Очистить понимание социализма от всего вульгарного, наносного, обогатить его опытом современной мировой цивилизации — в этом, видимо, главный смысл деятельности сторонников социалистической идеи сегодня. От решения этой задачи будет во многом зависеть не только судьба левых, демократических сил Восточной Европы, но и позитивных процессов, пробивающих себе дорогу на нашем континенте. А помешать им может многое: и инерция «холодной войны», и атавизм политической нетерпимости, и взрывоопасность старых и новых национальных распрей.

Хочется верить, что ваша партия, обновляясь, творчески учитывая опыт чехословацких коммунистов-реформаторов, сможет конструктивно участвовать в общественно-политических преобразованиях в Чехословакии в интересах справедливости и прогресса. Ее право на это, вытекающее из основополагающих принципов демократии, подкреплено результатами парламентских выборов в Чехословакии.

Прошедшее с начала перестройки время убедило нас в том, что взятый КПСС курс на отказ от патернализма, строгое уважение суверенитета и равноправия партий, невмешательство в их дела является единственно правильным и перспективным. Это, разумеется, не исключает взаимной солидарности и многоплановых совместных действий. Полагаю, что, взаимодействуя на такой основе, КПСС и КПЧС могут многое дать друг другу, внести вклад в укрепление добрососедства и взаимопонимания между народами Советского Союза и Чехословакии.

Полностью разделяю Вашу мысль о необходимости активизировать контакты наших партий. С этой целью мы могли бы в ближайшее время направить в ЧСФР делегацию во главе с Секретарем ЦК КПСС.

Пользуюсь случаем, чтобы пожелать Вам, руководству КПЧС, всем чехословацким коммунистам новых сил и успехов.

С товарищеским приветом
Генеральный секретарь ЦК КПСС М. ГОРБАЧЕВ
Москва, 21 сентября 1990 года

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

У нас горе — не стало Сергея Воловца. Заместителя главного редактора — по должности, прекрасного товарища — в жизни. Блестящий профессионал с опытом журналистской работы в Танзании, Дании, Англии, Сергей пришел в редакцию в самом начале становления «Родины» и работал до тех пор, пока выпуск журнала не был остановлен гневным распоряжением ЦК КПСС. И где бы Сергей потом ни трудился — в «Московских новостях», в «ТВ-ревю», — его любили за ум, внимательность и интеллигентность. В начале года Сергей вернулся в «Родину» — полный новых замыслов, идей. Ему было 55. Как говорится: жить бы да жить. Но не выдержало сердце. Добрые люди с добрым сердцем часто уходят из жизни так рано.

Редакция журнала «Родина»

ДНЕВНИК «СВЯТОГО ЧЕРТА»*

Несмотря на обилие публикаций о Григории Распутине, появившихся за последние годы, интерес к этой «демонической» личности до сих пор не иссяк. Новые архивные документы позволяют приподнять покров тайны над историей жизни и смерти человека, который долгое время находился в близких отношениях с императорской четой.
Дело о перемене фамилии «старца» относится к концу 1906 — началу 1907 года, когда он еще не пользовался значительным влиянием в придворных кругах. По-видимому, прежняя фамилия не устраивала Григория, хотя в Сибири она была довольно широко распространена.
Делопроизводство сохранилось не полностью. Есть предположение, что некоторые документы исчезли при разгроме помещений Канцелярии его императорского величества по принятию прошений в первых числах марта 1917 года. Не исключена возможность их похищения, поскольку они имели немалую коллекционную ценность.
История чудом сохранившегося «Дневника» Распутина загадочна. Рукопись вместе с фотографией «старца» (под фотографией — его собственноручная подпись: «Бох прославил церьковь. Ето нам кормилец. Царство неба с ним. Григорий») приобретена в 1935 году у букиниста неким В. З. Медведевым и в 1937 году передана им в Управление центральными государственными архивами Ленинграда. Экспертиза подтвердила подлинность рукописи. По жанру «Дневник» является скорее публицистическим произведением, написанным Распутиным в свойственном ему стиле. Цели автора легко угадываются: убедить возможного читателя в благотворности пребывания при дворе «простого человека», опровергнуть слухи о своем особом влиянии на царское семейство, а заодно заверить всех в том, что императрица не вмешивается в управление страной и занимается только воспитанием детей. Рукопись представляет собой школьную тетрадь с портретом А. С. Пушкина на обложке и цитатой из монолога Пимена («Еще одно, последнее сказанье...»). Тетрадь не дописана до конца, и текст (его предположительная датировка 1911—1912 годы) обрывается как бы на полуслове.
При публикации текста «Дневника» воспроизведены все особенности орфографии автора.

* «Святым Чертом» назвал Г. Распутина иеромонах Илиодор

1.
Записка главноуправляющего Канцелярией его императорского величества по принятию прошений на высочайшее имя приносимых бар[она] А. А. Будберга[1].

Передавая мне приложенное прошение Распутина ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволил выразить особенное желание эту просьбу уважить. Прошу доложить мне завтра в пятницу закон, а также были ли у нас примеры.

Барон Будберг. Царское Село,
21 декабря 1906 г.

РГИА. Ф. 1412. Оп. 16. Д. 121. Л. 5. Машинописная копия.

2.
Всеподданнейший доклад бар[она] А. А. Будберга от 22 декабря 1906 г.

По наведенным мною справкам, законных препятствий к наименованию двойною фамилиею лица, не принадлежащего к дворянскому состоянию, не имеется. Этому препятствует лишь обычай, не имеющий значения при наличности милостивого желания ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА просьбу уважить. В виду сего

всеподданнейше испрашиваю соизволение ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на удовлетворение ходатайства крестьянина Распутина о разрешении ему впредь именоваться Распутиным-Новым.

Шталмейстер барон Будберг.
22-го декабря 1906 года.

Помета Николая II: «Согласен». Помета бар. А. А. Будберга: «Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано: «Согласен». Царское Село. 23 декабря 1906 г.».

Там же. Л. 6. Машинописная копия.

3.
Записка неустановленного лица по делу о перемене фамилии Г. Е. Распутина. Не ранее 23 декабря 1906 г. — не позднее 11 января 1907 г.

Из дела II отделения[2], теперь разысканного, оказывается, что у Григория Распутина жена и 3-е малолетних детей, между тем разрешение испрошено его высокопревосходительством главноуправляющим на дозволение принять двойную фамилию только просителю. Как быть? С семейством? В крестьянском быту понятие семейства очень обширное (тут и женатый брат, и свояченница...)[3].

Там же. Л. 3. Автограф.

4.
Записка секретаря Канцелярии е. и. в. по принятию прошений на высочайшее имя приносимых С. Н. Писарева главноуправляющему канцелярией бар[ону] А. А. Будбергу от 26 декабря 1906 г.

Имею честь почтительнейше доложить Вашему высокопревосходительству, что сведений о месте приписки Распутина в деле не имеется. Помощник старшего чиновника Пфаффиус, производивший это дело, припоминает, что в письме Распутин именует себя крестьянином Тобольской губернии.

С. Писарев.

Там же. Л. 2. Автограф.

5.
Отпуск извещения Канцелярии е. и. в. по принятию прошений на высочайшее имя приносимых об удовлетворении ходатайства Г. Е. Распутина.

11 января 1907 г.

Крестьянин Тобольской губ[ернии] Тюменского уезда Покровской волости и села Григорий Распутин сим извещается, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по всеподданнейшему докладу моему его прошения в 23 день декабря 1906 г. всемилостивейше соизволил разрешить ему[4] именоваться впредь по фамилии Распутиными-Новыми. Монаршая воля сия объявлена с сим же министру финансов к исполнению.

Главноуправляющий статс-секретарь
бар[он] Будберг.

Там же. Л. 8. Автограф на типографском бланке.

ДНЕВНИК[5]

Братья мои, имейте веру в Иисуса Христа нашего! Так как и цари призовут к себе слуг и скажут им: «вы буте примером апостола Якова, не взирая на лице и на знатнось», а будите[6] смотреть дела ево, становите ево выше разум чистой выше сонца. А человек вилавой двуячим мыслями не слуга царев. Ево скоро бох путает. Давно уже на опыте, а интриги, оне были и будут, и с ними боротца не силам человеков, а сила по воле бога — он укажет оправданье. Блажен человек, которой переносит дворцевые нападенья. Там всяк только бы показать себя не на деле, а на языке, а ете страдают, которым всякое даянье доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше от отца светов. И ете ото всех интрих просветят светом духовным и разумом. Без духовного разума не могут служить царю и быть во дворце. Там требутца ум светыни и разум, как ясно сонце. Етова нет, то бери котомку и беги дале. Етой дом — струны всево света — ежели одну струну повредиш, то губиш угол страны. Бойся, ето не то, что свой грешек, а побежал к батьке ды ладно. А веть угол страны сколько слез и сколько струнок знай, а на горе даже дьве струны испортить. Делай проше и не интригуй! Бох с тобой, чей слуга, знай и некогда не забуть. Серцем царевым правит бог. Чуство верности в Русе и в руских очень просто, убого и все руски не фамилем, а в душе, да для простова человека фамиль Степанов. Почему? Потому что былыя времена приносили вред страныя фамильи. Поэтому для глас нужна фамиль родная, да луче для ока простова, потому запречено духом простоты народом страна фамиль при дворцах, а запреченой плод в крове у всех[7] и у каждова. А вси и вся круховая любовь к родине. Будем старатца, чтобы не розводить толки, что ожо и толпа народа, и вся Европа и прочия страны судят не по уму человека и не по добрым делам и не по чистоте человека, а по какой-то прабабке[8], что фамилья страная, или бабке ловче было звать своево внука, потому что у ей язык худай, или ее тетка в тем месте родилась. Былыя времена что бары хотели, и делали; и вот иза своих-то охотливых привычек делают суд всемирнова толкованья. Что же зделать, чтобы не судили простую душу, а страну фамилю. Очень просто. Светлая душа и ведьнеетца делам, и знакомая с родиной, и дать ей рускую кровную, тогда и не будет толков. Ну только чтобы светила добротой, то есь фамилья не честа и дела мрачныя, то по делам носи свое, и тоже глас простова человека и сут божей совершитца по делам на фамилье. Качество простова народа, как оне проникают быстро умы всех высокопоставленых и дают цену безошыбочно. Правду царь Соломон сказал: всякой простяк бывает мудрея Соломона. Очень просто ценят по делам.

Как знают весь мир, что у нашева батишки царя тонкой философской разум и чуство разума охватывает в один мик всю жизь Расеи, доброта в очах, и все готовыя слезно готовы свою жизь одать — не то, что он царь, а в очах ево горит любовь и остроумная кротось, та и надежда, что ево любят и враги ево, пристол не оскудеет. Как помажаник божей для всей

простоты народа труды ево уже извесныя всем, как ему приходитца не спать и советыватца. И советы у их всем извесны с матушкой нашой инпираторицей Олександрой Федоровной единым духом. И она, слабая здоровьем от любви Росеи за пятой год. Древняя времена былыя, так и у нас матошка царица только и занята дочками и воспитаньем своево сыночка великова наследника Олексея Николаевича. Вот и доказательство воспитанья — как в нем горит любовь, как сонце, к народу, и взаимно любят и ево, и весь мир в трепенте и не знают, отчево к нему тянет обоянье. Вопли любви, воспитанье благочести очень просто объяснить: блажен муж, которой не ходит на совет нечествивых, так и далее. Кругом ево простота, и в простоте[9] опочует бох, потому и не по годам в ним царит идияльной ум, он не только зглядом, а своим присутсвеем пробивает слезы.

Что нам до тово, инпираарица не была у какой-то княгини на обеде — пусь она и будет в обиде, сомолюбие ее страдает, — она со своим деткам занимаетца. Ето уж[10] гритово дело. Например, у большой княжны Ольги Николаевны прямо царствоючи очи и кротось и сильно разум безо всяких поворотов — может править страной своей воспитаной светлостью. Весь мир понял воспитанья доброва ндрава и любовь к родине и к матушке церькве и ко всему к светому, как одна, так и другая, и одна за одной воздают чесь ко всем, даже ис ниских нянь, и к батюшкам, и ко всеми прислуживши к ним. Давай бох, чтобы осталось воспитанье родителей и на всю жизь, так как оне не одной мамоньке и папиньке детки, а всей Расеи. И все трепещут и говорят о воспитателе дорогова царевича Олексея Николаевича[11]: давай бох веруючева православной церькви. Так он уж воспитан в ней. Трудно будет тому воспитывать, что не питает любви к церькве, — он научит воспитателя любить храм. На первых порах давай бох примудрова, а то служба как салдатик: очереть отвел, и ладно. А то етот не будет на нево смотреть как на учителя, а как на забаву. Всево боле опытного, потому и то, что в ним поражает всю селеную и все излучают оживленье духовное. Что значит воспитанье простоты родителей и в страхе божим. Поэтому уж не так нужно боятца за воспитателя. Бох дас родительское благословенье всего дорожи для своево дитя.

РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 644. Л. 2—12 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Будберг Александр Андреевич (1853—1914) — барон, статс-секретарь, шталмейстер, главноуправляющий Канцелярией его императорского величества по принятию прошений (1899—1913).
2. Имеется в виду II отделение Канцелярии его императорского величества по принятию прошений.
3. Уже после удовлетворения прошения возиикло иовое затрудиеиие: выяснилось, что разрешеиие дано лично Распутину, а не его семье. Между тем, по существующей практике, смеиа фамилии разрешалась всем членам семьи. Поэтому в отпуск извещения Канцелярии по принятию прошений об удовлетвореиии ходатайства было внесеио исправление.
4. В тексте после слова «ему» зачеркнуто: с семейством.
5. В тексте: девник.
6. В тексте зачеркнуто: то будите.
7. В тексте: у вех.
8. В тексте: правбабке.
9. В тексте: просоте.
10. В тексте «ето уж» повторено дважды.
11. Вопрос о иазначеиии воспитателя к цесаревичу Алексею Николаевнчу широко обсуждался при дворе. Рассуждения Распутина о важности «простоты» и о том, что воспитатель не так уж и необходим, являются не только простым отголоском разговоров, услышанных им в царской семье, но и, возможно, стали одиим из факторов, повлиявших на характер воспитания наследника.

Публикация кандидата исторических наук
Д. РАСКИНА

КТО СТРЕЛЯЛ В ЛЕНИНА:

ФАННИ КАПЛАН, ЛИДИЯ КОНОПЛЕВА ИЛИ КТО-ТО ДРУГОЙ?..

Фанни Каплан.

Из сообщения Всероссийской чрезвычайной комиссии по делу покушения на председателя СНК В. И. Ульянова (Ленина)

Из предварительного следствия выяснено, что арестованная, которая стреляла в товарища Ленина, состоит членом партии правых социалистов-революционеров черновской группы... Упорно отказывается давать сведения о своих соучастниках и скрывает, откуда получила найденные у нее деньги... Из ее показаний видно, что она недавно приехала из Крыма и последнее время жила в Москве... Принимаются все меры к выяснению всех обстоятельств дела. Задержано несколько человек. Следствие ведется по всем районам Москвы.

Зам. председателя следственной комиссии

Петерс.

НИКОЛАЙ КОСТИН:
Следует обратить особое внимание на совпадение по времени покушений: на Урицкого – в Петрограде, на Ленина – в Москве. Канегиссер, убийца Урицкого, как и Каплан, вращался в эсеровских кругах, тесно связанных с разведками держав Антанты. Он, как и Каплан, предпочел остаться в истории террористом-одиночкой. Но если миф об одиночке Каплан развеялся начисто процессом правых эсеров в 1922 году, то Канегиссера подобные разоблачения не коснулись. Но они грядут. В назидание потомкам Борис Савинков писал:

«Не мы, русские, подняли руку на Ленина, а еврейка Каплан;
Не мы, русские, убили Урицкого, а еврей Канегиссер.
Не следует забывать об этом»*.

Николай Костин – подполковник в отставке, кандидат исторических наук, автор нескольких книг и публикаций о Ленине и его соратниках.

Браунинг, из которого стреляли в Ленина 30 августа 1918 г.

БОРИС ОРЛОВ:
К событиям 30 августа подходили не с позиций объективного анализа реальных фактов, а с точки зрения определенных, заранее абсолютизированных категорий. Главная из них – скрытая, а иногда открыто выражаемая убежденность, что в вождя и кумира русской революции русский человек стрелять не мог. Фигура Каплан была уникальной. Ее отщепенство от России и русского народа было абсолютным. Еврейка, интеллигентка, с уехавшей из России семьей, без места в жизни и без малейшего намека на смысл существования, она вписывалась в естественную схему «врага», не требуя поправок и дополнений. Ее роль убийцы доказывалась не уликами или вещественными доказательствами, а чутьем, происхождением и фамилией.

Борис Орлов – историк, научный сотрудник Иерусалимского университета.

* Автор не привел заключительную фразу этого высказывания Б. Савинкова перед Военной коллегией Верховного суда СССР: **«Вечная слава им»** (Полный отчет по стенограмме суда. Изд. НКИД. М., 1924. С. 54).

НИКОЛАЙ КОСТИН

СУД НА ТЕРРОРОМ

Статейный список № 132, составлен в Киевской Губернской Тюремной инспекции 30 июня 1907 года
Имя, отчество, фамилия или прозвище и к какой категории ссыльных относится? — Фейга Хаимовна Каплан. Каторжная.
Куда назначается для отбытия наказания? — Согласно отношения Главного Тюремного Управления от 19 июня 1907 г. за № 19641, назначена в ведение Военного Губернатора Забайкальской области для помещения в одной из тюрем Нерчинской каторги.
Следует ли в оковах или без оков? — В ручных и ножных кандалах.
Может ли следовать пешком? — Может.
Требует ли особо бдительного надзора и по каким основаниям? — Склонна к побегу.
Состав семейства ссыльного. — Девица.
Рост. — 2 аршина 3 1/2 вершка.
Глаза. — Продолговатые, с опущенными вниз углами, карие.
Цвет и вид кожи лица. — Бледный.
Волосы головы. — Темно-русые.
Особыя приметы. — Над правой бровью продольный рубец сант. 2 1/2 длины.
Возраст. — По внешнему виду 20 лет.
Племя. — Еврейка.
Из какого звания происходит? — По заявлению Фейги Каплан она происходит из мещан Речицкого еврейского общества, что по проверке, однако, не подтвердилось.
Какое знает мастерство? — Белошвейка.
Природный язык. — Еврейский.
Говорит ли по-русски? — Говорит.
Каким судом осуждена? — Военно-полевым Судом от войск Киевского гарнизона.
К какому наказанию приговорена? — К бессрочной каторге.
Когда приговор обращен к исполнению? — 8 января 1907 года*.

В этот день, как обычно по пятницам, в Москве проводились митинги. В. И. Ленин после выступления на Хлебной бирже, ближе к вечеру, приехал на завод Михельсона и быстро направился в Гранатный корпус, где собралось несколько сот солдат, заводчан и жителей Замоскворечья.

Не успел Гиль развернуть машину, как к нему подошли какие-то женщины и одна из них спросила:

— Кажется, товарищ Ленин приехал?

— Не знаю, — сухо ответил Гиль.

Женщина рассмеялась:

— Как же так? Шофер и не знаете, кого привезли?

Гиль нахмурился, но ответил сдержанно:

— Какой-то оратор.

Почти у самой машины Ленина остановила кастелянша Петропавловской больницы Попова и пожаловалась на несправедливость работников заградительных отрядов на железных дорогах:

— Почему они отбирают хлеб, который люди везут из деревни от родственников? Ведь издан декрет, чтобы не отбирали.

— Заградотрядчики иногда поступают неправильно, — согласился Ленин. — Но эти явления — временные. Снабжение Москвы хлебом скоро улучшится.

Разговор Владимира Ильича с кастеляншей Поповой и еще с одной женщиной продолжался одну-две минуты. И когда он, сделав последний шаг к машине, взялся за ручку двери, раздался первый выстрел...

Гиль устремился было за стрелком, но спохватился: Владимир Ильич — один!Шофер вернулся к машине. Ленин лежал на земле. Гиль наклонился над ним и услышал:

— Поймали его или нет?

Владимир Ильич думал, что в него стрелял мужчина.

Из показаний С. К. Гиля

Живет в Кремле. Офицерский корпус, 16.
Шофер В. И. Ленина. Сочувствует коммунистам.

После окончания речи В. И. Ленина, которая длилась около часа, из помещения, где был митинг, бросилась к автомобилю толпа человек в пятьдесят и окружила его.

Вслед за толпой вышел Ильич, окруженный женщинами и мужчинами, и жестикулировал рукой... Когда Ленин был уже на расстоянии трех шагов от автомобиля, я увидел с боку, с левой стороны от него, в расстоянии не более трех шагов, протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с браунингом, и были произведены три выстрела, после которых я бросился в ту сторону, откуда стреляли. Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе...

* Государственный архив Читинской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1195. Л. 246—247об.

Поправлюсь: после первого выстрела я заметил женскую руку с браунингом.
30 августа 1918 г.*

Красноармеец Сафронов[1] пытался узнать у Гиля, кто стрелял в Ленина.

Тот ничего вразумительного сказать не мог. Помогли дети, игравшие во дворе.

— Та, которая стреляла, — сказали они, — побежала на стрелку к трамваю.

Услышав эти слова, помощник военного комиссара 5-й Московской Советской дивизии С. Н. Батулин бросился за террористкой вдогонку.

Из показаний С. Н. Батулина

...Подойдя к автомобилю, на котором должен был уехать тов. Ленин, я услышал три резких сухих звука, которые я принял не за револьверные выстрелы, а за обыкновенные моторные звуки. Вслед за этими звуками я увидел толпу народа, до этого спокойно стоявшую у автомобиля, разбегавшеюся в разные стороны, и увидел позади кареты автомобиля тов. Ленина, неподвижно лежавшего лицом к земле. Я понял, что на жизнь тов. Ленина было произведено покушение. Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел. Я не растерялся и закричал: «Держите убийцу тов. Ленина!» И с этими криками выбежал на Серпуховку, по которой одиночным порядком и группами бежали в различном направлении перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди.

...Позади себя, около дерева, я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного. Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей пойти за мной. В дороге ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: «Зачем вы стреляли в тов. Ленина?», на это она ответила: «А зачем вам это нужно знать?», что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина. В это время ко мне подошли еще человека два-три, которые помогли мне сопроводить ее. На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в тов. Ленина. После этого я еще раз спросил:«Вы стреляли в тов. Ленина?» На это она утвердительно ответила, отказавшись указать партию, по поручению которой она стреляла...

В военном комиссариате Замоскворецкого района эта задержанная мною женщина на допросе назвала себя Каплан и призналась в покушении на жизнь тов. Ленина.
30 августа 1918 г.**

В комиссариате задержанную обыскали. Чекист-разведчик З. И. Легонькая показала позднее (через год после драмы): «Дьяконов[2] сказал мне: «Вы обязаны исполнить поручение: обыскать преступницу, которая покушалась на тов. Ленина...» Вооруженная револьвером, вместе с двумя другими женщинами (Д. Бем, З. Удотовой. — *Н. К.*), я приступила к обыску...» Далее сообщила, что в портфеле у Каплан были найдены: «браунинг, записная книжка с вырванными листами, папиросы, билет по ж. д., иголки, булавки, шпильки и т. д. всякая мелочь... А во время того, когда ее совсем раздевали наголо, то не могу вспомнить, нашли чего-нибудь или нет...»*

В протоколе допроса Д. Бем говорилось, что она обнаружила в каждом ботинке по клочку газеты, по конверту со штампом РСФСР и военного комиссариата СР и СД Замоскворецкого района. Обнаружено также 8 головных шпилек, две английских булавки и одна брошка**. (31 августа 1918 года на допросе в ВЧК Ф. Каплан заявила Скрыпнику[3], что бумажки, найденные в ее ботинках, дали ей в Замоскворецком военном комиссариате, когда она попросила чего-нибудь, чтобы подложить, потому что в ботинках оголились гвозди, а стелек не было.)

Зинаида Удотова также засвидетельствовала: «Мы Каплан раздели донага и просмотрели все вещи до мельчайших подробностей. Так, рубцы, швы просматривались нами на свет, каждая складка была разглажена. Были тщательно просмотрены ботинки, вынуты оттуда и подкладки, вывернуты. Каждая вещь просматривалась по два и по нескольку раз. Волосы были расчесаны и выглажены. Но при всей тщательности обнаружено что-либо не было. Раздевалась она частично сама, частично с нашей помощью».

После обыска, указывает З. И. Легонькая, арестованную допрашивали «т. т. Дьяконов, Беленький[4] и еще другие, которых я первый раз видела». На вопрос Дьяконова, по поручению какой партии Каплан покушалась на жизнь В. И. Ленина, она ответила, что стреляла в Ленина по собственному убеждению. Сколько раз стреляла — не помнила. Систему револьвера не назвала.

— Подробности меня не интересуют, — бормотала Каплан.

Она утверждала, что не знала женщин, разговаривавших с Лениным. Кастелянша Попова, раненная вместе с Лениным, ей не знакома.

— Решение убить Ленина созрело давно, — говорила Каплан. — Я считаю, что Ленин подрывает у трудящихся веру в народовластие.

— Каким образом? — спросил Дьяконов.

— Объяснять отказываюсь. Считаю себя социалисткой. Сейчас ни к какой партии себя не отношу.

— Сколько вам лет?

— Двадцать восемь...

Свои показания Каплан подписать отказалась. Про-

* ЦА МБ РФ. Н-200 («Н» — фонд нереабилитированных лиц). Том 10: «Показания С. К. Гиля от 30/VIII-18 г.».
** ЦА МБ РФ. Н-200. Том 10: «Показания помощника Военного Комиссара 5 Московской советской пехотной дивизии от 30/VIII-18 г.».

* ЦА МБ РФ. Н-200. Том 10: «Протокол допроса З. И. Легонькой от 24 сентября 1919 г.».
** ЦА МБ РФ. Н-200. Том 10: «Протокол допроса Д. Бем, обыскивавшей Ф. Каплан 30 августа 1918 г.».

сила исправить в них, что она не анархистка, а лишь сидела в Акатуе, как анархистка.

Дьяконов внес в текст протокола эти исправления и попросил их заверить С. Н. Батулина и рабочего завода Михельсона Андрея Уварова, который под протоколом написал: «Показания Фанни Каплан сделаны при мне».

Как только заместителю председателя ВЧК Я. Х. Петерсу[5] стало известно, что террористка находится в комиссариате, он приказал немедленно доставить ее на Лубянку.

В одном автомобиле с Каплан поехал Александров, в другом, грузовом (из Красного Креста), поехала с Поповой Зинаида Легонькая. Сдали арестованных в ВЧК. (Ровно через год, в сентябре 1919 года, на З. И. Легонькую поступил в ВЧК донос Горячева. Он писал: «Работая по делу готовящегося восстания в Москве, слышал, как гр. Нейман говорил, что в покушении на тов. Ленина участвовала некая Легонькая Зинаида, причем эта Легонькая якобы и произвела выстрелы». ВЧК, ознакомившись с материалом, постановила: гр. Легонькую З. И. задержанию не подвергать. Дело доследовать в смысле допроса свидетелей, указанных в деле Легонькой. Мерой пресечения избрать подписку о явке в особый отдел ВЧК по первому требованию.)

Из показаний милиционера А. А. Сухотина
...Шагах в четырех от товарища Ленина на земле лежала женщина на вид лет сорока, что задавала ему вопросы о муке. Она кричала: «Я ранена, я ранена!», а из толпы кричали: «Она убийца!» Я бросился к этой женщине вместе с тов. Калабушкиным. Мы подняли ее и отвели в Павловскую больницу*.

«Известия ВЦИК»
...В день рокового покушения на тов. Ленина означенная Попова была ранена навылет; пуля, пройдя левую грудь, раздробила левую кость. Две дочери ее и муж были арестованы, но вскоре освобождены.

Из протокола допроса М. Г. Поповой
Кингисепп[6]*:* Расскажите, как вы попали на митинг?
Попова: В пятницу я вышла из дому в шестом часу вечера с Семичевым и его племянником Володей.
Кингисепп: Фамилия Володи?
Попова: Не знаю, он приехал из деревни, я первый раз его видела. Расссталась я с ними у Петропавловского переулка на Полянке. Оттуда направилась к Клавдии Сергеевне Московкиной, хотела попросить ее сшить мне рубашку и пригласить к себе ночевать, так как я была одна, дочери уехали за хлебом в деревню. Московкина согласилась, мы пошли ко мне. По пути зашли на митинг, подоспели под самый конец речи Ленина. Когда митинг закончился, я вместе с Московкиной пошла к двери и оказалась возле самого Ленина. Я его спросила: «Вы разрешили провозить муку, а муку отбирают!» Ленин сказал: «По новому декрету нельзя отбирать...» Раздался выстрел, и я упала...
Кингисепп: Когда раздался выстрел, вы по какую сторону от Ленина шли, справа или слева?
Попова: Справа и немного сзади...
2 сентября 1918 г.*

Заключение по делу М. Г. Поповой
Пособничество со стороны Поповой покушению ничем не подтверждено. Установлено, что она шла по правую руку от В. И. Ленина, отставая на несколько шагов от него и, во всяком случае, не загораживая ему дорогу к автомобилю. Нет никаких данных, что Попова вообще задержала В. И. Ленина и этим помогла Каплан...**

В. Кингисепп высказался за признание Поповой пострадавшим лицом при покушении на В. И. Ленина, рекомендовал поместить ее в лечебницу за счет государства и просить СНК выдать М. Г. Поповой единовременное пособие.

Виновность Каплан вряд ли вызывала сомнения у ВЧК. Загадка заключалась в другом: стрелял террорист-одиночка или представитель какой-нибудь партии — эсеров, меньшевиков, монархистов?.. В показаниях очевидцев было много противоречивых утверждений о появлении Каплан на заводе. Так, свидетель Мамонов говорил, что она вошла через ворота с «чемоданом». Свидетель С. И. Титов доказывал, что Каплан на митинге стояла с ним рядом и к ней будто бы подходила другая женщина и тихо сказала: «Ну, неудача». Некоторые из очевидцев утверждали, что две женщины действовали в сговоре с третьей, а в руке Каплан держала портфель...***

Важно было установить точно: Каплан пришла до начала митинга или когда Ленин уже выступал? Если верно второе, значит террористку кто-то вызвал на завод, и в таком случае есть все основания считать, что она действовала в сговоре. Это позднее, на процессе правых эсеров в 1922 году, станет известно, что действовала она по наущению партии эсеров и вместе с ней на заводе находился эсер-боевик Новиков, выполнявший роль дежурного разведчика. Новиков был в матросской форме, и после неудачного покушения ему не оставалось ничего другого, как скрыться в толпе и затем воспользоваться пролеткой с рысаком, приготовленной для Каплан.

Но это будет известно потом, в ночь же на 31 августа чекистов интересовало одно: кто вложил в руки Фанни Каплан револьвер?

На Лубянке арестованную уже ждали. Собрались нарком юстиции Д. И. Курский, член коллегии Наркомата М. Ю. Козловский, секретарь ВЦИК В. А. Аванесов, Я. Х. Петерс, зав. отделом ВЧК Н. А. Скрыпник. В течение четырех дней — с 30 августа по 2 сентября — было допрошено более сорока свидетелей.

Первым Каплан начал допрашивать Д. И. Курский.
— Где вы взяли оружие?
— Не имеет значения.
— Вам его кто-нибудь передал?
— Не скажу.
— С кем вы связаны? С какой организацией или группой?
Молчание...
Курский повторил вопрос.
— Отвечать не желаю.

Курский задал еще несколько вопросов. Каплан молчала. После Курского к допросу террористки приступил Петерс. Каплан продолжала упорствовать.
— Кто ваши сообщники? С какой партией вы связаны? Кто руководил подготовкой покушения?
Молчание...
Курский: Связан ли ваш социализм со Скоропадским?
Каплан: Отвечать не намерена.
Курский: Слыхали ли вы про организацию террористов, связанную с Савинковым?
Каплан: Говорить на эту тему не желаю.
Курский: Почему вы стреляли в Ленина?
Каплан: Стреляла по убеждению.
Курский: Сколько раз вы стреляли в Ленина?
Каплан: Не помню.
Курский: Из какого револьвера стреляли?
Каплан: Не скажу. Не хотела бы говорить подробности.
Курский: Были ли вы знакомы с женщинами, разговаривавшими с Лениным у автомобиля?
Каплан: Никогда их раньше не видела и не встречала. Женщина, которая оказалась раненой при этом событии, мне абсолютно незнакома.
Петерс: Просили вы Биценко[7] провести вас к Ленину в Кремль?
Каплан: В Кремле я была один раз. Биценко никогда не просила, чтобы попасть к Ленину.
Курский: Откуда у вас деньги?
Каплан: Отвечать не буду.
Курский: У вас в сумочке обнаружен железнодорожный билет до станции Томилино. Это ваш билет?
Каплан: В Томилино я не была.
Петерс: Где вас застала Октябрьская революция?
Каплан: Октябрьская революция застала в Харькове, в больнице. Этой революцией я осталась недовольна. Встретила ее отрицательно. Большевики — заговорщики. Захватили власть без согласия народа. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за него.
Петерс: Где вы учились? Где работали?
Каплан: Воспитание получила домашнее. Занимались в Симферополе. Заведовала курсами по подготовке работников в волостные земства. Жалованье получала (на всем готовом) 150 рублей в месяц.
Петерс: Стреляли в Ленина вы? Подтверждаете?
Каплан: Стреляла в Ленина я. Решилась на этот шаг в феврале. Эта мысль назрела в Симферополе. С тех пор готовилась к этому шагу.
Петерс: Жили ли вы до революции в Петрограде и Москве?
Каплан: Ни в Петрограде, ни в Москве не жила.
Скрыпник: Назовите полностью свое имя, отчество и фамилию?
Каплан: Меня зовут Фанни Ефимовна Каплан. По-еврейски мое имя Фейга.
Скрыпник: Кто был ваш отец по профессии?
Каплан: Отец мой был еврейским учителем.

Протоколы допросов, составленные Я. Х. Петерсом и Н. А. Скрыпником 31 августа 1918 года, арестованная террористка подписала: «Ф. Е. Каплан»*.

31 августа к допросам Каплан подключился Кингисепп. Он разыскал в Москве бывшую каторжанку Веру Михайловну Тарасову-Боброву, и та охотно рассказала ему биографию Каплан.

Фанни Каплан шестнадцатилетней девушкой примкнула к анархистам и готовилась с ними к теракту. Но бомба взорвалась преждевременно, дома, и Фанни ранило. Военно-полевой суд приговорил ее к смертной казни, замененной по молодости лет пожизненной или «вечной» каторгой, которую Каплан отбывала в Мальцевской каторжной тюрьме, а затем в Акатуе, где близко познакомилась с известной эсеркой Марией Спиридоновой. Тарасова-Боброва отбывала наказание в Нерчинске, там и обратила внимание на Каплан. Фанни в это время ослепла и безропотно принимала от нее поддержку и помощь.

Каплан ослепла 9 января, в четвертую годовщину «кровавого воскресенья». Она и прежде теряла зрение, но не надолго — на два-три дня. На этот раз ее прозрение длилось почти три года. Тюремные врачи потерю зрения Каплан связывали с резкими головными болями, которыми она жестоко страдала на каторге.

После отбытия каторги Вера Тарасова некоторое время находилась за границей. Вернулась в Россию в июле 1917 года. С Каплан встретилась случайно весной 1918 года в Москве, в трамвае. О подготовке покушения на Ленина она ей не рассказывала.

Вооруженный сведениями, добытыми Кингисеппом у Веры Тарасовой, Петерс снова вызвал Каплан на допрос. На этот раз она разговорилась. Рассказала о себе. Вообще держалась проще, раскованнее.

Да, она Фанни Каплан. До 16 лет носила фамилию Ройдман. Родилась на Волыни. Семья в 1911 году уехала в Америку. У нее четыре брата и три сестры.

Допрос шел ровно, без осложнений, тщательно записывалось все сказанное. Каплан неохотно, но все же рассказала о своем детстве и о семье, о вступлении в киевскую организацию анархистов, где она впервые приобщилась к террору. И не сообщала ничего вразумительного о своем участии в покушении на В. И. Ленина. Как она проникла на митинг к михельсоновцам? Кто ею руководил и помогал вести слеж-

* ЦА МБ РФ. Н-200. Том 10: «Протокол допроса Сухотина А. от 30/VIII—18 г.».

* ЦА МБ РФ. Н-200. Том 10: «Протокол допроса М. Г. Поповой от 2/IX—18 г.».
** Там же.
*** ЦА МБ РФ. Н-200. Том 10: «Протокол допроса Титова С. И. от 31/VIII—18 г.»; «Протокол допроса Хворова А. И. от 30/VIII—18 г.»; «Показания свидетелей: Щепкина В. Л., Ильина В. В., Громова В. М., Мамонова Е. Е. и др. от 30/VIII—18 г.».

* ЦА МБ РФ. Н-200. Том 10: «Протокол допроса Ф. Е. Каплан от 31/VIII—18 г.».

ку? Кто снабдил ее деньгами и оружием? Об этом — ни слова.

— Я думаю, у вас есть еще много что сказать...

— Я сказала все.

— Я не ошибаюсь, — сказал Петерс. — Вы утаиваете главное — сообщников и руководителей покушения...

«Известия ВЦИК»

От ВЧК. Чрезвычайной Комиссией не обнаружен револьвер, из коего были произведены выстрелы в тов. Ленина. Комиссия просит лиц, коим известно что-либо о нахождении револьвера. немедленно сообщить о том комиссии...

1 сентября 1918 г.

Из протокола допроса С. К. Гиля, проведенного председателем Московского революционного трибунала А. Дьяконовым, известно, что стрелявшая женщина бросила Гилю револьвер под ноги и скрылась в толпе. При Гиле револьвер этот никто не поднимал, но один из сопровождавших раненого Ленина в Кремль дорогой сказал шоферу, что он видел револьвер и подтолкнул его ногой под автомобиль.

Револьвер подтолкнул красноармеец А. А. Сафронов.

Браунинг случайно подобрал у автомобиля рабочий А. В. Кузнецов. Он известил об этом сотрудников Замоскворецкого военного комиссариата. От него оружие не потребовали. В понедельник 2 сентября 1918 года, на следующий день после опубликования в газете «Известия ВЦИК» заметки, Кузнецов явился к следователю В. Э. Кингисеппу и заявил, что браунинг, из которого Каплан стреляла в Ленина, находится у него, и положил его на стол. Был он под номером 150489, с четырьмя патронами в обойме. Кингисепп приобщил его к делу о покушении на убийство В. И. Ленина.

Каплан ходила по камере. С трудом переставляла ноги. Куда ни повернется, на пути — серая стена. О нее тупо ломался взгляд. Будто она никогда не видела солнца. Не кипела в половодье революции. Откуда эта серая стена? Какая дьявольская сила забросила ее в одно из подвальных помещений Кремля?

Каплан почти уверилась, что ее больше не будут вызывать на допросы, что дело движется к развязке. Так оно и было. Возле двери и на всякий случай у окна комендант Кремля Мальков поставил усиленные посты. Часовых проверял ежечасно — боялся, как бы кто-нибудь из охраны не отправил террористку на тот свет раньше времени.

Террористка отказалась от завтрака. Три дня и три ночи, проведенные на Лубянке в поединках с чекистами и наедине с собой, вытряхнули из нее что-то очень существенное и невосполнимое.

«Известия ВЦИК»

Вчера по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в товарища Ленина правая эсерка Фанни Ройд (она же Каплан).

4 сентября 1918 г.

Фанни Каплан ушла из жизни, так и не выдав сообщников, не назвав людей, пославших ее на кровавое задание. Истина раскрылась через четыре года на процессе правых эсеров, где эсеровские боевики, в частности Л. Коноплева[8], Г. Семенов[9], признали ответственность партии за выстрелы на заводе Михельсона. И теперь можно полностью выстроить картину покушения: мотивы, обстоятельства...

Каплан трудно пережила разгром Учредительного собрания. Горела желанием свершить возмездие: убить Ленина. Обуреваемая жаждой действий, еще до встречи с руководителем боевиков Семеновым, она создала в Москве свою террористическую группу. Завербовала старого каторжанина Павла Пелевина, бывшего матроса. Привлекла Владимира Рудзиевского, присяжного поверенного, с белогвардейским оттенком, и эсерствующую девицу Марусю, не знавшую своей подлинной фамилии, истинное дитя панели.

Представление о терроре у сподвижников Фанни Каплан было совершенно диким. Пелевин считал возможным отравить Ленина, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье. По мнению Рудзиевского, к Ленину надо было подослать врача, который привил бы ему опасную болезнь. Маруся намеревалась убить Ленина кирпичом из-за угла.

Конкретного плана покушения террористы не имели, но на всякий случай обзавелись бомбой. Хранилась она у Каплан. Позднее Фанни передала бомбу Семенову на явочной квартире в Сыромятниках...

Из стенограммы заседания Верховного революционного трибунала ВЦИК РСФСР

Семенов: Здесь я остановлюсь на вхождении в наш отряд Фанни Каплан. Я думаю, что это произошло в конце мая. Я встретился с Фанни Каплан, которая произвела на меня хорошее впечатление на первом же свидании.

Сделал ей предложение войти в нашу группу. У нее было 4 человека.

Дашевский[10]: Фанни Каплан знал. Я передал Семенову, что есть старая революционерка, очень хороший товарищ, одержимая мыслью — убить Ленина. Предложил Семенову познакомиться с Каплан, заявить ей, что он имеет определенные полномочия на организацию того дела, к которому ее неудержимо влечет.

Семенов согласился встретиться с Каплан. Эта встреча произошла, если не ошибаюсь, в... американском кафе. Семенов сообщил, что ему удалось уговорить ее отказаться от самостоятельной работы и войти в его отряд.

Коноплева: По протоколам допросов в ВЧК на Лубянке мы знаем, что Каплан нервничала. Вела себя агрессивно. Впала в истерику. Отказывалась давать правдивые показания о том, кто ей дал оружие, кто поручил убить Ленина. Каплан можно понять. Она своим молчанием, своей истерикой, слезами затягивала следствие. Спасала Центральный боевой отряд. Уводила партию эсеров из-под удара красного террора. И на смерть ей было тоже нелегко идти. Она ведь на нее шла не Шарлоттой Корде, а безвестной, издерганной жизнью террористкой, поднявшей руку на вождя пролетариата. Каплан была одна из немногих террористов в отряде ЦК ПСР, беззаветно веривших в «святое дело» Гоца. Стреляя в Ленина, она думала, что совершает подвиг во имя русской революции.

Петерс: Обезглавить революцию — такую цель поставила себе партия социалистов-революционеров.

Коноплева: ...Члены ЦК партии социалистов-революционеров Гоц, Тимофеев и Донской внушали нам, что без устранения Ленина с политической арены большевиков не победить. И мы этому безоговорочно верили.

Зубков: Гоц, Тимофеев, Донской, Лихач, Гендельман и другие цекисты стремились на суде обрисовать Каплан истеричкой и больной. Искажали ее предсмертные показания. Внушали судьям, что раз она не хотела называть себя социалисткой-революционеркой — значит, она не член партии эсеров. Смысл показаний Каплан для меня очень понятен. Я их расшифровал. Почему она на первом допросе говорила, что ни к какой партии не принадлежит? На последующих же допросах сказала, что является социалисткой-революционеркой черновского толка.

По неписаному закону того времени, идя на ответственное дело, в кармане нельзя было ничего иметь, кроме оружия. У Каплан случайно завалялся билет до станции Томилино. Она сразу почувствовала, что этот билет может привести чекистов в Томилино*. Вот почему она долго и упорно отказывалась отвечать на вопросы следователей. Она выигрывала время, давала боевикам возможность скрыться из Томилино.

Крыленко: Обвиняемый Семенов, как реагировали террористы на появившееся в газетах сообщение Московского бюро ЦК ПСР о том, что партия социалистов-революционеров к покушению на Ленина не причастна?

Семенов: Мы были все подавлены. Мы никак не могли понять, как могло произойти такое предательство. Если отказ от покушения на Володарского можно было еще как-то оправдать, то для этого отказа не было никаких, абсолютно никаких оправданий.

Коноплева: Отречение от акта покушения на Ленина написал Донской по настоянию Морозова[11]. Об этом Морозов говорил в ноябре 1918 года. Фотокарточки Каплан я передала Морозову весной 1919 года.

Морозов: Для меня было неожиданным, что в Ленина стреляла Каплан. Я со спокойной совестью участвовал в составлении того заявления Центрального Комитета ПСР, которое мы выпустили, о непричастности ни одной партийной организации к акту покушения на убийство Ленина, Урицкого.

Донской: Я передавал всем партийным товарищам, что Каплан вышла из партии и сделала покушение на Ленина на свой страх и риск, как личный индивидуальный акт.

Покровский[12]: Все честь — честью. Отправляясь к французским министрам, надевают фрак. Отправляясь убивать Ленина, выходят из партии.

На все есть свой этикет. Если бы эсеров судил сам Вандервельде, оправдательного приговора он бы эсерам вынести не смог**.

Казалось бы, на этом можно было поставить точку. И тем не менее нельзя игнорировать существования нескольких версий о судьбе Каплан.

Слухи о том, что Фанни Каплан осталась жива благодаря заступничеству раненого Ленина, начали распространяться в 30—40-х годах заключенными тюрем и концлагерей, якобы встречавших Каплан в роли работника тюремной канцелярии или библиотеки на Соловках, в Воркуте, на Урале и в Сибири. Теперь, когда стали доступными архивы бывшего КГБ СССР, мы располагаем документами, в одном из которых говорится, что арестованный В. А. Новиков (бывший эсер-террорист, участник покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона) встречал Фанни Каплан на прогулке в тюремном дворе Свердловской пересыльной тюрьмы в 1932 году.

Выписка из протокола допроса арестованного Новикова Василия Алексеевича, 1883 года рождения, от 15 декабря 1937 года.

Вопрос: Вы назвали всех бывших участников эсеровской террористической дружины, с которыми вы встречались в последующие годы?

Ответ: Я упустил из виду участницу покушения на В. И. Ленина — Ф. Каплан, которую встречал в Свердловской тюрьме в 1932 г.

Вопрос: Расскажите подробно, при каких обстоятельствах произошла эта встреча?

Ответ: В июле 1932 г. в пересыльной тюрьме в г. Свердловске, во время одной из прогулок на тюремном дворе, я встретил Каплан Фаню в сопровождении конвоира. Несмотря на то, что она сильно изменилась после нашей последней встречи в Москве в 1918 г., я все же сразу узнал ее. Во время этой встречи переговорить мне с нею не удалось. Узнала ли она меня, не знаю, при нашей встрече она никакого вида не показала. Все еще сомневаясь в том, что это Фаня Каплан, решил проверить это и действительно нашел подтверждение того, что это было именно так.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: В Свердловской тюрьме в одной камере содержался Кожаринов, переводившийся из челябинского изолятора в ссылку. Кожаринов был привлечен к работе в качестве переписчика в Свердловской тюрьме. Я обратился к нему с просьбой посмотреть списки заключенных, проверив, находится ли среди них Фаня Каплан. Кожаринов мне сообщил, что действительно в списках Свердловской тюрьмы числится направленная из политизолятора в ссылку Каплан Фаня, под другой фамилией — Ройд Фаня...

Вопрос: От кого и что именно вы слышали о Каплан в 1937 г.?

Ответ: 15 ноября 1937 г. я был переведен из Мурманской тюрьмы в Ленинградскую на Нижегородской ул. Находясь там в одной камере с заключенным Матвеевым, у меня с ним возник разговор о моей прошлой эсеровской деятельности, и в частности о Каплан Фане. Матвеев, отбывавший наказание в Сибирских к/лагерях, сказал мне, что он знает о том, что Каплан Фаня — участница покушения на В. И. Ленина — работает в управлении Сиблага в Новосибирске в качестве вольнонаемного работника...

Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан.

Подпись Новикова

Допросили: нач. 4 отд-ния 4 отдела УГБ УНКВД Ленинградской области лейтенант госбезопасности (подпись неразборчива)

Оперуполномоченный 4 отд-ния 4 отдела УГБ УНКВД сержант госбезопасности (подпись неразборчива)

* На ст. Томилино находилась явочная квартира эсеровских боевиков.

** ГА РФ. Ф. 1005. Оп. 1А. Д. 374. Л. 22—25, 36—50; Д. 372. Л. 1—93; Д. 374. Л. 173—174.

ПРОТОКОЛ
осмотра места покушения на убийство т. Ленина на заводе Михельсон 30-го августа 1917 г.

2-го сентября 1918 г. мы, нижеподписавшиеся Яков Михайлович Юровский и Виктор Эдуардович Кингисепп, в присутствии председателя заводского комитета зав. Михельсон т. Иванова Николая Яковлевича и шофера т. Степана Казимировича Гиля, совершили осмотр места покушения на председателя Совнаркома т. Ульянова-Ленина.

Выход из помещения, где происходят митинги, один. От порога этой двустворчатой двери до стоянки автомобиля 9 (девять) сажен. От ворот, ведущих на улицу, до места, где стоял автомобиль, 8 саж. 2 фута (до передних), 10 саж. 2 фута (до задних колес автомобиля).

Стрелявшая Фанни Каплан стояла у передних крыльев автомобиля со стороны хода в помещение для митингов.

Тов. В. И. Ленин был ранен в тот момент, когда он был приблизительно на расстоянии одного аршина от автомобиля, немного вправо от дверцы автомобиля.

Место стоянки автомобиля: пункты, где стояла Ф. Каплан, тов. Ленин и М. Г. Попова, изображены на фотографическом снимке.

Недалеко от автомобиля нами найдено при осмотре четыре (в других документах — три. — *Ред.*) расстрелянных гильзы, приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Места их нахождения помечены на фотографических снимках (4, 5, 6, 7). Находка этих гильз несколько впереди стрелявшей объясняется тем, что таковые отскакивали от густо стоявших кругом людей, попадали ненормально несколько вперед.

К настоящему протоколу осмотра приобщаются: план строения Московского снарядного и Машиностроительного завода А. М. Михельсона, 4 фотографических снимка, изображающих три момента покушения, и само здание, в котором происходил митинг.

В. Кингисепп
Я. Юровский

Фотографии следственного эксперимента, проведенного 2 сентября 1918 г. на заводе А. М. Михельсона
(публикуются впервые).

Здание зав. Михельсона, где происходил митинг 30 августа.
а) входная дверь помещения, где происходил митинг
б) автомобиль т. Ленина. Расстояние от «а» до «б» — 9 саж.

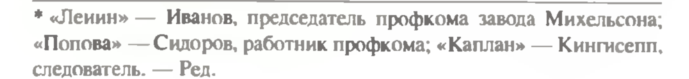
Момент, предшествовавший выстрелу.
1. т. «Ленин» подходит к автомобилю.
2. «М. Г. Попова» в беседе с т. «Лениным» следует за ним.
3. «Каплан» в ожидании т. Ленина.*
4. Шофер Гиль на своем месте.

«Каплан» стреляет.
1. «Ленин»
2. «Попова М. Г.»
3. «Каплан»
4, 5, 6, 7 — расстрелянные гильзы

«Совершенное покушение».
1. «Ленин» лежит.
2. «Попова» бежит.
3. «Каплан» направляется к воротам.
4. Шофер Гиль над раненым.

* «Ленин» — Иванов, председатель профкома завода Михельсона; «Попова» — Сидоров, работник профкома; «Каплан» — Кингисепп, следователь. — Ред.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская на автосанях.

В 1937 году на запрос зам. наркома внутренних дел Фриновского о том, верны ли сведения В. А. Новикова, из Свердловска уведомили: «Не установлено, что Ройд Фаня содержалась в Свердловской тюрьме в 1932 г.». Позднее, чтобы не ошибиться, «проверку произвели по архивным данным Свердловской тюрьмы, по архивным материалам конвойного полка, картотеки ОМЗ, а также РКМ и ДТО. Также не установлено ни одного арестованного с фамилией, сходной с Ройд Фаней».

Пришел ответ и из Новосибирска. В нем сообщалось: «...в числе заключенного и вольнонаемного состава Фани Ройд, она же Фаня Каплан, в прошлом и в настоящее время не имеется».

Конечно, ни о каком помиловании Ф. Каплан в восемнадцатом году речи не могло и быть. Слишком накаленной была обстановка, слишком велика была опасность, угрожающая революции, чтобы оставлять в живых ее врагов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сафронов А. А. — фельдшер эвакуационного госпиталя. Оказал Ленину после покушения первую медицинскую помощь, сопровождал его на автомобиле до квартиры в Кремле.

2. Дьяконов А. М. — председатель Московского революционного трибунала. Первым допросил в Замоскворецком военном комиссариате Ф. Каплан.

3. Скрыпник Н. А. — заведующий отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией, принимал участие в допросах Ф. Каплан 30 августа 1918 г.

4. Беленький А. Я. — в 1918—1924 гг. начальник охраны В. И. Ленина, член коллегии ВЧК.

5. Петерс Я. Х. — член коллегии и заместитель председателя ВЧК, председатель Ревтрибунала.

6. Кингисепп В. Э. — следователь по особо важным делам Верховного трибунала РСФСР и ВЧК. Расстрелян в 1922 г. по решению Эстонской буржуазной республики.

7. Биценко А. А. — отбывала каторгу вместе с Ф. Каплан. В 1917 г. была одним из руководителей Московской организации левых эсеров. После убийства Мирбаха и июльского мятежа левых эсеров вышла из партии и вступила в РКП(б).

8. Коноплева Л. В. — с 1906 по 1917 гг. анархистка. С 1917 по 1919 гг. — член ПСР, член группы «Народ». В марте 1921 г. вышла из партии эсеров и вступила в РКП(б).

9. Семенов Г. И. — делегат II съезда Советов. После Октября — член Военной комиссии при ЦК ПСР, начальник центрального боевого отряда при ЦК ПСР, организатор и руководитель покушений на Володарского, Урицкого, Ленина, Колчака и Деникина.

10. Дашевский И. С. — член Военной комиссии при ЦК ПСР.

11. Морозов С. В. — член Московского бюро ЦК ПСР.

12. Покровский М. Н. — член РСДРП с 1905 г., советский историк. На процессе правых эсеров в 1922 г. выступал государственным обвинителем.

Шоферы (слева направо) С. К. Гиль и П. С. Космачев.

БОРИС ОРЛОВ

МИФ О ФАННИ КАПЛАН

Ф. И. О.: Коноплева Лидия Васильевна.
Дата и место рождения: 5 февраля 1891 г., Петербург. В семье учителя.
Образование: Гимназия. Незавершенные Высшие женские курсы.
Национальность: Русская.
Партийность: До 1917 г. примыкала к анархистам. В 1917 г. вступила в партию правых эсеров. В начале 1918 г. вступила в боевую организацию правых эсеров под руководством Г. И. Семенова.
Судимость: После покушения на Ленина в 1918 г. арестована и завербована ЧК. В феврале 1921 г. вступила в РКП(б), рекомендацию давал Н. И. Бухарин. В 1922 г. выступила свидетелем по процессу правых эсеров. Амнистирована.
Семейное положение: Муж — П. Г. Волков, дети — дочь Галина и сын Борис.
Трудовая деятельность: Работала в детских организациях, редактором издательства «Транспортная литература».
Арестована 30 апреля 1937 г. за хранение архива партии правых эсеров. Расстреляна 13 июля 1937 г. Реабилитирована 20 августа 1960 г.

Из материалов следственного дела

Внешняя канва событий 30 августа 1918 года хорошо известна. Через несколько дней в газете появилось краткое сообщение о расстреле Ф. Ройд (Каплан). Отныне и навсегда прикипело к биографии вождя революции имя эсерки-террористки Фанни Каплан. Иначе ни современники, ни историки ее не характеризовали. Имя Каплан с такой силой вбито в совершившееся, что отделить его, кажется, нет никакой возможности.

Никому в голову не пришла мысль проанализировать протоколы допросов Фанни Каплан. И уж тем более никто не потрудился сопоставить эти документы с немногочисленными воспоминаниями очевидцев, украсивших неувиденное вымышленными подробностями. Сложившаяся версия оказалась настолько устойчивой, что кощунственным выглядит вопрос: «Почему вы так уверены, что Фанни Каплан стреляла в Ленина в тот августовский вечер 1918 года?» Ведь самое поверхностное знакомство с документами показывает, насколько они противоречивы и не дают однозначного ответа на вопрос о ее виновности.

В надежде выяснить истину мы и провели настоящее расследование.

Когда прозвучали выстрелы?

Поступим так, как поступают в юридической практике при рассмотрении обычного уголовного дела, когда совершено преступление и подробности его не ясны. Начнем с обстоятельств покушения, подлежащих выяснению. Определим прежде всего время, место, способ совершения преступления. Установим личность покушавшегося, мотивы покушения, возможности и способы его выполнения.

Оказывается, время покушения никогда не было точно определено. Более того, расхождение во времени достигает нескольких часов.

Опубликованное в «Правде» обращение Моссовета утверждало, что покушение произошло в 7 часов 30 минут вечера*. Однако хроника той же газеты сообщила, что это событие имело место около 9 часов вечера.

Существенную поправку в определении времени покушения вносит шофер Ленина С. Гиль, человек весьма пунктуальный и один из немногих достоверных свидетелей. В своих показаниях, данных 30 августа, Гиль заявил: «Я приехал с Лениным около 10 часов вечера на завод Михельсона»**.

Речь Ленина на митинге, по мнению Гиля, длилась около часа. Иными словами, покушение могло быть совершено не раньше 10 часов, а скорее, около 11 часов вечера, когда окончательно стемнело и наступила ночь. По-видимому, показания Гиля ближе всего к достоверности, ибо протокол первого допроса Фанни Каплан имеет четкую запись — 11 часов 30 минут вечера. Если считать, что задержание Каплан и доставка ее в ближайший военный комиссариат, где начались допросы, заняли 30—40 минут, то время, указанное Гилем, следует считать наиболее правильным. Трудно предположить, что подозреваемая в покушении Каплан в течение более чем трех часов оставалась недопрошенной, в том случае, если покушение было совершено в 7 часов 30 минут вечера.

По-видимому, сдвиг времени покушения в более светлую часть дня совершенно сознательно проделал в своих воспоминаниях Вл. Бонч-Бруевич, управляющий делами Совнаркома***. Его воспоминания, ставшие основой хрестоматийного рассказа о покушении на Ленина, упрекали в момент их появления в неточностях и недомолвках, введении вставок и подробностей, которые автор помнить не мог****.

* Это время указано во многих работах, например в «Истории гражданской войны в СССР». М., 1958. Т. III. С. 365.
** Пролетарская революция. 1923. № 6—7. С. 277.
*** Бонч-Бруевич Вл. Покушение на В. И. Ленина в Москве 30 авг. 1918 г. М., 1923; Три покушения на Ленина. М., 1930.
**** Пролетарская революция. 1924. № 3 (26). С. 266—268.

Бонч-Бруевич уверяет, что узнал о покушении в 6 часов вечера, когда вернулся домой с работы на маленький перерыв. Это понадобилось ему для создания ложной картины задержания Каплан, поскольку он добавлял явно вымышленные детали. В книгу введен так называемый «рассказ шофера Гиля», сообщенный будто бы лично автору. Это придает воспоминаниям необходимую достоверность. На них неизменно ссылаются советские и западные историки. Между тем «рассказ шофера» противоречит собственным показаниям Гиля. Он не мог видеть то, что произошло после покушения, то есть эпизод задержания Каплан, так как находился возле раненого Ленина, а затем отвозил его в Кремль. Связанные с этим эпизодом подробности сочинены Бонч-Бруевичем и приставлены непосредственно к «рассказу Гиля» для вящей убедительности.

Мы не случайно уточнили время совершения покушения и выяснили, что оно произошло поздно вечером, почти ночью, в глубокой темноте. Имея сильный дефект зрения, Каплан физически была не способна совершить покушение с той точностью, с какой оно было осуществлено.

«Я увидел... женскую руку с браунингом...»

После окончания митинга Ленин вышел во двор завода, продолжая беседу со слушателями и отвечая на их вопросы. По воспоминаниям Бонч-Бруевича, со ссылкой на шофера Гиля, последний сидел за рулем и смотрел, полуобернувшись, на подходившего Ленина. Услышав выстрел, он моментально повернул голову и увидел женщину с левой стороны машины у переднего крыла, целившуюся в спину Ленина. Затем раздались еще два выстрела, и Ленин упал.

Эта картина легла в основу всех исторических работ и была воспроизведена в классической сцене покушения в кинофильме «Ленин в 1918 году»: женщина-брюнетка с еврейской внешностью целится из револьвера в спину вождя русской революции.

Что же было в действительности?

На допросе Гиль показал: «Я увидел... протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с браунингом».

Таким образом, единственный свидетель — Гиль не видел человека, стрелявшего в Ленина, а заметил только протянутую женскую руку. Напомним, что все происходило ночью и видеть он мог, действительно, на расстоянии не больше трех шагов от машины. Может быть, Гиль оговорился? Это предположение следует отбросить. Наблюдательный шофер внес в протокол важную поправку: «Поправлюсь: после первого выстрела я заметил женскую руку с браунингом». Сомнений быть не может — Гиль стрелявшую не видел, и вся описанная у Бонч-Бруевича сцена, ставшая канонической, выдумана.

Возможно, лицо, стрелявшее в Ленина, могло быть опознано человеком, задержавшим впоследствии Каплан? Это предположение опровергается показаниями комиссара С. Батулина, который через некоторое время после покушения задержал Ф. Каплан. В момент выхода Ленина с завода Батулин находился от него на расстоянии 10—15 шагов. Позднее он поправился, указав, что был еще дальше — в 15—20 шагах. Батулин показал: «Человека, стрелявшего в тов. Ленина, я не видел».

Таким образом, следует считать установленным факт, что ни один из допрошенных свидетелей, присутствовавших на месте покушения, стрелявшего в Ленина человека в лицо не видел и опознать Фанни Каплан как виновную в покушении не мог.

Погоня, которой не было

Между тем события после выстрелов развивались следующим образом. Толпа начала разбегаться. Гиль бросился в ту сторону, откуда стреляли. Отметим — не к конкретному лицу, а в сторону выстрелов.

«...Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе», — показывает Гиль, уверенный, что стреляла именно женщина, так как он видел женскую руку. Других подробностей он не сообщает.

Любопытна судьба брошенного оружия. «При мне, — утверждает Гиль, — револьвера этого никто не поднял. Только по дороге один из двух человек, сопровождавших раненого Ленина, объяснил Гилю: «Я подтолкнул его ногой под автомобиль».

На допросах револьвер Каплан не предъявляли, и в качестве вещественного доказательства он на следствии не фигурировал. Среди вопросов, предложенных Каплан по поводу найденных у нее вещей (бумаги и деньги в сумочке, железнодорожные билеты и т. д.), только один имел отношение к орудию покушения. Видимо, допрашивавший Фанни Каплан председатель Московского ревтрибунала А. Дьяконов не имел револьвера в руках. Он спросил лишь о системе оружия, на что Каплан ответила: «Из какого револьвера я стреляла, не скажу, я не хотела бы говорить подробности».

Очевидно, если бы револьвер лежал перед Дьяконовым и Каплан на столе, ответ Фанни о нежелании входить в подробности выглядел бы по меньшей мере нелепым.

Пока исчезнувшее вещественное доказательство заталкивали ногой под автомобиль, очевидец покушения С. Батулин закричал, не растерявшись: «Держи, лови!» Позднее, в письменных показаниях, присланных на Лубянку 5 сентября 1918 года, Батулин деликатно поправляет свой базарный крик политически более грамотным возгласом: «Держите убийцу тов. Ленина!». С этим криком он и выбежал с заводского двора на Серпуховскую улицу. По ней группами и в одиночку бежали в различных направлениях перепуганные выстрелами и общей сумятицей люди. Батулин поясняет, что своими криками он хотел остановить тех людей, которые видели, как Каплан стреляла в Ленина, и привлечь их к погоне за преступником. Судя по всему, никто не внял крикам Батулина и не выразил желания помочь ему в розысках убийцы. Подобная безучастность рабочей массы для создателей легенды об убийце Каплан была невыносимой. Поэтому и появляются на свет Божий у Бонч-Бруевича ребятишки, бывшие во дворе во время покушения, которые будто бы «гурьбой бежали за стрелявшей и кричали: «Вот она! Вот она!»* В газете, посвященной пятилетию со дня покушения, те же бдительные советские ребятишки отправляются уже играть на улицу, они и помогают рабочему Иванову напасть на след убегавшей Каплан.

Однако Батулин, дважды представивший свои показания, никаких ребятишек в глаза не видел. Да и что было делать детям в мрачный и холодный осенний вечер на темной улице? У нас нет точных данных о погоде, скорее всего, небо было обложено осенними тучами, и, вероятно, накрапывал надоедливый мелкий дождь. Известно, что Ленин, уезжая на митинг, взял с собой пальто. В руках Каплан при задержании был зонтик, а вышедший через сутки после покушения из здания ЧК на Лубянке английский дипломат Брюс Локкарт запомнил, что утром в этот день шел дождь.

Выдумка о бдительных детях до сих пор украшает страницы сентиментально-поучительных детских рассказов о Ленине.

Пробежав от завода до трамвайной остановки на Серпуховской улице, С. Батулин остановился, так как ничего подозрительного не увидел. Только потом он заметил позади себя около дерева женщину с портфелем и зонтиком в руках, своим странным видом остановившую его внимание. Комиссар дважды повторяет запомнившуюся ему деталь: он увидел женщину, не бегущую впереди, а стоящую позади него (в показаниях 30 августа). Он ее не догонял, и она не могла обогнать Батулина и прибежать первой или следовать за ним и внезапно остановиться. В эти короткие мгновения напряженного внимания он неминуемо заметил бы бегущую с нелепым зонтиком фигуру, пытающуюся спрятаться под деревом. К тому же женская одежда 1918 года, с длинным, до пят, платьем, вряд ли позволяла женщине бежать так же быстро, как бежал мужчина.

Добавим, что в эти минуты не только бегать, но и ходить, как выяснилось чуть позже, Каплан было трудно, так как у нее в ботинках были гвозди, мучившие ее при ходьбе.

Не остается ничего другого, как предположить, что Фанни Каплан вообще никуда не бежала. Она просто стояла все время на одном месте, на Серпуховской улице, на достаточно далеком расстоянии от заводского двора, где раздались выстрелы. Это и была та странность, так поразившая Батулина. «Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного», — заключает он.

Каплан никто не преследовал. Она лишь «ИМЕЛА ВИД» преследуемого человека. Ее никто не травил, но она была похожа на затравленную.

Для нас это не просто подтверждение иного, резко отличного от полвека вбиваемого представления о поведении якобы бегущей Фанни Каплан. Это психологическая характеристика, мимо которой равнодушно проходили глаза историков.

«Это сделала не я»

Итак, за несколько кварталов от завода Михельсона комиссар Батулин видит женщину, которая удивляет его только своим странным видом. Он задает ей простой вопрос: кто она и зачем сюда попала? «На мой вопрос, — говорит Батулин, — она ответила: «ЭТО сделала не я».

Самое поразительное в ответе — его несоответствие вопросу. На первый взгляд, он дан просто невпопад. Впечатление это обманчиво — ответ раскрывает глаза на многое. Во-первых, он опровергает ложное утверждение, что Фанни Каплан сразу и добровольно призналась в попытке покушения на Ленина. Однако главное в ответе — его психологическая окраска. Фанни настолько углублена в себя, что не слышит задаваемого вопроса. Ее первая реакция — это реакция оправдания. Но Каплан оправдывается в момент, когда ее никто не обвиняет. Более того, ее детский по форме ответ показывает, что Каплан, в сущности, и не знает подробностей случившегося. Она не могла слышать выстрелов вдалеке от завода и видела только людей, бегущих с криком «лови, держи!». Поэтому она говорит в самой общей форме: «ЭТО сделала не я».

Странный ответ возбудил подозрительность Батулина. Он обыскал ее карманы и, взяв портфель и зонтик, предложил следовать за собой. Никаких доказательств виновности задержанной в покушении у него не было. Однако сам факт задержания подозрительного человека создал атмосферу выполненной задачи и внушил иллюзию оправданности задержания.

Все дальнейшее, послужившее основанием для обвинения Фанни Каплан в покушении на Ленина, в юридические рамки не вмещается.

«В дороге, — продолжает Батулин, — я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на тов. Ленина: «Зачем вы стреляли в тов. Ленина?», на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?» — что меня окончательно убедило в покушении этой женщины на тов. Ленина».

В этом немудреном умозаключении — синтез эпохи. Классовое чутье — вместо улик, убеждение в виновности — вместо доказательств вины.

А вокруг задержанной начали уже накаляться страсти ошеломленной покушением толпы. Кто-то вызвался помогать Батулину сопровождать задержанную (не забудем, что никакого оружия, кроме зонтика, при ней найдено не было). Из толпы стали раздаваться крики, что стреляла именно она. Позднее, после газетных сообщений о виновности и казни Каплан, Батулину казалось, что кто-то из толпы узнал в этой женщине человека, стрелявшего в Ленина. Неведомый «кто-то» допрошен не был и свидетельских показаний не оставил. Однако в первоначальных, самых свежих показаниях Батулин утверждает только то, что были крики из толпы и что стреляла эта женщина. И тогда толпа пришла в неистовство. «Убить! Растерзать на куски!» — кричали разъяренные рабочие.

* Бонч-Бруевич Вл. Покушение на Ленина... С. 32—33.

В этой обстановке массового психоза толпы, находившейся на грани линчевания, на повторный вопрос Батулина: «Вы стреляли в тов. Ленина?» — задержанная неожиданно ответила утвердительно.

Столь несомненное в глазах толпы подтверждение виновности вызвало, по-видимому, такой приступ бешенства, что потребовалось создать цепь из вооруженных людей, чтобы предотвратить самосуд и сдержать бушевавшую массу, требовавшую смерти преступницы.

Каплан привели в военный комиссариат Замоскворецкого района, где она и была впервые допрошена.

Вы знали женщину по имени Каплан, господин Локкарт?

Личность задержанной Батулиным женщины была установлена сразу. Протокол первого допроса начинался словами: «Я, Фаня Ефимовна Каплан...»

Это не помешало ВЧК заявить на следующий день, что стрелявшая и задержанная женщина отказалась назвать свою фамилию. Сообщение ЧК многозначительно намекало на наличие неких данных, указывающих на связь покушения с определенной организацией. Одновременно следовало сенсационное сообщение о раскрытии грандиозного заговора союзных дипломатов, пытавшихся подкупить латышских стрелков, охранявших Кремль. Следующей ночью был арестован британский консул Брюс Локкарт. Он действительно находился в контакте с представителями латышских стрелков, якобы оппозиционно настроенных по отношению к советской власти, иа деле являвшихся агентами ЧК.

Конечно, никаких данных о связи покушения на Ленина с так называемым заговором Локкарта у ЧК не было. Петерс, замещавший уехавшего в Петроград Ф. Дзержинского, вынашивал заманчивую идею соединить покушение на Ленина и дело Локкарта в один грандиозный заговор, раскрытый благодаря находчивости ЧК.

Первый вопрос, заданный арестованному и доставленному на Лубянку Локкарту, был такой: знает ли он женщину по имени Каплан? Разумеется, Локкарт понятия не имел, кто такая Каплан.

На фоне раскрытия заговора Локкарта и происходили допросы Каплан. Нервная обстановка этих дней не могла не сказаться на ее участи.

В нашем распоряжении имеется 6 протоколов допроса Ф. Каплан. Первый начат в 11 часов 30 минут вечера 30 августа. На пятом имеется пометка: «31 августа 1918 года 2 часа 25 минут утра». Есть все основания предполагать, что этот допрос был последним допросом Фанни Каплан.

В ночь на 1 сентября был арестован Локкарт. В 6 часов утра к нему в камеру на Лубянке ввели Каплан. Возможно, Петерс обещал сохранить ей жизнь, если она укажет на Локкарта как на сообщника в деле покушения на Ленина. Каплан молчала, и ее быстро увели. Оставленные нам Локкартом впечатления от этого визита уникальны, так как дают единственное сохранившееся портретное и психологическое описание Фанни Каплан в момент, когда она свела уже все счеты с жизнью. Это описание заслуживает быть приведенным целиком:

«В 6 часов утра в комнату ввели женщину. Она была одета в черное. У нее были черные волосы, а глаза, устремленные пристально и неподвижно, окружали черные круги. Ее лицо было бледным. Черты лица, типично еврейские, были непривлекательны. Она могла бы быть любого возраста, от 20 до 35 лет. Мы догадались, что это была Каплан. Несомненно, большевики надеялись, что она подаст нам какой-нибудь знак. Ее спокойствие было неестественным. Она подошла к окну и, склонив подбородок на руку, смотрела сквозь окно на рассвет. Так она оставалась неподвижной, безмолвной, покорившейся, по-видимому, своей судьбе, до тех пор, пока не вошли часовые и не увели ее прочь»*.

Это последнее достоверное свидетельство человека, видевшего Фанни Каплан живой.

«По-еврейски мое имя Фейга...»

«По-еврейски мое имя Фейга, — писала она в своих показаниях. — Всегда звалась Фаня Ефимовна».

До 16 лет Фаня жила под фамилией Ройдман, а с 1906 года стала носить фамилию Каплан. Причины перемены фамилии она не объяснила. Однако было у нее и другое имя — Дора. Под этим именем ее знали Мария Спиридонова, Егор Сазонов, Штейнберг и многие другие.

На каторгу Фанни попала совсем молодой девушкой. Ее взгляды сильно изменились в тюрьме, главным образом под влиянием известных деятелей партии социалистов-революционеров, с которыми она вместе сидела, прежде всего Марии Спиридоновой.

«В тюрьме мои взгляды оформились, — писала Каплан, — я сделалась из анархистки социалисткой-революционеркой».

Она говорит об оформлении взглядов, а не о формальном вступлении в партию эсеров. Ее официальная партийная принадлежность остается весьма спорной. Сама Каплан в момент ареста и первого допроса заявила, что считает себя социалисткой, но ни к какой партии не принадлежит. Позднее она уточнила, что в эсеровской партии она скорее разделяет взгляды Виктора Чернова. Это было единственным, хотя и достаточно шатким основанием для объявления Каплан принадлежащей к партии правых эсеров.

На допросах Каплан, не сдерживая себя, говорила, что считает Ленина предателем революции. Дальнейшее его существование подрывает веру в социализм. «Чем дольше он живет, — убежденно заявила она, — он удаляет идею социализма на десятки лет».

Ее маниакальная устремленность не вызывает сомнений, так же как и ее полная организационная и техническая беспомощность.

Весной 1918 года Каплан предложила свои услуги в деле покушения на Ленина находившемуся тогда в Москве Нилу Фомину, бывшему члену Учредительного собрания, расстрелянному впоследствии колчаковцами. Это предложение Фомин довел до сведения члена ЦК партии эсеров В. Зензинова, а тот передал об этом в ЦК. Признавая возможным вести вооруженную борьбу с большевиками, партия эсеров отрицательно относилась к террористическим актам против большевистских вождей. Предложение Н. Фомина и Каплан было отвергнуто*.

Каплан осталась одна. Летом 1918 года некто Рудзиевский ввел ее в маленькую группу весьма пестрого состава и неопределенной идеологии, куда входили: старый каторжанин эсер Пелевин, не склонный к террористической деятельности, и двадцатилетняя девушка по имени Маруся**. Дело обстояло именно таким образом, хотя впоследствии предпринимались попытки представить Каплан в роли создателя террористической организации.

Эта версия прочно вошла в обиход с легкой руки руководителя действительной боевой организации эсеров Г. Семенова (Васильева).

Террорист или агент ЧК?

До Февральской революции Семенов себя ничем не проявил. Он всплыл на поверхность политической жизни в 1917 году, отличаясь непомерным честолюбием и склонностью к авантюризму.

В начале 1918 года Семенов вместе со своей напарницей и подругой Лидией Коноплевой организовал в Петрограде летучий боевой отряд, куда вошли в основном петроградские рабочие — бывшие эсеровские боевики. Отряд совершал экспроприации и готовил террористические акты.

От группы Семенова поступили первые предложения о покушении на Ленина. В феврале—марте 1918 года были предприняты в этом направлении практические шаги, не давшие никакого результата.

20 июня 1918 года член отряда Семенова рабочий Сергеев убил в Петрограде видного большевика Моисея Володарского. Сергееву удалось скрыться.

Бурная деятельность Семенова беспокоила ЦК партии эсеров. От убийства Володарского, не санкционированного ЦК, партия эсеров отмежевалась. Самому Семенову и его отряду после резких столкновений с членами ЦК предложено было перебраться в Москву.

В Москве Семенов начал готовить покушения одновременно на Троцкого и Ленина. Последнее завершилось выстрелами 30 августа 1918 года. Попытка покушения на Троцкого была неудачна. Семенов успел совершить несколько внушительных экспроприаций, пока наконец не был арестован ЧК в октябре 1918 года. Он оказал при аресте вооруженное сопротивление и пытался бежать, ранив при этом нескольких чекистов.

Ему предъявили обвинение в создании контрреволюционной организации, имевшей целью свержение советской власти, шпионаже, использовании динамита, транспортировке бывших офицеров-белогвардейцев по ту сторону фронта. Сверх того, Семенов обвинялся в оказании вооруженного сопротивления при аресте.

Всего этого перечня с избытком хватало для неминуемого расстрела. Участь Семенова сомнений не вызывала. «...Была полная уверенность, что их (арестованных. — *Б. О.*) расстреляют, — писала Коноплева в своих показаниях. — Вскоре выяснилось, что дело арестованных не так уж безнадежно, кроме того, Семенов от побега отказался»*.

Неожиданный поворот дела объяснялся тем, что Семенов, взвесив все шансы, понял, что спастись от расстрела он может только предложив свои услуги ЧК. Он заявил о полном раскаянии и просил дать ему боевую работу, чтобы искупить прошлые грехи. В 1919 году он выходит из тюрьмы уже как член РКП со специальным заданием работать в организации эсеров в качестве осведомителя. Этим покупалась амнистия и свобода не только для себя, но и для Коноплевой. Она остается деятельным помощником Семенова и вскоре также вступает в РКП. (Особой анкетой, проведенной в Бутырской тюрьме, установлено, что из прошедших через нее с ноября 1920 г. по февраль 1921 г. 150 с лишним человек 60 получили предложение сделаться тайными агентами ЧК и более 50 из них находились при этом под угрозой расстрела**.)

Семенову и его подруге Коноплевой угрожать не приходилось. Они работали не за страх, а за совесть. Заброшенный в 1920 году на территорию Польши, Семенов вместе с другими русскими был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Красной Армии. Все, кроме Семенова, были казнены. Он остался цел и, выдав себя за эсеровского активиста, вошел в доверие к Борису Савинкову. Получив от него деньги и инструкции, Семенов явился в Москву и заявил в ЧК, что Савинков поручил ему организовать покушение на Ленина. Затем выдал все — планы, деньги, явки, имена. Находившаяся с ним Коноплева осведомляла о настроениях в эмигрантских эсеровских кругах.

В начале 1922 года Семенов и Коноплева, как по команде, выступили с сенсационными разоблачениями. В конце февраля 1922 года в Берлине Семенов опубликовал брошюру о военной и боевой работе эсеров в 1917—1918 годах. Одновременно в газетах появились направленные в ГПУ показания Лидии Коноплевой, посвященные «разоблачению» террористической деятельности партии эсеров в тот же период. Эти материалы дали основание ГПУ предать суду Верховного ревтрибунала партию эсеров в целом и ряд ее крупнейших деятелей, уже несколько лет сидевших в тюремных застенках ЧК — ГПУ.

Процесс над партией эсеров был первым крупным

* Bruce-Lockhart R. H. Memoires of a British Agent. London, 1932. P. 318—320.

* Зензинов В. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сборник документов. Париж, 1919. С. 152—153.

** Правда. 1922. 21 июля. № 161. С. 3. Показания Пелевина на процессе правых эсеров.

* Правда. 1922. 28 февраля. № 47. С. 1.

** Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Издание заграничной делегации П. С. Р. Берлин, 1922. С. 33.

политическим процессом, инсценированным с помощью доносов, клеветы и ложных показаний.

Мы коснемся его в той мере, в какой на процессе затрагивались покушение 30 августа 1918 года и имя Фанни Каплан.

Цена ложных показаний

Инспирированный ГПУ характер материалов Семенова и Коноплевой не подлежал сомнению.

И все же там, где Семенов упоминал Фанни Каплан, сваливая на нее свои и Коноплевой преступные действия, подсудимые как бы молчаливо соглашались с ним. Реальная угроза смертного приговора, висевшая над головами лидеров поверженной партии эсеров, заставляла их думать прежде всего о собственной участи и не искать противоречий в показаниях против давно казненной, а большинству просто незнакомой Фанни Каплан. Ее невиновность защищать было некому.

Доказать существование террористической организации во главе с Каплан, самостоятельно готовившей покушение на Ленина летом 1918 года, Семенову не удалось. Группа Пелевина—Рудзиевского, куда вступила Каплан, подготовкой к террористическим актам заниматься не могла, так как попросту не знала, как это делается. Неумный Семенов однажды выболтал: «Представление о терроре у них было совершенно дикое. Они, примерно, считали возможным отравить Ленина, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье, или подослать к нему врача, который привьет ему опасную болезнь»*.

Известно, что Ленин не завтракал в кругу эсеров-террористов и пользовался услугами проверенных и лично ему известных врачей.

Семенов утверждал, что он случайно узнал о существовании «группы Каплан» и принял лишь ее одну в свой отряд по рекомендации эсера Дашевского. На процессе Дашевский сидел на скамье раскаявшихся и радовал Крыленко откровенными показаниями, в которых концы не сходились с концами. Именно в лжесвидетельствах Дашевского вдруг начал выясняться поразительный факт о слабой причастности Фанни Каплан к партии эсеров. Руководители и работники партии: А. Гоц, Морозов, Е. Ратнер — Каплан не знали и с ней никогда не встречались. Пелевин, состоявший с ней в одной группе, считал Каплан эсеркой только потому, что сам был эсером.

В довершение выяснилось, что в эсеровском архиве вообще не было документов Каплан, не было даже ее фотокарточки. Эту карточку работавший тогда секретарем партии Морозов приобрел для партийного архива лишь весной 1919 года**.

Плод чекистского творчества

Знакомство Каплан с Семеновым и вхождение ее в боевой отряд прокурор Крыленко стремился отодвинуть на июль 1918 года. Так появлялась возможность охарактеризовать Каплан не как новичка, а как активного и надежного участника террористической организации.

Однако режиссура процесса была поставлена из рук вон плохо. В первоначальных показаниях Коноплева утверждала, что именно в августе отряд расширился вхождением в него Каплан и нескольких боевиков-рабочих. На суде она внезапно изменила свои показания и отнесла вступление Фанни в отряд на конец июля. Поймав Коноплеву на расхождении в показаниях, подсудимый Гендельман, адвокат по образованию, сделал вывод — вступление Каплан в отряд могло произойти не раньше 12 августа.

«Если из этого хотят сделать вывод, — выкручивался Крыленко, — что у Коноплевой скверная память, то это только факт, с которым приходится считаться. Если же из этого хотят сделать другой вывод, что вообще ничего не было, то для такого вывода нет никаких оснований»*.

Созданная Семеновым с помощью ЧК версия подготовки покушения и роли в нем Каплан сводилась к следующему. Для удобства слежки за Лениным город был разделен на четыре части, в каждой из которых по пятницам, когда происходили митинги, дежурил ответственный исполнитель. Исполнителями выбрали Каплан, Коноплеву, Усова и Козлова. На все митинги рассылались дежурные разведчики с задачей сообщать исполнителю о прибытии Ленина на митинг. Исполнитель должен был явиться на митинг и совершить покушение.

Идеологическим стержнем версии являлось противопоставление пролетарской морали, не позволившей рабочим-террористам поднять руку на Ленина, беспринципному мещански-интеллигентскому сознанию Каплан.

Задача заключалась в устранении со сцены рабочих-боевиков, у которых при встрече с Лениным немедленно пробуждалась совесть. Первым такому идеологическому искусу подвергся будто бы Усов. Он, по его словам, встретил Ленина на митинге в одну из пятниц, но выстрелить в него не смог.

«Вырвать Бога у полуторатысячной рабочей массы я не решился», — покаялся Усов, после чего он и был исключен из числа исполнителей**.

В груде ложных показаний проясняется весьма важный факт. Вступив в отряд на последних этапах подготовки покушения, незнакомая с методами террора Фанни Каплан использовалась только для организации слежки. Коноплева, например, брала ее с собой, чтобы обучить выбору места, удобного для нападения на автомобиль Троцкого.

Позднее роль Каплан заключалась в установлении места и времени выступления Ленина на митингах и осведомлении об этом исполнителей из отряда.

Поведение Фанни Каплан выстраивается теперь в логическую цепь последовательных действий. Митинг на заводе Михельсона начался поздно. «Приехала я на митинг часов в восемь», — сообщила Каплан на следствии. Ленин еще не приехал, и надо было выяснить, будет он выступать или нет. За этим занятием ее, по-видимому, и заметил до открытия митинга председатель завкома Иванов. (Он давал показания 2 сентября, в отсутствие Каплан, и назвал ее, по готовой версии, «той женщиной, которая потом стреляла в т. Ленина».)

Каплан стояла у стола, где продается литература, и рассматривала книги.

«Я лично не видел, чтобы она с кем-либо говорила или чтобы к ней кто-либо подходил», — заключает Иванов.

К Фанни Каплан действительно никто не подходил. Получив необходимые сведения, она сама ушла до начала митинга и передала сообщение о приезде Ленина на завод районному исполнителю, дежурившему в условленном месте на Серпуховской улице. Сама же осталась ждать результата покушения там, где ее потом и обнаружил комиссар Батулин.

Кто же стрелял в Ленина?

Если 30 августа 1918 года Фанни Каплан выполняла функцию дежурного разведчика и на месте покушения отсутствовала, кто же стрелял в Ленина?

Степан Гиль видел женскую руку с браунингом. Если исключить Каплан, то женщиной с браунингом могла быть, скорее всего, ЛИДИЯ КОНОПЛЕВА. Других женщин в числе исполнителей покушения в отряде Семенова не было.

Натура решительная и независимая, Лидия Коноплева обладала солидным опытом в делах конспирации и террора. Создав вместе с Семеновым боевой отряд, она первая по своей инициативе предложила весной 1918 года организовать покушение на Ленина. Коноплева взяла на себя роль исполнителя террористического акта и вместе с эсером-боевиком Ефимовым в марте 1918 года выехала в Москву. Других кандидатов на роль убийцы найти не могли. «Одни были забракованы как неподходящие, другие, как Семенов, отказались», — пишет Коноплева в своих показаниях.

Действительно, решимости этой женщины могли позавидовать видавшие виды мужчины — террористы из боевого отряда. Ефимов ехал в Москву только как помощник Коноплевой в деле слежки. Он же обучал Коноплеву стрелять, ибо она задумала произвести покушение с помощью револьвера (испанский браунинг). Заметим, что выстрелы 30 августа были произведены из оружия этой системы.

Убедившись в безрезультатности слежки, Коноплева ликвидировала все приготовления и выехала обратно в Петроград.

Летом 1918 года Лидия Коноплева готовила восстание на судах Балтийского флота, участвовала в нескольких вооруженных экспроприациях, занималась переброской на Волгу и в Архангельск тех, кто хотел драться против большевиков на фронте.

Когда после убийства Володарского часть группы Семенова выехала в Москву, Коноплева встала во главе боевых дружин и начала готовить покушение на председателя Петроградской ЧК Урицкого. Изобретательности ее не было предела. Для удобства слежки за Урицким она ходила в расположенную напротив квартиру зубного врача — лечить специально для этой цели сломанный зуб.

В конце июля 1918 года Коноплева перебирается в Москву и присоединяется к отряду Семенова. Вступившую в августе в отряд Фанни Каплан она взяла под свою опеку, жила с ней на одной квартире и обучала методам слежки.

В отряде не было единодушия в выборе объекта покушения. Многие считали необходимым в первую очередь совершить покушение на Троцкого, придавая этому акту большее значение (в военном отношении). Покушение на Ленина планировалось во вторую очередь и расценивалось, скорее, как акт политический.

На первом общем совещании отряда большинство стояло за покушение на Троцкого, в этом же смысле высказывалась и Фанни Каплан. Сама Коноплева по-прежнему стояла за покушение на Ленина.

Исступленный характер и неукротимый нрав Коноплевой пугали в свое время эсеровских руководителей. Недаром весной 1918 года Абрам Гоц при встрече с ней советовал: «Бросьте не только вашу работу, которую вы ведете, но бросьте всякую работу и поезжайте в семью отдохнуть»*.

Коноплевой было не до отдыха. Слежка за Троцким оказалась неудачной. Решили произвести покушение на того, кто первым будет встречен в благоприятной для акта обстановке. Происходившие по пятницам митинги предоставляли для этой цели удобную возможность.

Давая показания в 1922 году как сотрудник ГПУ и член РКП, Коноплева откровенничала без меры, рассчитывая на полную безнаказанность. И только день 30 августа зиял подозрительным провалом в ее довольно связных и подробных показаниях. Глухо упоминает она, что дежурила в этот день где-то в районе Александровского (ныне Белорусского) вокзала, как можно дальше от места покушения. Свидетельских показаний, подтверждающих ее пребывание именно в этом районе Москвы, мы не имеем.

После событий 30 августа память Коноплевой немедленно восстанавливается. Как будто окрыленная успехом, она две ночи подряд дежурит с неизменным браунингом на Казанском и Нижегородском вокзалах Москвы в надежде совершить покушение на Троцкого. На этот раз память ей не изменяет. Изменяет удача. Поезд Троцкого отправляется на фронт с другого вокзала.

Сопоставление биографий и террористического опыта Лидии Коноплевой и Фанни Каплан показывает, как безбожно врал Семенов, уверяя, что лучшим исполнителем он считал Каплан. Ту Каплан, у которой, по его же словам, было совершенно дикое представление о терроре!

Несомненным является факт, что в Ленина стреляла

* ГА РФ. Ф. 1005. Оп. 1а. Д. 346.

** Правда. 1922. 22 июля. № 162. С. 2.

* Крыленко Н. За пять лет. 1918—1922 гг. Обвинительные речи. М., 1923. С. 261—262.

** Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. М.—Л., 1927. С. 302.

* ГА РФ. Ф. 1005. Стенограмма 31 дня судебного процесса.

уверенная женская рука, привыкшая пользоваться револьвером. Известно, что профессиональный террорист склонен придерживаться определенного вида оружия, близкого ему по навыкам или сложившемуся представлению об эффективности. Бомбист предпочитает бомбу, умеющий стрелять — револьвер.

Коноплева еще в феврале 1918 года выбрала браунинг, вооружила этим оружием боевиков отряда (30 августа браунинг был также у Козлова) и обучилась стрельбе. Не знавшая этого Каплан всего за две недели до покушения продолжала обсуждать технику акта.

«Крыленко: Вы и Каплан считали членом ПСР?

Пелевин: Да! Каплан я считал эсеркой!.. Недели за две до покушения на Ленина она спрашивала, как лучше его убить: бомбой или револьвером. Я посоветовал револьвером. От бомбы пострадают невинные».

Вся террористическая деятельность Фанни Каплан началась и закончилась в 1906 году взрывом бомбы, причинившим вред лишь ей самой. Не имея другого опыта и не умея стрелять, Каплан продолжала считать бомбу лучшим средством совершения террористического акта.

Таким образом, не только логика поведения, но и способ покушения и определенный его стиль подтверждают версию об ответственности Коноплевой за выстрелы 30 августа.

Как же все-таки объяснить сделанное Фанни Каплан признание, что стреляла в Ленина она? Не забудем обстановку, в которой она впервые подтвердила свою мнимую вину. Толпа вырвала это признание у больной истеричной женщины, смотревшей в глаза смерти. Фанни подтвердила это утверждение на ночных допросах, находясь в состоянии огромного нервного возбуждения.

У нас нет оснований говорить о применении к ней в ЧК методов физического воздействия, кроме непрерывных ночных допросов. Впрочем, Петерс многозначительно замечает, что после ухода наркомюста Курского он, уже поздно ночью, начал допрашивать Каплан сам «и тут она стала давать кое-какие сведения о себе». У Каплан хватило сил вступить с Петерсом в долгий спор по поводу происшедшего. Затем наступила разрядка.

«В конце концов, — вспоминает Петерс, — она заплакала, и я до сих пор не могу понять, что означали эти слезы: или она действительно поняла, что совершила самое тяжелое преступление против революции, или это были утомленные нервы. Дальше Каплан ничего не говорила...»*

Она продолжала молчать до конца, находясь в состоянии полной прострации. Такой и видел ее Брюс Локкарт.

Не будем гадать, какие причины заставили Фанни Каплан взять на свои плечи ответственность за покушение на Ленина. В революционной среде подобные поступки не являлись редкостью. Душевное расстройство Каплан остается фактом, признаваемым как современниками, так и историками.

«Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа...»

О последних минутах жизни Ф. Каплан красноречиво рассказывают записки коменданта Кремля Павла Малькова, опубликованные в конце 50-х годов.

Мальков объявил, что он собственноручно расстрелял Каплан 3 сентября 1918 года в 4 часа дня. Настойчивое утверждение Малькова о расстреле Каплан 3 сентября призвано подчеркнуть внешне законный характер этой казни. Известно, что 2 сентября ВЦИК по докладу Я. Свердлова принял решение о массовом терроре, таким образом, казнь совершалась после решения, а не наоборот.

Малькову можно было бы не поверить, но его рассказ содержал потрясающие палаческие откровения, изъятые из всех последующих изданий книги. Это заставляет относиться к ним с печальным доверием.

Был изъят, например, деловой разговор Малькова с Варламом Аванесовым о том, где лучше убить Каплан. При этом у Аванесова, «всегда такого доброго, отзывчивого, не дрогнул на лице ни один мускул». Поразмыслив, они договорились совершить казнь в кремлевском тупике, во дворе автоброневого отряда, под звуки работающих автомобильных моторов.

Эта деталь весьма правдоподобна. Сидевший в «ленинские дни» на Лубянке очевидец передает: «Расстреливали тогда где-то здесь же, во дворе, заводя при этой операции автомобиль, чтобы прохожие не слышали выстрелов»*.

Возникшее было затруднение с захоронением трупа Каплан разрешил Я. Свердлов с чисто большевистской прямотой: «Хоронить Каплан не будем. Останки уничтожить без следа...»

Картина подготовки и проведения расстрела была впоследствии в корне изменена и большей частью опущена вообще.

Мальков загнал в тупик легковую машину, развернув ее радиатором к воротам. Затем вывел во двор Каплан и, не смущаясь присутствия случайного свидетеля — Демьяна Бедного, привлеченного шумом работающих моторов, приступил к исполнению обязанностей палача.

«— К машине! — подал я отрывистую команду, указывая на стоящий в тупике автомобиль.

Судорожно передернув плечами, Фанни Каплан сделала один шаг, другой...

Я поднял пистолет»**.

Мальков убивал по всем правилам лубянского искусства — в затылок.

В своих записках Мальков пытается оправдать тяжелую обязанность — расстрел человека, особенно женщины, — справедливостью приговора.

* Петерс. Воспоминания о работе в ВЧК//Былое № 11 (новая серия). Париж, 1933. С. 121—122.

* ЧЕ-КА. Материалы о деятельности Чрезвычайных комиссий. Изд. П. С. Р. Берлин, 1922. С. 72.

** Мальков П. Записки коменданта Московского Кремля. М., 1959. С. 160. Писатель Юрий Давыдов утверждает, что труп Каплан был облит бензином и сожжен в железной бочке в Александровском саду. — *Ред.*

Казнь бывшей революционерки, каторжанки противоречила русской либерально-демократической и революционной традиции. Но времена изменились. Напрасно взывала к совести Ленина сидевшая на этот раз уже в советской тюрьме Мария Спиридонова: «Как это было возможно для Вас, как не пришло Вам в голову, Владимир Ильич, с Вашей большой интеллигентностью и Вашей личной беспристрастностью дать помилование Доре Каплан? Каким неоценимым могло бы быть милосердие в это время безумия и бешенства, когда не слышно ничего, кроме скрежета зубов. И только страх и зло повсюду, не слышно, единственно, лишь речи или хотя бы звука любви»*.

События 30 августа 1918 года послужили началом и оправданием красного террора. В «ленинские дни» расстреливали в одиночку и по спискам, по приговорам и по подозрению, ожидавших суда и задержанных в случайных облавах.

5 сентября 1918 года в Москве, в Петровском парке, в присутствии публики расстреляли свыше 80 человек. Их казнили просто как буржуев и контрреволюционную интеллигенцию. Обезумевших людей штыками загоняли в круг и выкликали на смерть по списку, сопровождая каждого издевательскими возгласами.

Казни заложников прокатились по всей стране. Расстреливали в Москве и Петрограде, Архангельске и Вологде, Кимрах и Себеже, Пошехонье и Курске. Иногда расстреливали семьями, по 4—5 человек.

Невозможно перечислить все города и все казни. Полагают, что за 9 месяцев, с июня 1918-го по февраль 1919 года, чрезвычайные комиссии по приговорам, то есть не считая внесудебных расправ, расстреляли на территории 23 губерний России 5496 человек.

Основную массу казнили в августе—сентябре 1918 года.

* Steinberg I. Spiridonova. London, 1935. P. 236.

РАЗСТРѢЛ РОЙД-КАПЛАН.

Вчера по постановлению В. Ч. К. разстрѣляна стрѣлявшая в тов. Ленина правая эс-эрка Фанни Ройд (она же Каплан).

ВМЕСТО РЕДАКЦИОННОГО КОММЕНТАРИЯ

Постановление

О возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам

19 июня 1992 года г. Москва

Прокурор отдела по реабилитации жертв политических репрессий Генеральной прокуратуры Российской Федерации старший советник юстиции Ю. И. Седов, рассмотрев материалы уголовного дела № Н-200 по обвинению Ф. Е. Каплан,

установил:

По настоящему делу за покушение на террористический акт в отношении Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина) привлечена к ответственности и в последующем расстреляна Ф. Е. Каплан (Ройдман).

Из материалов дела усматривается, что следствие проведено поверхностно. Не были проведены судебно-медицинская и баллистическая экспертизы; не допрошены свидетели и потерпевшие; не произведены другие следственные действия, необходимые для полного, всестороннего и объективного рассмотрения обстоятельств совершенного преступления.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 384 и 386 УПК РСФСР, —

Постановил:

Возбудить производство по вновь открывшимся обстоятельствам, расследование которого поручить следственному управлению Министерства безопасности Российской Федерации.

Бывший красноармеец, первым оказавший В. И. Ленину медицинскую помощь 30 августа 1918 г., — Андрей Андреевич Сафронов.

СВЕТЛАНА БАРАНОВА

ГРЕЮЩИЕ КРАСОТОЙ

Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.
А. ПУШКИН. Евгений Онегин.

Древнее поселение Коломенское, впервые упомянутое в документах еще в 1339 году, знаменито не только уникальными памятниками архитектуры, известнейшим своим ансамблем с церковью Вознесения, без которой невозможно представить себе историю развития русской архитектуры. Гордость Коломенского — это и его музейные коллекции иконописи, резьбы и росписи по дереву, художественного металла, старопечатных книг, гравюр, тканей и изразцов, о которых и пойдет речь.

История создания этой разнообразной (10000 единиц хранения) коллекции связана с трагическими эпизодами сноса московских памятников архитектуры, в основном церквей, в тридцатые годы. Вряд ли уместно профессиональное выражение: «комплектование фондов». Изразцы спасали, принося или привозя на подводах, — сколотые, второпях сбитые. Часто некогда было составить документы по форме. Да и у кого можно было принять изразцы от колокольни церкви Николы Явленного на Арбате, исчезнувшей в самом начале 30-х годов? Фотография 1931 года — рухнувший шатер колокольни XVII века, груды кирпича и мусора. Вот и хранится в архиве музея лист неровно оторванной бумаги с записью: «ц. Николы Явл. на Арбате». Так попали в коллекцию уникальные изразцы.

В последнее время коллекция пополняется более «цивилизованно»: закупки, получение в дар (правда, все реже). Однако стоит ли говорить, что изразцы, лежащие на полках хранилищ и даже выставленные в залах музея, остаются своеобразным «кладбищем» — памятью о многочисленных снесенных памятниках...

Вряд ли задумываются над этим и посетители музея, видя яркую, праздничную выставку и зачастую не подозревая о том трагическом оттенке, который несут изразцы, вырванные из органичной для них среды — кирпичной кладки печей и архитектурных сооружений.

Камин «Встреча Вольги и Микулы Селяниновича» работы М. Врубеля. Конец XIX в.

Возможно ли вернуть изразец на его «законное» место? Навсегда утрачены церкви и колокольни, но у печного изразца жизнь продолжается. В одном из залов хранилища создано открытое хранение фонда изразцов, где реставрируются, собираются печи и камины, представляющие историю печного искусства — ведь все-таки плясали-то «от печки»... Знакомство с коллекцией изразцов Коломенского музея оставляет хоть и мощное, яркое, но довольно пестрое впечатление. Зачастую это мешает понять камерную, интимную природу изразца, а их, поверьте, нужно смотреть не торопясь, вглядываясь в это маленькое окошко в мир, где царили разные вкусы, пристрастия и, что немаловажно, разные технологические возможности.

В этом и последующих номерах журнала мы предполагаем познакомить читателей с изразцовой коллекцией Коломенского и рассказать об истории, эстетике и технологии этого вида искусства.

Изразец (или «образец», как его иногда называли в давние времена) — нехитрое приспособление для облицовки печей и архитектурных сооружений, а именно керамическая плитка, которая крепится к кладке своей тыльной стороной — пустой коробкой, именуемой румпой. В румпе есть отверстия, через которые пропускаются железные гвозди и проволока, скрепляющие изразцы между собой. Специальный состав, наносимый на румпу, затвердевая, надежно сковывал облицовку. Часто в румпу закладывались камни, дольше сохранявшие тепло. С помощью таких «термосов» берегла тепло и печь.

Истоки изразцового искусства уходят в домонгольскую Русь. Керамические плитки разных цветов использовались в облицовке древних построек Киева, Владимира, Боголюбова. В московских землях печные изразцы появляются в конце XVI—начале XVII века. Как изготовлялся изразец? Рассказ об этом невозможен без нескольких рецептов сложной технологической «кухни».

Первые терракотовые рельефные изразцы изготовлялись с помощью резных деревянных форм. Форму помещали на гончарный круг, набивали глиной, а затем, вращая, наращивали на нее румпу. После затвердевания глины форму с изразца снимали, а он сушился и обжигался.

Был у этого процесса изготовления существенный недостаток. Пористая стенка пропускала угар, изразцы покрывались копотью, поэтому их приходилось постоянно забеливать, в результате стирался рельеф.

В 30-х годах XVII века в Москве начинается массовое производство новых изразцов. Во многом они напоминали своих предшественников, особенно на первых порах, да и делались так же. Новшество заключалось в том, что лицевая пластина изразца покрывалась глазурью зеленого цвета, секреты приготовления которой были известны с домонгольских времен. Глазурь не только создавала защитный слой, но и украшала поверхность, делая ее как бы остеклованной. Такие изразцы назывались «муравленые».

Позднее, во второй половине XVII века, появилось еще одно технологическое новшество, определившее расцвет изразцового искусства в это время. Изразцы стали многоцветными. Секреты многоцветия, принесенные белорусскими мастерами, были освоены достаточно быстро. Непрозрачные оловянные эмали белого, бирюзово-зеленого, желтого и синего цвета, а также коричневая прозрачная

Изразцы терракотовые красные. Конец XVI — начало XVII века
Один из видов румпы изразца.

глазурь создавали на изразцах глухие тона.

Справка для самых дотошных читателей. Прозрачная глазурь делалась на основе свинцового сурика и окиси железа, которые смешивались с флюсом — легкоплавким измельченным стеклом. Чтобы получить глухие эмали, в свинцовые глазури вводили олово, а для придания того или иного цвета добавляли окислы и соли металлов. Так, окись кобальта превращала белую эмаль в синюю, окись меди создавала зеленые и бирюзовые цвета, окись сурьмы — желтые и оранжевые и т. д. Очевидно, что все это требовало соответствующего мастерства — подобрать состав краски, создать те или иные оттенки. Кроме того, от состава краски зависела и прочность изразца. В любом рецепте точку ставил огонь, и только после обжига можно было судить о качестве изразца.

В петровские времена государственные реформы коснулись и такой, казалось бы, мелочи, как изразцы. По личному указу царя велено было делать их гладкими, на манер голландских. Рисунок наносился на белую эмаль, покрывавшую лицевую плитку. На первых порах излюбленной была роспись синей краской по белому фону, но вскоре появилось многоцветие.

Кто они, эти изразцовые мастера, жившие в разных городах: Ярославле и Угличе, Балахне и Калуге, Вологде и Устюге и, конечно же, Москве — крупнейшем производителе и поставщике изразцов?

В районе нынешней Котельнической набережной, что за Яузой, процветала известная с XVI века Гончарная слобода. В XVII столетии практически все заказы на изготовление изразцов и на установку печей выполнялись ее мастерами, что и зафиксировали расходные записи. Одна из самых ранних записей сообщает, что в 1624 году мастер Мартынко Васильев делает в царицынских хоромах изразцовые печи.

В 60-х годах XVII века Гончарная слобода пополнилась первоклассными мастерами, выходцами из Белоруссии, работавшими в Новом Иерусалиме у патриарха Никона до его низложения в 1666 году, а после переведенными в Москву.

Недостатка в заказах не было. Изразцовые печи в хоромах и приказах, изразцовые украшения для фасадов церквей. Большинство изделий так и остались анонимными, но иногда документы сохраняют не только имена мастеров, но и упоминания о крупных заказах.

Андреев Петрушка, ценинник Гончарной слободы, в 1683 году делал ценинные изразцы для летописной надписи церкви Покрова на Рву — «за те ему образцы за 311 образцов 12 руб. 14 алт. 4 ден».

Логовиков Савелий, уроженец Копыси, взят в Москву в Гончарную слободу «на житие с ево братьею с мещаны». В 1673 году подрядился делать печь ценинную на дворе у гетманских детей — в хоромах... «...А к тому печному делу образцы, кирпич и глина и связи все наше, подрятчиков», за дело и товар уплачено 10 рублей.

Были и необычные заказы. Так, Юрка Константинов в 1676 году вместе с печником Степаном Юрьевым делали для постановки комедий на Потешном дворе в селе Преображенском «образцы глиняные, на что клеены Голиаду да Бахусу и иным 5 голов больших, дано поденного корму на 4 дни по 8 ден. человеку на день».

Печи были недешевы. «Только знатные и богатые, те кладут у себя в домах печи изразцовые», — заметил в XVII столетии путешественник из Швеции Петр Петрей. И даже в царских дворцах не все печи были изразцовыми. Пройдет столетие, прежде чем печи изразцовые начнут появляться в домах состоятельных горожан.

О многом еще может рассказать изразцовая летопись. И о пристрастии к изразцам патриарха Никона и Петра I, и о мастере, что удостоился чести быть в храме похороненным, и о печках, что не только теплом, но и красотой грели, и о церквях и колокольнях, на которых изразцы сияли, и просто о том, какой образ на изразце-образце встречается. Рассказ об этом — еще впереди.

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЕВ,
доктор исторических наук

МУНДИРЫ САНОВНИКОВ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Когда мятежные народы,
Наскуча властью роковой,
С кинжалом злобы и мольбой
Искали бедственной свободы, —
Им царь сказал: «Мои сыны,
Законы будут Вам даны,
Я возвращу Вам дни златые
Благословенной старины...»
И обновленная Россия
Надела с выпушкой штаны.

А. А. ШИШКОВ. 1820 г.

Желали прав они, — права им и даны:
Из узких сделаны широкие штаны.

Неизвестный автор. 1820 г.

Это лишь две из многих эпиграмм, ходивших по России в XIX веке. Действительно, каждое царствование начиналось с обещания реформ либерального толка, заканчивалось же или ограничивалось чаще всего реформированием форменной одежды военных и гражданских чиновников. И первая треть XIX века в этом отношении особенно характерна.

Уже 5 июня 1801 года, через три месяца после воцарения, Александр I заявил о намерении *«навеки неколебимо»* утвердить права и преимущества Сената — в то время высшего правительственного учреждения в стране. Замысел этот не был реализован, и все ограничилось установлением особых мундиров для сенаторов. В тексте закона от 9 декабря того же года говорилось: *«Мундиру быть красному суконному с золотым шитьем; воротник стоячий и обшлага темно-зеленые бархатные с золотым же шитьем»* оригинального узора. Здесь было первое в новом царствовании определенное указание на изменение формы мундирного воротника (стоячий). Шитье же на самом деле полагалось также на карманных клапанах, под ними и по краям заднего разреза. Об этом мы можем судить по рисункам, прилагавшимся к тексту закона.

Мундиры красного цвета стали исключительной привилегией сенаторов. Ношение их в заседаниях Сената превратилось в «историческую традицию». Если сенаторы имели военные чины, закон предусматривал сохранение за ними военных мундиров.

Помимо парадного мундира устанавливался еще и вседневный — вицмундир. Сначала он отличался лишь упрощенным шитьем по воротнику и обшлагам. Но через несколько лет получает еще и темно-зеленый цвет.

Оба варианта мундира имели золоченые пуговицы *«с изображением всероссийской империи герба, окруженного цепью ордена святого апостола Андрея Первозванного»*. Но вскоре изображение это было заменено на колонку со словом «Закон» на ней, увенчанную императорской короной. Ранее такая колонка была отчеканена на обороте медалей, *«по случаю высочайшей коронации розданных»*.

22 февраля 1804 года мундиры устанавливаются и для чиновников сенатских канцелярий, в том числе и для руководивших ими обер-прокуроров: темно-зеленые с красными суконными воротниками и обшлагами и красной выпушкой *«по борту и около карманных клапанов»*. На воротниках и обшлагах мундиров старших служащих полагалось сенаторское парадное шитье, средних — шитье сенаторских вицмундиров, младших — это же шитье, только на воротнике; у низших чиновников шитье и вовсе отсутствовало. В 1834 году мундиры сенатских чиновников получили общую 10-разрядную систему шитья того же узора, который был установлен для парадных мундиров сенаторов. О шляпах для сенаторов и чиновников сенатских канцелярий в законах 1802 и 1804 годов не говорилось.

Престиж сенаторского мундира оказался очень высок. Сразу же появился ряд портретов сенаторов в праздничных и вседневных мундирах. В 1811 году узор сенаторского шитья был использован в мундирах губернской администрации. А в 1816-м тот же узор (серебряный) присваивается мундирам чиновников Синода.

В 1856 году сенаторы, как и прочие гражданские чины, взамен мундира «французского» покроя получили красные полукафтаны с прежним шитьем, которые «дожили» до 1917 года.

В 1904 году парадные полукафтаны чиновников сенатских канцелярий ниже VI класса были заменены двубортными сюртуками из темно-зеленого сукна с открытым воротом и отложным бархатным воротником того же цвета — как и у чиновников Министерства юстиции. Для обозначения ранга чинов на концах воротника помещались темно-зеленые петлицы с золотыми просветами, серебряными звездочками и знаком ведомства.

Еще 30 марта 1801 года был образован Непременный совет при императоре, с 1 января 1810 года реорганизованный в Государственный совет — высшее законосовещательное учреждение в стране.

8 сентября 1802 года создаются министерства и высший административный орган — Комитет министров.

Государственному совету подчинялась Комиссия составления законов, членам которой еще 12 июля 1904 года были даны особые мундиры. Рисунки их, к сожалению, не сохранились. В описании говорилось только, что мундир был темно-зеленого сукна *«с красной выпушкой»*, имел *«воротник и обшлага бархатные черные с золотым шитьем масличных и дубовых листьев»*. Возможно, что существование мундиров Комиссии подсказало идею введения форменной «одежды» и для членов Государственного совета. Небезызвестный А. Н. Оленин, бывший в это время тайным советником в канцелярии Совета (Государственной канцелярии), представил в 1810 году записку. В ней он писал, что существующие для гражданских чиновников губернские мундиры, *«более или менее близкие мундиру военному как покроем, так и разными принадлежностями»*, для чинов высших органов власти *«неприличны»*, *«противны доброму вкусу, ибо все то, что примышлено в мундирах военных для обтяжки и стройности молодых... чиновников во фрунте или на лошади, не может... пристать члену Совета или сенатору, обыкновенно старому, часто больному и дряхлому»*. Предлагалось ввести *«одежду»*, которая *«если не приближалась[бы] к одежде древних, то, по крайней мере, издали ее напоминала простотою и широтою покроя»*. Обращалось внимание на то, *«чтобы цвета ее согласно были подобраны»* и чтобы *«она была богато и отлично от всех прочих одежд вышита»*. К записке прилагался *«Проект одежды для Государственного совета»* («вседневной» и «большой» — парадной). Главным элементом парадного варианта был *«кафтан зеленый прямополый... с лежачим воротником черного бархата»* и такими же обшлагами. *«По кафтану»* и белому камзолу предполагалось *«старое генеральское шитье»* в виде гирлянд из дубовых листьев. Мундир дополнялся шляпой с золотым шитьем и кистями и с *«белым страусовым пером»*, а также *«шпагой наподобие древнего меча»*. Государственный секретарь (глава Государственной канцелярии) имел такой же кафтан, но с шитьем только в один ряд. Для чиновников Канцелярии намечалась более скромная одежда.

В том же архивном деле сохранился и другой проект мундиров для членов Совета и чиновников Канцелярии, ориентированный на современный фасон кафтанов. Парадный мундир для первых предполагался бархатный темно-зеленый со стоячим воротником и обшлагами, с золотым шитьем *«против образца на воротнике, обшлагах, карманах, по борту и сзади на разрезе»*. Золотое шитье намечалось и на белом камзоле. Шляпа предусматривалась *«с плюмажем ... золотой петлицей и черным бантом»*. У государственного секретаря золотое шитье должно было быть *«по особливому образцу для различия»*.

Подготовили четыре «раскрашенных рисунка» парадных и вицмундиров, а также 9 натурных образцов золотого шитья к ним. Они хранились в особом портфеле и до нас не дошли. Лишь рисунок парадного мундира государственного секретаря в 1902 году опубликовали в юбилейном издании по истории Государственной канцелярии.

В 1810 году идея установления мундиров для Государственного совета и его канцелярии не была реализована, к ней вернулись лишь через 15 лет.

Одной из первых акций Николая I после воцарения стала реорганизация существовавшей еще с 1812 года Собственной его императорского величества канцелярии. Она была разбита на отделения. Первое отделение ведало вопросами гражданской службы, и в частности установлением гражданских мундиров. Второе отделение занялось кодификацией российского законодательства (ранее выполнялась Комиссией составления законов). Третье — осуществляло политический надзор в империи. На четвертое возложили дела благотворительного ведомства императрицы Марии.

Уже 14 января 1826 года для чиновников Канцелярии устанавливаются специальные мундиры: темно-зеленые, обычного покроя, со светло-синими суконными воротниками и обшлагами (такого же цвета были мундиры и у жандармов, подведомственных Третьему отделению).

Узор золотого («матового») шитья на воротнике, обшлагах и карманных клапанах (в гражданских ведомствах они всегда были под цвет мундира) представлял дубовую ветвь с чередующимися на ней листьями и желудями. Характерный элемент шитья — зубчатый бордюр по краям. Узор шитья Собственной канцелярии затем целиком повторился в мундирном шитье Государственной канцелярии и Канцелярии Комитета министров. Зубчатый же бордюр используется как элемент шитья и на мундирах членов Государственного совета. В качестве вицмундира для чиновников Собственной канцелярии вводится фрак со светло-синим бархатным воротником и мундирными пуговицами.

Очевидно, что именно установление мундиров для Собственной канцелярии послужило стимулом к введению их для чиновников Канцелярии Комитета министров (10 февраля 1826 г.). Мундиры Канцелярии отличались только тем, что их воротники и обшлага были темно-зеленого сукна. Узор же шитья назначался *«тот самый»*, что и *«для мундиров Собственной... канцелярии»*. Таким же был и максимальный объем шитья: на воротнике, обшлагах и карманных клапанах (у управляющего Канцелярией).

Для членов собственно Комитета министров мундир не предусматривался — они уже имели мундиры своих ведомств. Председатель же Комитета — он же председатель Государственного совета (считалось, что этим обеспечивалась координация деятельности названных органов) — формально оставался без особого мундира до 4 марта 1865 года, когда произошло разделение этих должностей. Устанавливалось, что мундир председателя Комитета министров должен быть *«тех цветов, кои положены для чинов Канцелярии»*. Об узоре шитья в законе не говорилось, но, конечно, имелось в виду шитье Канцелярии Комитета министров. Объем же шитья на мундире председателя Комитета был максимальным для того времени, таким же, как у председателя Государственного совета.

Мундиры председателя и членов Государственного совета появились в том же 1826 году. Известны некоторые любопытные подробности этого. Как рассказывается в юбилейной истории Государственной канцелярии, 28 апреля председатель Государственного совета и Комитета министров светлейший князь П. В. Лопухин обратился к теперь уже управляющему Государственной канцелярией А. Н. Оленину с письмом. Будучи несколько лет *«обременен... тяжкой болезнью, препятствовавшей изустным объяснениям, притом не имевший по делам Государственного совета свободного доступа к государю императору»*, он просил Оленина доложить Николаю II, что *«ныне... не имеет» «никакого» мундира*, *«кроме губернского»*, в котором он мог бы участвовать в предстоящих коронационных торжествах. Пересказывая императору просьбу Лопухина, Оленин спрашивал: *«Не благоугодно ли будет Вашему величеству назначить собственно для князя Лопухина или для всего Государственного совета какой-либо мундир?»* Оленин пунктуально исполнил это поручение, и уже 29 апреля на его докладе появилась резолюция Николая с описанием мундира и вицмундира для председателя и членов Совета. Шитье назначалось *«по воротнику, обшлагам и карманным клапанам, а председателю и по швам»*. Шитье по основным швам мундира до того (с 1809 г.) существовало лишь на парадных мундирах канцлера иностранных дел и высших придворных чинов. Но там это высшее отличие дополняло шитье по бортам и полам. В резолюции же о шитье по бортам и полам не упоминалось. Оленин исправил этот промах, подготовив *«подробное описание»* мундиров для членов Государственного совета, в котором было реализовано то, на что якобы Николай *«изволил намекнуть»*. В резолюции императора об узоре шитья не говорилось, кроме того, что «верхний кант» шитья Собственной канцелярии с «зубчиками» должен присутствовать и здесь.

Указ о введении мундиров для членов Государственного совета был подписан 7 мая. Кафтан назначался *«однобортный, суконный темно-зеленый, обыкновенного покроя статских мундиров»*, со стоячим воротником и обшлагами *«алого сукна»* и золотым шитьем. Его узор не пояснялся, но были подготовлены «раскращенные рисунки» мундиров председателя Совета и его членов I, II и III классов, а также шитья («в настоящую величину») на воротнике, обшлагах, на карманах и под ними, по борту и швам. К сожалению, все они не сохранились. Мы можем судить об узоре шитья по его изображениям на 1834 год, когда в связи с общей реформой гражданских мундиров были созданы новые рисунки шитья (обычно без изменения прежних узоров).

Шитье на мундирах Государственного совета представляло собою ветвь с чередующимися сдвоенными дубовыми и несколькими масличными листьями, обрамленную зубчатым кантом (бордюром). В 1826 году по объему шитья мундиры эти *«разделялись по классам»*, как это было принято для мундиров *«первых и вторых чинов двора»*. В итоге мундир председателя Совета получил шитье *«на воротнике, обшлагах, карманах, клапанах и над клапанами, на полах в один ряд, а по бортам в три ряда и по всем швам... Пуговицы золоченые с российским гербом: по борту 9, на обшлагах по 3, под карманными клапанами 3 и на фалдах по 2»*. Для членов Совета I класса исключалось шитье по швам. Для членов II класса бортовое шитье сокращалось до двух рядов, а у членов III класса шло в один ряд.

О мундирах для чиновников Государственной канцелярии (и для самого Оленина) как-то забыли. Официально их ввели уже после коронации, на основании распоряжения императора от 7 ноября 1826 года, которое не было опубликовано. Мундир государственного секретаря имел шитье (узора Собственной канцелярии) в том же объеме, что и мундиры членов Совета III класса. Подчиненные ему чиновники Государственной канцелярии носили мундиры с меньшим объемом шитья.

Законом 27 февраля 1834 года для всех гражданских чиновников вводилось единое 10-разрядное разделение мундиров по объему шитья в зависимости от ранга должности. В соответствии с этим шитье на мундирах председателя и членов Государственного совета дополняется еще одним элементом — шитьем вокруг воротника на спине. Вместе с тем для всех членов Совета вне зависимости от чина бортовое шитье устанавливалось в две полосы (таким же оно было отныне у всех министров). Мундир государственного секретаря и аналогичный мундир управляющего делами (канцелярией) Комитета министров (оба III разряда, то есть с одной полосой шитья по бортам) не претерпели изменений. Начальники отделений Собственной его величества канцелярии также получили полосу шитья по бортам мундира.

В 1856 году членам Государственного совета, как и всем прочим гражданским чиновникам, вместо мундиров «французского» образца присваиваются полукафтаны (без выреза юбки спереди) с сохранением системы (градации) шитья на них.

Несмотря на определенность закона и наличие нормативных рисунков, отклонения в оформлении мундиров все же случались. В 1838 году Николай сетовал на то, что *«шитье на мундире Собственной... канцелярии совершенно изменяется тем, что у иных оно не матовое, а с блесками»*, что *«многие особы 3-го разряда распространяют шитье против того, что указано»* (делают бортовое шитье чрезмерно широким). *«Начальству»* предписывалось *«наблюдать, дабы каждый имел мундир и шитье того разряда, к которому принадлежит... На сей конец — каждое ведомство должно иметь рисунки»*. А портные и золотошвеи в обеих столицах обязывались *«не принимать заказов»* на шитье мундиров

«без предъявления со стороны заказывающего рисунка». И тем не менее отступления от правил продолжались.

По свидетельству А. Н. Оленина, председатель Государственного совета П. В. Лопухин *«не решился... подписать»* проект указа о введении в 1826 году мундира для занимаемой им должности *«по причине богатого шитья»* на нем. Вряд ли он когда-нибудь его имел в действительности (был болен и в следующем году скончался). Во всяком случае, портрет Лопухина в таком мундире до нас не дошел, тогда как портреты его преемников на посту председателя Совета известны (В. П. Кочубей и Н. Н. Новосильцев). Но есть другой портрет Лопухина работы замечательного русского портретиста С. С. Щукина, на котором он изображен в неизвестном гражданском мундире. Портрет традиционно датируется 1801 годом. Правильность этой даты вызывает сомнения. Прежде всего, на хорошо известном портрете Лопухина, написанном В. Л. Боровиковским в 1800 году, портретированный выглядит много моложе, чем якобы годом позже на портрете С. С. Щукина (на щукинском портрете Лопухин сед). Между бортами кафтана внизу видна наплечная лента ордена святого Владимира, которую он получил лишь в 1806 году. Точнее определить дату портрета можно, атрибутировав мундир, в котором изображен Лопухин.

А для этого необходимо: во-первых, выяснить служебную биографию Лопухина, чтобы определить, на мундир каких учреждений он имел право, и, во-вторых, сопоставить изображенный на портрете мундир со всеми известными нам на начало XIX века.

Петр Васильевич Лопухин родился в 1753 году и 6-ти лет от роду зачислен в Преображенский полк. В 1769 году он уже прапорщиком начинает действительную службу в полку. К 1781 году он генерал-майор и московский гражданский губернатор; к 1796-му — генерал-поручик. С началом павловского царствования его карьера приобретает сказочный характер, причиной чему послужил роман его дочери с новым императором. Лопухина переводят в гражданскую службу (с чином тайного советника), жалуют орденом Александра Невского и вводят в состав Совета. В 1798 году он назначается генерал-прокурором Сената, членом императорского совета, производится в действительные тайные советники и награждается орденами Андрея Первозванного, Анны и Иоанна Иерусалимского с алмазами. В 1799 году Лопухин был пожалован нагрудным портретом императора, бриллиантами к ордену Андрея Первозванного, титулом светлости и громадным имением в Киевской губернии. К этому времени у него были все награды, существовавшие в России.

В июле 1799 года, решив, что фортуне нельзя доверять, Лопухин испросил себе *«увольнение от всех дел»*. Тогда-то он и заказывает В. Л. Боровиковскому парадный портрет, на котором (1800) изображен в мундире Мальтийского ордена при всех наградах. Возможно, портрет был приурочен к юбилею — 30-летию службы Лопухина в офицерских чинах.

После воцарения Александра I Лопухин назначается министром юстиции (1803—1809). Вместе с тем с 1804 года ему поручено курировать упоминавшуюся уже нами Комиссию составления законов. Как уже отмечалось, в 1806 году он награждается орденом святого Владимира 1-й степени. С 1810 года ему поручается председательствовать в одном из департаментов Государственного совета, а с 1812-го — во всех четырех его департаментах. Ему также продолжает подчиняться Комиссия составления законов. В августе 1814 года Лопухин получает высший гражданский чин действительного тайного советника I класса, а через два года становится председателем Государственного совета и занимает его до кончины в 1827 году. Председатель Совета являлся, как мы уже указывали, и председателем Комитета министров. В действительности в александровское царствование обе эти должности не были влиятельны, поскольку личные доклады императору по делам и Комитета, и Совета осуществлялись особо доверенным человеком Александра I — графом А. А. Аракчеевым. Упомянем, наконец, что в последние дни жизни Лопухин назначается еще и председателем Верховной следственной комиссии по делу декабристов.

Д. Н. Бантыш-Каменский в своем Словаре достопамятных людей русской земли (1847) характеризует Лопухина как *«искусного министра и ловкого царедворца»*, имевшего *«пылкий нрав»* и привлекательную внешность.

Сопоставление мундира Лопухина с другими, известными иам на начало XIX века, затрудняется из-за его малого размера (16,5х13 см), из-за того, что он погрудный (не видны обшлага кафтана), и потому, что он написан в темных тонах. К счастью, известны, по крайней мере, три копии этого портрета, на которых детали мундира видны лучше. В Государственном Историческом музее копия в размере оригинала имеет менее темный тон. Копия в Павловском дворце-музее выполнена в большом формате, и шитье воротника выписано яснее. Наконец, в юбилейной истории Государственного совета воспроизведено однотонное изображение поколенного портрета Лопухина, с четко выписанным воротником и обшлагами. Где находится оригинал — неизвестно, но при его подготовке явно был использован тот же щукинский портрет.

Характерными и ясно видимыми признаками мундира Лопухина являются темный воротник (черный или темно-зеленый), красная выпушка (кант) на нем и густое золотое шитье (узор которого трудно различим). Этим признакам соответствуют мундиры только двух учреждений: Комиссии составления законов и Канцелярии Комитета министров. Мундир Комиссии был установлен 12 июля 1804 года по представлению самого Лопухина в качестве министра юстиции. В законе говорилось, что воротник должен был быть из черного бархата *«с красной выпушкой»* и *«с золотым шитьем масличных и дубовых листьев»*. Рисунков к закону не прилагалось. В сохранившемся в библиотеке Государственного Эрмитажа альбоме *«Собрание гербов

всех губерний Российской империи, губернских мундиров и [мундиров] прочих присутственных мест, ныне существующих. 1805-го года»* рисунок мундира Комиссии воспроизводится, но шитье на нем (в виде золотой гирлянды из крупных и мелких листьев) расположено не по всему полю воротника, как на портрете, а лишь по передней и верхней части воротника. Детали его неразличимы ввиду небольшого формата альбома. О мундире Канцелярии Комитета министров мы уже говорили. Шитье на нем с самого начала включало зубчатый бордюр, которого на воротнике мундира Лопухина нет.

В итоге можно заключить, что из известных гражданских мундиров сходен с мундиром Лопухина лишь мундир Комиссии составления законов.

В начале XIX века существовала практика, когда глава ведомства мог носить мундир подчиненных учреждений, если не имел другого. Например, на одном из портретов министр народного просвещения граф П. В. Завадовский изображен в мундире Петербургского учебного округа (установлен в январе 1809 года, когда мундира министерства еще не существовало). Поэтому и как министр юстиции, и как председатель Государственного совета Лопухин действительно имел возможность носить мундир Комиссии составления законов.

К счастью, окончательно проблему решает случай: в уже упоминавшемся нами письме А. Н. Оленину Лопухин объясняет, что он остался без мундира вследствие ликвидации в начале 1826 года Комиссии составления законов, когда *«уничтожился и тот мундир, который был ей присвоен»*. Важно, что письмо было написано уже после появления мундира Канцелярии Комитета министров. Это подтверждает, что Лопухин не воспользовался мундиром для старших чинов подчиненной ему Канцелярии Комитета министров.

Итак, для нас существенно, что на портрете С. С. Щукина мы видим изображение мундира Комиссии составления законов, время существования которого точно известно: 1804—1825 годы. Когда в 1810

Светлейший князь П. В. Лопухин. Худ. С. С. Щукин.

году были установлены мундиры для чиновников Министерства юстиции, в законе говорилось, что их покрой должен быть *«подобен мундиру Комиссии законов»*. Суконный воротник полагался темно-зеленым. Узор шитья не разъяснялся. Но на его сохранившихся нормативных рисунках мы видим те же составляющие, что и у Комиссии законов: оливковые и сдвоенные дубовые листья на одной ветви. В отличие от шитья на мундирах Государственного совета, здесь оливковые (масличные) листья отходили не прямо от дубовой ветви, а в виде маленьких веточек.

К какому же времени относится щукинский портрет? Ясно, что он не мог появиться до 1806 года, до награждения Лопухина орденом Владимира 1-й степени. Очевиден большой временной разрыв между этим портретом и предыдущим (1800), на котором он был изображен 47 лет от роду. Весьма вероятно, что для написания портрета был повод. В 1819 году исполнялось 50 лет службы Лопухина в офицерских чинах, в 1823 году он отметил свое 70-летие, на 1824 год приходилось десятилетие его пребывания в чине I класса. И конечно, портрет должен был остаться как память пребывания Лопухина на высшем гражданском посту империи. Начало 1820-х годов — наиболее вероятная дата написания портрета.

Светлейший князь П. В. Лопухин. Варьированная копия с портрета С. С. Щукина.

Светлейший князь П. В. Лопухин — портрет из юбилейного издания по случаю 100-летия Государственного совета.

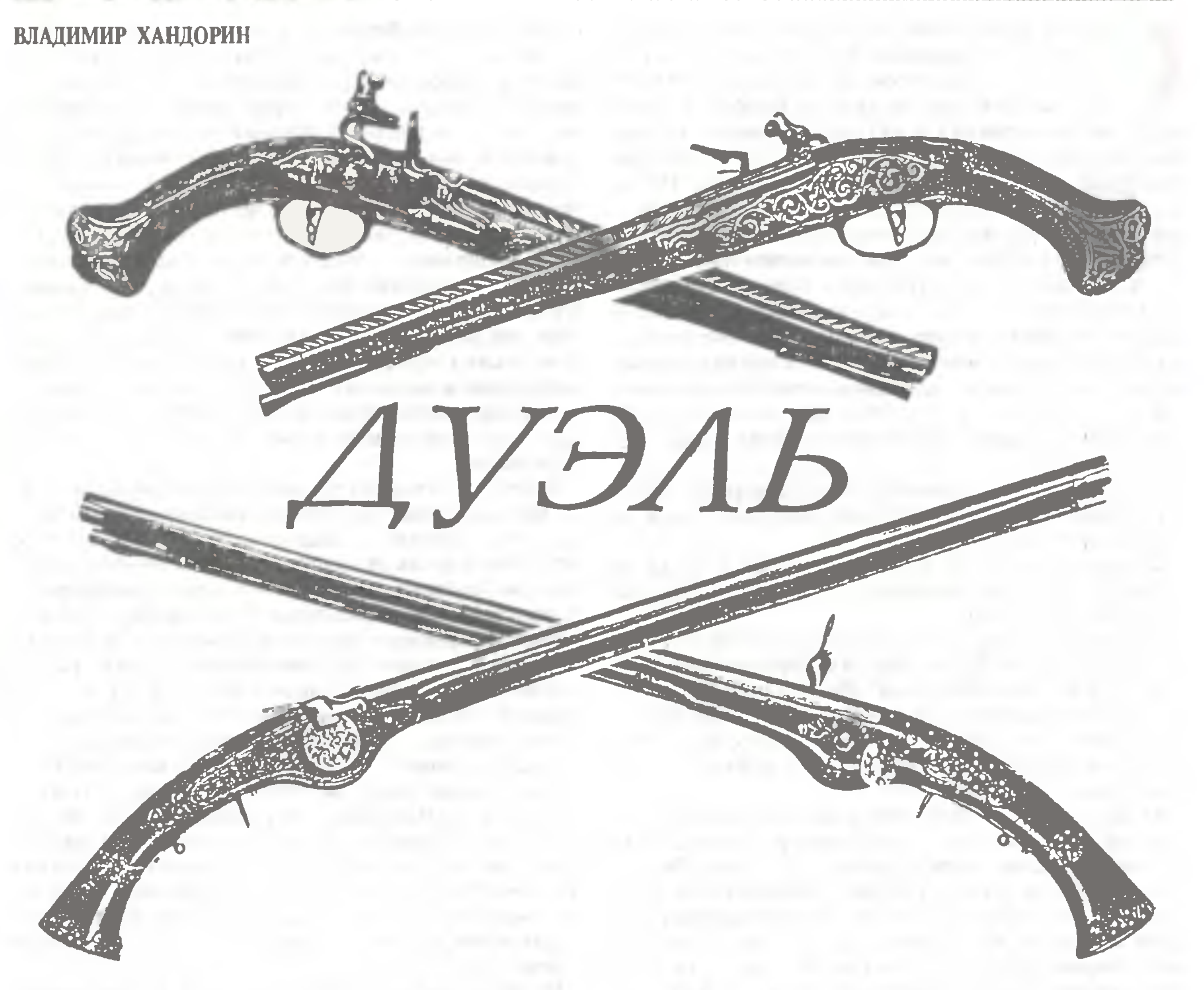

Парадный мундир сенаторов. 1834 г. Воротник и обшлага этого мундира.

Мундир председателя Государственного совета. 1834 г.

Парадный и вицмундир членов Государственного совета (парадная, праздничная и обыкновенная формы). 1856 г.

Вицмундир сенаторов. 1834 г. Воротник и обшлага вицмундира.

ВЛАДИМИР ХАНДОРИН

ДУЭЛЬ

Много ли мы знаем о дуэлях, которые еще менее ста лет назад были столь распространенным явлением европейской общественной жизни? Казалось бы, много читали и слышали. Дуэль многократно встречается на страницах русской классической литературы. Дрались на дуэли Гринев и Швабрин, Онегин и Ленский, Печорин и Грушницкий, Базаров и Кирсанов, Пьер Безухов и Долохов, Лаевский и фон Корен, Ромашов и Николаев... Дрались и вызывали друг друга на поединок многие европейские знаменитости. Так, Грибоедов дрался с будущим декабристом Якубовичем, который прострелил ему ладонь. Пушкин участвовал в дуэлях неоднократно, прежде чем для него наступила трагическая развязка в поединке с Дантесом. Лермонтов до своей известной дуэли с Мартыновым, оборвавшей его короткую яркую жизнь, стрелялся с сыном французского посланника де Барантом (на этой дуэли, как и с Мартыновым, он выстрелил в воздух). Молодой Толстой вызывал на дуэль Тургенева (о чем не любил впоследствии вспоминать), Гервег — своего бывшего друга Герцена, любовником жены которого он был, Бакунин — Маркса (случай любопытный и малоизвестный, происшедший из-за пренебрежительного высказывания «основоположника научного коммунизма» в адрес русской армии; хотя Бакунин, как истый анархист, и был принципиальным противником всякой регулярной армии, он вступился за честь мундира, который когда-то в молодости носил артиллерийским прапорщиком, однако Маркс не принял вызова...). Любопытный случай описал на этот счет Пушкин в своих записках. Когда его друг Дельвиг вызвал письмом на дуэль Булгарина, тот отказался со словами: «Скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил». Как же возник, складывался и развивался обычай поединка, как менялось к нему отношение общества и государства, почему он так укоренился в высших классах русского и европейского общества?

Сразу оговоримся, о каких поединках пойдет речь. Еще в древние времена были известны судебные поединки, назначавшиеся для решения споров по имущественным и иным вопросам (в частности, в «Русской Правде»), цирковые бои гладиаторов в Древнем Риме, средневековые рыцарские турниры, кулачные бои на Руси. Но не они входят в понятие классической дуэли. Наиболее емким и точным нам представляется определение дуэли, данное русским военным писателем начала века П. А. Швейковским: *«Поединок есть условленный бой между двумя лицами смертоносным оружием для удовлетворения поруганной чести, с соблюдением известных установленных обычаем условий относительно места, времени, оружия и вообще обстановки выполнения боя»*. Из этого определения можно вычленить следующие основные признаки классической дуэли:

1) цель дуэли — удовлетворение поруганной чести (а не цирковое представление, не решение спора и не состязание в силе);

2) участников дуэли только двое (а не «стенка на стенку»), т. е. оскорбленный и его обидчик (отсюда само слово «дуэль»);

3) средство дуэли — смертоносное оружие (а не кулаки, как у купца Калашникова с Кирибеевичем);

4) наличие установленных обычаем правил (условий) дуэли, обязательных к строгому соблюдению.

Классические правила дуэльных кодексов мы рассмотрим дальше. А сейчас заглянем в истоки появления дуэлей.

Известно, что в Россию дуэль как обычай пришла с Запада. Но и там она существовала не вечно. Время зарождения классической дуэли в Западной Европе можно отнести к эпохе позднего средневековья, примерно к XIV веку, когда окончательно сформировалось и расцвело рыцарское сословие — предшественник дворянства — с его понятиями о чести, во многом чуждыми простолюдину или купцу. В XVI веке дуэли приняли уже такой угрожающий размах и уносили столько жизней, что короли начали бороться с этим обычаем. Так, за 16 лет царствования Генриха IV во Франции было убито на дуэлях от 7 до 8 тысяч человек. Знаменитый кардинал Ришелье запретил дуэли под страхом смерти, объявив, что дворянин может жертвовать своей жизнью только в интересах короля. Людовик XIV в 1679 году специальным эдиктом учредил суд маршалов для разрешения всех вопросов чести. Но ничто не помогало, в том числе и заявление, что король принимает на себя обиду каждого отказавшегося от поединка. Дворянство упорно избегало вмешательства государства и судов в дела чести. Признавая право короля распоряжаться их жизнью и службой, оно отвергало право решать вопросы, связанные с честью и достоинством. Отказ от поединка на протяжении всей истории продолжал считаться несмываемым позором, навсегда исключая отказавшегося из общества порядочных людей. Сознавая это, сами монархи оказывались как бы скованными, и их борьба с дуэлями всегда носила непоследовательный характер. Известен случай, когда сам французский король Франциск I вызвал на дуэль германского императора Карла V. Шведский король Густав Адольф, прославленный полководец первой половины XVII века, энергично преследовал дуэли своими указами. Но когда оскорбленный его пощечиной полковник армии, не имея возможности вызвать самого короля, оставил службу и выехал из страны, король нагнал его на границе и сам вручил ему пистолет со словами: «Здесь, где кончается мое королевство, Густав Адольф уже более не король, и здесь, как честный человек, я готов дать удовлетворение другому честному человеку». В его словах, как в капле воды, отразилась вся двойственность отношения большинства европейских государей к дуэли: как повелители своих подданных и законодатели, они стремились положить конец кровопролитиям, но как светские люди с теми же понятиями о чести понимали, что сами вели бы себя так же.

Дуэль — это как раз тот любопытнейший казус, когда мораль и право постоянно противоречат друг другу, когда понятие о защите чести и достоинства с оружием в руках сталкивается с неизменным стремлением государства регулировать эти вопросы правовыми средствами, с помощью суда. Уже Фридрих Великий смотрел на дуэли в своей армии сквозь пальцы. Ко второй половине XIX века дуэли настолько укоренились, что на них приучились смотреть как на неизбежное зло, запреты повсеместно стали сниматься, в армии поединки даже были узаконены при посредстве судов офицерской чести. Законодательницей обычаев и правил дуэли всегда была Франция. В 1836 году граф де Шатовильяр впервые опубликовал дуэльный кодекс. Позднее общепризнанным в Европе стал дуэльный кодекс графа Верже, изданный в 1879 году и суммировавший накопленный столетиями опыт ведения дуэлей. Его признавали за образец и в России.

Каков же был исторический путь дуэли в нашем Отечестве?

Предположительно первой дуэлью в России можно считать поединок, состоявшийся в 1666 году в Москве между двумя наемными иностранными офицерами — шотландцем Патриком Гордоном (впоследствии петровским генералом) и англичанином майором Монтгомери. Но в то время в среду русских этот обычай еще не проник. Тем не менее единичные прецеденты заставили царевну Софью в указе от 25 октября 1682 года, разрешившем всем служилым людям Московского государства носить личное оружие, оговорить запрет на поединки. Петр Великий, энергично насаждая в России европейские обычаи, поспешил предупредить распространение дуэлей жестокими законами против них. Глава 49 петровского Воинского устава 1715 года, называвшаяся «Патент о поединках и начинании ссор», провозглашала: *«Никакое оскорбление чести обиженного никаким образом умалить не может»*, потерпевший и свидетели происшествия обязаны незамедлительно донести о факте оскорбления военному суду; недонесение тоже каралось. За сам вызов на дуэль полагалось лишение чинов и частичная конфискация имущества, за выход на поединок и обнажение оружия — смертная казнь с полной конфискацией имущества, не исключая и секундантов. Еще более определенно гласил на этот счет изданный в качестве приложения к петровскому уставу «Артикул воинский» 1715 года, в котором поединкам были посвящены две статьи. В первой из них («артикул 139») говорилось: *«Все вызовы, драки и поединки чрез сие наижесточайше запрещаются. Таким образом, чтоб никто, хотя б кто он ни был, высокого или низкого чина, прирожденный здешний или иноземец, хотя другой, кто словами, делом, знаками или иным чем к тому побужден и раззадорен был, отнюдь не дерзал соперника своего вызывать, ниже на поединке с ним на пистолетах или на шпагах биться. Кто против сего учинит, оный всеконечно, как вызыватель, так и кто выйдет, имеет быть казнен, а именно повешен, хотя из них кто будет ранен или умерщвлен... то их и по смерти за ноги повесить»*. Следующая статья («артикул 140») оговаривала то же и насчет секундантов: *«Ежели кто с кем поссорится и упросит секунданта»*, то и секунданта *«таким же образом наказать надлежит»*. Как видим, кары за поединок были выдержаны в типично петровском, беспощадно жестоком стиле. Невзирая на это, петровские узаконения против поединков, формально действовавшие до 1787 года, за все эти семьдесят лет ни разу не были применены. В чем же дело?

А в том, что само понятие чести в его европейском значении еще не вошло в сознание русского дворянства, и дуэлей практически не было вплоть до второй половины екатерининского царствования. Не следует забывать, что петровские нововведения в отношении западных обычаев и нравов были слишком поверхностными, в массе своей русское дворянство по уровню воспитания и внутренней культуры долго еще мало чем отличалось от простого народа, и стремление смыть поругание чести кровью в честном бою было ему чуждо. К тому же был еще исключительно велик страх перед репрессиями со стороны государства, до 1762 года действовало зловещее «слово и дело». Поэтому, когда в екатерининскую эпоху среди дворянской молодежи начали распространяться дуэли, представители старшего поколения отнеслись к этому с безусловным осуждением. Д. И. Фонвизин в «Чистосердечном признании в делах и моих помышлениях» вспоминал, что его отец считал дуэль *«делом против совести»* и поучал его: *«Мы живем под законами, и стыдно, имея таковых священных защитников, каковы законы, разбираться самим на кулаках или на шпагах, ибо шпаги и кулаки суть одно, и вызов на дуэль есть не что иное, как действие буйной молодости»*. А вспомним, как отчитывал Петра Гринева, героя пушкинской «Капитанской дочки», за поединок со Швабриным его отец Андрей Петрович Гринев в своем письме: *«...собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путем как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить еще недостоин, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам»*. И тем не менее дуэли постепенно все более проникали в среду дворянской молодежи. И причиной здесь был не столько «дух буйной молодости», в чем неодобрительно корили детей законопослушные отцы, сколько сформировавшееся чувство чести и личного достоинства, складывавшееся постепенно, с развитием образования и сословного воспитания, и усиливавшееся с каждым новым поколением. Дворянская молодежь, по-прежнему верная присяге и престолу, не допускала при этом вмешательства государства в дела чести. Позднее эту формулу емко и сжато выразил генерал Корнилов в своем жизненном кредо: *«Душа — Богу, сердце — женщине, долг — Отечеству, честь — никому»*.

Ко времени распространения в России дуэлей грозные статьи петровского артикула, каравшие смертью за поединок, были основательно позабыты, так как прошло шестьдесят лет со времени их опубликования. И перед «властями предержащими» встает проблема: как бороться с дуэлями? В 1787 году Екатерина Великая издала «Манифест о поединках». В нем дуэли назывались чужестранным насаждением; участникам дуэли, окончившейся бескровно, устанавливался в качестве меры наказания денежный штраф (не исключая секундантов), а обидчику, *«яко нарушителю мира и спокойствия»*, — пожизненная ссылка в Сибирь. За раны и убийство на дуэли наказание назначалось как за соответствующие умышленные преступления. Апогея своего дуэли достигли в первой половине XIX века. Запрещение дуэлей было вновь подтверждено в изданных при Николае I «Своде законов уголовных» 1832 года и «Уставе военно-уголовном» 1839 года, обязывавшем воинских начальников *«стараться примирять ссорящихся и оказывать обиженному удовлетворение взысканием с обидчика»*. Но ничто не помогало! Более того, дуэли в России отличались исключительной жесткостью условий неписаных кодексов: дистанция колебалась от 3 до 25 шагов (чаще всего 15 шагов), встречались даже дуэли без секундантов и врачей, один на один, нередко дрались до смертельного исхода, порой стрелялись, стоя поочередно спиной у края пропасти, чтобы в случае попадания противник не остался в живых (вспомним дуэль Печорина и Грушницкого в «Княжне Мэри»). При таких условиях нередко погибали оба противника (как это было в 1825 году на дуэли Новосильцева и Чернова). Более того, командиры полков, формально следуя букве закона, фактически сами поощряли в офицерской среде такое чувство чести и под разными предлогами освобождались от тех офицеров, которые отказывались драться на поединке. При этом лично Николай I относился к дуэлям с отвращением, известны его слова: *«Я ненавижу дуэль. Это — варварство. На мой взгляд, в ней нет ничего рыцарского. Герцог Веллингтон уничтожил ее в английской армии и хорошо сделал»*. Но именно на 20—40-е годы XIX века приходятся громкие дуэли Пушкина с Дантесом, Рылеева с князем Шаховским, Грибоедова с Якубовичем, Лермонтова с де Барантом и Мартыновым. До потомства дошел текст условий дуэли между Пушкиным и Дантесом. Для иллюстрации приведем его полностью:

«Правила дуэли между господином бароном Жоржем Геккереном и господином Пушкиным.

1) Противники ставятся на расстоянии 20 шагов друг от друга и 10 шагов от барьеров, расстояние между которыми равняется 10 шагам.

2) Вооруженные пистолетами противники, по данному знаку идя один на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, могут стрелять.

3) Сверх того принимается, что после выстрела противникам не дозволяется менять место, для того чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же самом расстоянии.

4) Когда обе стороны сделают по выстрелу, то в случае безрезультатности поединок возобновляется как бы в первый раз, противники ставятся на то же расстояние в 20 шагов, сохраняются те же барьеры и те же правила.

5) Секунданты являются непосредственными посредниками во всяком отношении между противниками на месте.

6) Секунданты, нижеподписавшиеся и облеченные всеми полномочиями, обеспечивают, каждый свою сторону, своей честью строгое соблюдение изложенных здесь условий.

27-го января 1837 года. 2 1/2 часа пополудни.

Подписано:

Виконт д'Аршиак, прикомандированный к французскому посольству

Константин Данзас, инженерный подполковник».

Встречались люди, проявлявшие на дуэли редкое бесстрашие и твердость духа. Так, Пушкин на дуэли с офицером Зубовым в 1822 году (в Кишиневе) в ожидании выстрела противника спокойно ел вишни и плевал косточками в его сторону, чем привел своего визави в бешенство. Этот случай Пушкин использовал впоследствии при создании повести «Выстрел». Подлинную бесшабашность проявлял декабрист М. С. Лунин, как бы сознательно искавший смерти и игравший с ней в жмурки. Однажды, по свидетельству современников, великий князь Константин Павлович незаслуженно оскорбил офицеров Кавалергардского полка, но затем извинился, добавив, что если кто из офицеров считает себя обиженным, то он готов дать сатисфакцию. Вдруг отчаянный Лунин вызвался: «Ваше высочество, честь так велика, что одного я только опасаюсь: никто из товарищей не согласится ее уступить мне». Скандал, разумеется, замяли, но Константину смелый ответ понравился, и впоследствии он взял Лунина к себе в адъютанты. Известна также дуэль Лунина с его однополчанином графом А. Ф. Орловым, позднее шефом жандармов — преемником Бенкендорфа. Фактически Лунин, бретер и забияка, сам спровоцировал Орлова на дуэль. Зная, что Орлов — плохой стрелок, а Лунин — виртуоз, свидетели поединка не сомневались в его исходе. Но Лунин... лишь хладнокровно поиздевался над Орловым (как пушкинский Сильвио над графом). По описанию очевидца, стрелялись они на 12 шагах. Орлов выстрелил и промахнулся. Лунин выстрелил в воздух и саркастически предложил противнику попытать счастья еще раз, при этом поучая его, как надо целиться. Взбешенный граф закричал: «Что же это ты! Смеешься, что ли, надо мною?» — и выстрелил в другой раз, прострелив Лунину фуражку. Лунин снова выстрелил в воздух, продолжая шутить и ручаясь Орлову за успех третьего выстрела. Тут их остановили секунданты...

С появлением в России во второй половине XIX века относительной свободы печати споры вокруг дуэли перенеслись на ее страницы. Мнения разделились на сторонников дуэли и ее противников. Среди первых выделялись правоведы Лохвицкий, Спасович, военные писатели Калинин, Швейковский, Микулин; в лагере противников были не менее солидные имена: военный деятель, педагог и писатель генерал М. И. Драгомиров, военный юрист Шавров. Точку зрения сторонников дуэли наиболее отчетливо выразил Спасович: *«Обычай поединка является среди цивилизации как символ того, что человек может и должен в известных случаях жертвовать самым дорогим своим благом — жизнью — за вещи, которые с материалистической точки зрения не имеют значения и смысла: за веру, родину и честь. Вот почему обычаем этим нельзя поступаться. Он имеет основание то же, что и война».*

Еще при императоре Николае I по «Уложению о наказаниях уголовных» 1845 года ответственность за дуэли была существенно понижена: секунданты и врачи вообще освобождались от наказания (если только они не выступали в роли подстрекателей), а наказание дуэлянтам уже не превышало — даже в случае гибели одного из противников — заключения в крепости от 6 до 10 лет с сохранением дворянских прав по выходе. Это положение лишний раз отразило всю противоречивость законодательства о дуэлях. На практике же и эти меры никогда не применялись — наиболее распространенным наказанием для дуэлянтов был перевод в действующую армию на Кавказ (как это было с Лермонтовым за дуэль с де Барантом), а в случае смертельного исхода — разжалование из офицеров в рядовые (как это было с Дантесом после дуэли с Пушкиным), после чего они, как правило, довольно быстро восстанавливались в офицерском чине.

Новой вехой на этом этапе предстояло стать судам общества офицеров. Суды общества офицеров к тому времени существовали во многих европейских армиях, играя роль чего-то вроде товарищеских судов. В русской армии они существовали полуофициально с петровских времен (с 1721 года). Общество офицеров полка могло выдавать аттестации офицерам и было весомым орудием общественного мнения в военной среде. Особенно расцвели они при Александре I, после 1822 года, когда сам император при разборе конфликта между судом общества офицеров и командиром полка встал на сторону первого. Но в 1829 году Николай I усмотрел в самом факте существования независимых офицерских корпораций, наделенных немалыми правами, средство подрыва воинской дисциплины и повсеместно запретил их деятельность. Тем не менее эта мера, на первый взгляд разумная, на практике оказалась ошибочной, так как суды общества офицеров являлись могучим средством морального, воспитывающего воздействия. Поэтому в период «великих реформ» 60-х годов они были (в 1863 году) восстановлены и приобрели официальный статус. Было издано положение об их устройстве (на флоте — с 1864 года — суды капитанов, в каждой флотской дивизии). При разработке этого положения многие предлагали передать на усмотрение этих судов вопросы о разрешении дуэли в каждом конкретном случае, но это предложение было отклонено. Тем не менее наказания за поединки становились все мягче. Так, в определении сената по делу о дуэли Беклемишева и Неклюдова в 1860 году говорилось: *«Звание преступника и степень образованности его не могут иметь никакого влияния при суждении дел о поединках* (обычно при рассмотрении уголовных дел образование и хорошее происхождение преступника являлись отягчающим обстоятельством. — *В. Х.*), *ибо преступление это столь связано с понятием, свойственным исключительно людям образованным, что указанные обстоятельства представляются в сем случае скорее причиной объясняющей, а следовательно, уменьшающей преступность».* Бывали и трагикомические случаи. Один из них описывает в своих «Записках революционера» князь П. А. Кропоткин. Некий офицер был оскорблен Александром III еще в бытность его наследником престола. Находясь в неравном положении и не имея возможности вызвать на дуэль самого цесаревича, офицер послал ему записку с требованием письменного извинения, в противном случае угрожая самоубийством. Будь наследник более чутким, он бы извинился или сам дал удовлетворение человеку, не имевшему возможности вызвать его. Но он не сделал этого. По истечении 24 часов офицер в точности исполнил свое обещание и застрелился. Разгневанный Александр II резко отчитал сына и приказал ему сопровождать гроб офицера на похоронах.

Наконец в 1894 году, в самом конце царствования Александра III, поединки были официально разрешены. Приказ по военному ведомству № 118 от 20 мая 1894 года, так и озаглавленный: «Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде», состоял из 6 пунктов. Первый пункт устанавливал, что все дела об офицерских ссорах направляются командиром войсковой части в суд общества офицеров. Пункт второй определял, что суд может либо признать возможным примирение офицеров, либо (ввиду тяжести оскорблений) постановить о необходимости поединка. При этом решение суда о возможности примирения носило характер рекомендательный, решение о поединке — обязательный к исполнению. Пункт третий гласил, что конкретные условия дуэли определяют секунданты, выбранные самими противниками, но по окончании дуэли суд общества офицеров по представленному старшим секундантом-распорядителем протоколу рассматривает поведение дуэлянтов и секундантов и условия поединка. Пункт четвертый обязывал офицера, отказавшегося от дуэли, в двухнедельный срок представить прошение об увольнении в отставку; в противном случае он подлежал увольнению без прошения. Наконец, пункт пятый оговаривал, что в тех войсковых частях, где отсутствуют суды общества офицеров, их функции выполняет сам командир войсковой части. В дополнение к этому приказ по военному ведомству № 119 от 21 мая 1894 года обязывал суды общества офицеров *«постановлять об удалении недостойных офицеров из части... когда обнаружится, что офицер, защищая свою честь или давая удовлетворение оскорбленному, не проявил при этом истинного чувства чести и личного достоинства, а обнаруживал старание соблюсти лишь одну форму».* Статья 553 «Устава военно-судебного» и позднее (в 1906 году) статья 1243 «Устава уголовного судопроизводства» были дополнены примечаниями, определявшими порядок направления дел о поединках в вышестоящие инстанции: каждое дело о дуэли, снабженное заключением военно-окружного прокурорского надзора и материалами суда общества офицеров, препровождалось военным (или морским) министром совместно с министром юстиции для доклада на высочайшее имя как о чрезвычайном происшествии. В 1894—1896 годах проекты дуэльных кодексов разрабатывал сначала генерал-лейтенант А. А. Киреев, затем комиссия под председательством генерала от кавалерии А. П. Струкова и, наконец, комиссия во главе с генералом от кавалерии Д. П. Дохтуровым. Но в конце концов издание законодательных правил дуэли было признано неудобным, и остались неписаные правила, установленные обычаем, т. е. своего рода юридический нонсенс. По-прежнему наказывались лишь вызов на дуэль начальника подчиненным или старшего младшим по делам, касающимся службы (статьи 99 и 100 «Воинского устава о наказаниях»). Подобные вызовы карались лишением чина и исключением со службы, либо заключением в крепости до 4 лет, либо разжалованием в рядовые; при этом наказанию подвергался и принявший подобный вызов начальник или старший. Но — подчеркнем это еще раз — это касалось только вызовов по служебным делам; по личным же обидам, не касавшимся службы, допускались и вызовы подчиненными начальников, офицерами — генералов. В 1912 году суды общества офицеров были переименованы в суды чести, и приказом по военному ведомству № 81 от 6 февраля 1912 года в воинский «Устав дисциплинарный» была включена новая, 14-я глава — «О суде чести», включавшая 50 статей (со 130-й по 179-ю). Статья 130 этого Устава четко определяла функции судов чести: *«Суды чести учреждаются для охранения достоинства военной службы и поддержания доблести офицерского звания. На них возлагаются: а) рассмотрение проступков, несовместных с понятиями о воинской чести, служебном достоинстве, нравственности и благородстве; и б) разбор ссор, случающихся в офицерской среде».* Статьи 175, 176, 177 и 178 повторяли обязанности суда чести, изложенные в приказах по военному ведомству за №№ 118 и 119 1894 года в отношении дуэлей: постановление о примирении либо о поединке (здесь добавлялось: в случае обнаружения неблаговидных поступков как одной из причин ссоры — про-

изводство дознания), увольнение со службы за отказ от поединка в двухнедельный срок, разбор поведения дуэлянтов и секундантов и условий дуэли (задним числом), и т. д. При этом, если противники служили в разных полках и имелись разногласия в постановлениях судов чести этих полков, последнее слово отводилось суду чести того полка, где служил оскорбленный. Офицеры запаса во время ношения мундира также были обязаны защищать его честь. **Неправоспособными к дуэли** (чей вызов можно было не принимать и кого не принято было вызывать) считались: лица, опозоренные в общественном мнении (шулера; ранее отказавшиеся от дуэли; подавшие жалобу на обидчика в уголовный суд); сумасшедшие; несовершеннолетние, т. е. не достигшие 21 года (кроме женатых, студентов и служащих — вообще же четкой границы не было); лица, стоявшие на низких ступенях общественной культуры (т. е., как правило, представители простого народа); должники по отношению к своим кредиторам; близкие родственники (до дядей и племянников включительно); женщины. Защищать честь женщины был обязан ее естественный покровитель (муж, отец, брат, сын, опекун, близкий родственник); но при этом необходимым условием допустимости дуэли из-за женщины являлось ее нравственное поведение — то есть за женщиной, известной легким поведением, справедливо не признавалось право на защиту от оскорблений. По правилам вызов на дуэль посылался через 24 часа после определения суда, ответ — через 24 часа после получения вызова. При этом промедление вызова не считалось препятствием к дуэли. Обязательным было и принятие на себя обязанностей секунданта по приглашению. Как правило, каждый из противников выбирал себе по два секунданта (но могли и по одному) — из зрелых людей, при этом не заинтересованных в деле и не близких родственников (дяди и племянники еще исключались, двоюродные братья уже допускались; то же было и при вызовах на дуэль). Наконец, существовал непреложный обычай, согласно которому за одно и то же оскорбление можно было вызывать на дуэль только один раз.

Наиболее сложным вопросом всегда считался вопрос о степени тяжести нанесенных оскорблений. На этот счет всегда были разногласия. Например, М. И. Драгомиров, довольно скептически смотревший на такие вещи, в своей брошюре «Дуэли» замечал: *«Рукоприкладство в пьяном виде — не позорящее рукоприкладство (т. е. не оскорбление чести), а скверная народная привычка... Если (это) случилось совсем в ограниченном товарищеском кружке, а люди — порядочные — сплетничать и трезвонить нечего»*. Общепринятым было условное деление достаточных для дуэли оскорблений на **три категории**:

1) **легкие** — если оскорбление пустъ и особо язвительное, но затрагивает несущественные стороны личности — внешность, манеры, привычки и т. д.; в таком случае оскорбленный мог выбрать только род оружия;

2) **средней тяжести** — если оно соединено с бранью; тогда оскорбленный мог выбрать род оружия и род дуэли (до первой крови, до тяжелой раны, до смерти);

3) **тяжелые** — если оскорблению сопутствовали рукоприкладство или особо тяжкие, порочащие обвинения; в таком случае потерпевший выбирал род оружия, род дуэли и назначал расстояние.

Оскорбленный терял право выбора оружия и т. д., если его противник извинился, а он не принял извинений. Не допускалась замена одного дуэлянта другим, его повереным, если только первый был в состоянии драться. Секунданты могли отклонить холодное оружие, если их клиент был одноногим или без правой руки, и также могли отвести пистолеты, если он был одноглазый и при этом нанес легкое оскорбление. Кстати говоря, при выборе холодного оружия секундантам было труднее всего регулировать ход поединка в силу его подвижности и возбуждающего воздействия на противников; кроме того, в поединках на холодном оружии всегда сильнее сказывалось неравенство дерущихся в таком сложном искусстве, как фехтование. Поэтому дуэли на холодном оружии не были широко распространены. Обязательным условием дуэли являлось одинаковое оружие у противников — по длине, отточенности шпаги или сабли, силе боя и марке пистолета. Секунданты обязаны были перед началом дуэли тщательно проверить боевые качества оружия; при этом при поединке на пистолетах марка пистолета не должна была быть заранее известна противникам. Огнестрельным дуэльным оружием считался пистолет (по установившейся традиции — гладкоствольный), холодным — шпага, сабля, шашка, палаш, эспадрон.

Неписаный **порядок проведения дуэли** был следующим. В заранее условленное время (обычно утром) противники, секунданты и врач прибывали в назначенное место. Опоздание допускалось не свыше 15 минут; в противном случае опоздавший считался уклонившимся от дуэли. Поединок начинался обычно через 10 минут после прибытия всех. Противники и секунданты приветствовали друг друга поклоном. Избранный секундантами из своей среды распорядитель предлагал дуэлянтам в последний раз помириться (если суд чести признавал это возможным). В случае их отказа распорядитель излагал им условия поединка, секунданты обозначали барьеры и в присутствии противников заряжали пистолеты. При дуэли на саблях или шпагах противники раздевались выше пояса до рубашек. Из карманов полагалось вынимать все. Секунданты занимали места параллельно линии боя, врачи — позади них. Все действия противники совершали по команде распорядителя. Если в ходе поединка один из них ронял шпагу, либо она ломалась, либо дерущийся падал — его противник обязан был прервать дуэль по команде распорядителя, пока его оппонент не поднимется и не будет в состоянии продолжать дуэль. Как правило, дуэль на шпагах велась до тех пор, пока один из противников не терял полностью возможность продолжать ее — т. е. до тяжелого или смертельного ранения. Поэтому после каждого ранения поединок приостанавливался, и врач устанавливал характер раны, степень ее тяжести. Если в ходе такой дуэли один из противников, несмотря на предупреждения, трижды отступал за границу поля боя, такое поведение засчитывалось как уклонение или отказ от честного поединка. По окончании боя противники подавали друг другу руки.

Дуэли на пистолетах имели несколько вариантов.

Вариант 1. Противники становились на дистанции от 15 до 40 шагов друг от друга и, оставаясь неподвижными, поочередно стреляли по команде (интервал между командой и выстрелом должен был быть не менее 3 секунд, но не более 1 минуты). Если оскорбление было средним или тяжелым, то оскорбленный имел право стрелять первым (но только с дистанции в 40 шагов, т. е. максимальной), в противном случае право первого выстрела решал жребий.

Вариант 2 (сравнительно редкий). Противники становились спиной друг к другу на дистанции 25 шагов и, оставаясь неподвижными на этом расстоянии, непрерывно стреляли через плечо.

Вариант 3 (едва ли не самый распространенный). Противники вставали на расстоянии до 30 шагов друг от друга и по команде шли к барьерам, расстояние между которыми было не менее 10 шагов, по команде же первый на ходу стрелял, но ответного выстрела ожидал стоя на месте (стрельба без команды допускалась в случае, если барьеры отстояли на 15—20 шагов друг от друга, а противники в исходном положении — до 50 шагов; но это сравнительно редкая разновидность). При такой дуэли время на ответный выстрел не превышало 30 секунд, для упавшего — 1 минуты с момента падения. Переступать барьеры запрещалось. Осечка тоже считалась за выстрел. Упавший мог стрелять лежа (как стрелял раненый Пушкин в Дантеса). Если при такой дуэли после четырех выстрелов ни один из противников не получал ранения, то ее можно было прекращать.

Вариант 4. Противники становились на расстоянии 25—35 шагов, располагаясь по параллельным линиям, так что каждый из них имел своего противника справа от себя, и шли по этим линиям к барьерам, отстоявшим друг от друга на 15 шагов, по команде останавливаясь и стреляя.

Вариант 5. Противники располагались на расстоянии 25—35 шагов и, оставаясь неподвижными, стреляли одновременно — по команде на счет «раз-два-три» или по сигналу в три хлопка. Такая дуэль была наиболее опасной, и нередко погибали оба противника (дуэль Новосильцева с Черновым). По окончании противники подавали друг другу руки.

Заметим, что эти правила (хотя бы то же расстояние), устоявшиеся к концу XIX века, были во многом гуманнее, чем обычные правила русских дуэлей первой половины XIX века. Любопытно, что если во второй половине XIX века число дуэлей в русской армии явно пошло на спад, то после официального разрешения в 1894 году их количество вновь резко возрастает. Для сравнения: с 1876 по 1890 год до суда дошло лишь 14 дел об офицерских дуэлях (в 2 из них противники были оправданы); с 1894 по 1910 год состоялось 322 дуэли, из них 256 — по решению судов чести, 47 — с разрешения войсковых начальников и 19 самовольных (до уголовного суда не дошла ни одна из них). Ежегодно происходило от 4 до 33 поединков в армии (в среднем — 20). По данным генерала Микулина, с 1894 по 1910 год в офицерских дуэлях участвовали в качестве противников: 4 генерала, 14 штаб-офицеров, 187 капитанов и штабс-капитанов, 367 младших офицеров, 72 штатских. Из 99 дуэлей по оскорблению 9 окончились тяжелым исходом, 17 — легким ранением и 73 — бескровно. Из 183 дуэлей по тяжелому оскорблению 21 окончилась тяжелым исходом, 31 — легким ранением и 131 — бескровно. Таким образом, гибелью одного из противников либо тяжелым ранением заканчивалось все же незначительное число поединков — 10—11% от общего числа. Из всех 322 дуэлей 315 состоялись на пистолетах и только 7 — на шпагах или саблях. Из них в 241 поединке (т. е. в 3/4 случаев) было выпущено по одной пуле, в 49 — по две, в 12 — по три, в одной — по четыре и в одной — по шесть пуль; дистанция колебалась от 12 до 50 шагов. Промежутки между нанесением оскорбления и поединком колебались от одного дня до... трех лет(!), но чаще всего — от двух дней до двух с половиной месяцев (в зависимости от длительности разбора дела судом чести).

Так что и в начале нашего столетия дуэли были в России довольно частым явлением. Известный политический деятель — лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков дрался на дуэли не раз, стяжав даже славу бретера (хотя сам был отнюдь не дворянского происхождения). Илья Эренбург в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» описывает дуэль между двумя известными поэтами — Николаем Гумилевым и Максимилианом Волошиным — в предреволюционные годы, поводом к которой послужил один из розыгрышей, на которые Волошин был большой мастер; в ходе поединка Волошин выстрелил в воздух, а Гумилев, считавший себя оскорбленным, промахнулся. Кстати, выстрел в воздух допускался только в случае, если стрелял вызванный на дуэль, а не тот, кто вызвал — в противном случае дуэль не признавалась действительной, а лишь фарсом, поскольку при этом ни один из противников не подверг себя опасности.

Затем наступили иные времена. Лучшие представители русской интеллигенции и офицерства с их щепетильными понятиями о личной чести были революцией выброшены за борт, оказались на чужбине. В пролетарском государстве такие понятия, как честь и долг, поначалу вообще были объявлены пережитками эксплуататорского прошлого. На смену дуэлям пришли доносы, понятие государственной пользы затмило все остальное, на смену благородству пришли фанатизм одних и расчетливость других.

АНДРЕЙ ЛУНОЧКИН,
АНДРЕЙ МИХАЙЛОВ

ВОЛЬНЫЙ КАЗАК — ДРУГ АБИССИНСКОГО НЕГУСА

Январским днем 1889 года на пустынном абиссинском берегу происходило нечто необычное. Перед входом в старую полуразрушенную крепость совершалась в присутствии полутора сотен вооруженных людей православная литургия. После молебствия стены были окроплены святой водой, и над укреплением взвился русский флаг. Под дружное «ура» предводитель отряда, коренастый бородатый человек в черкеске, объявил, что отныне земля на 50 верст по берегу моря и на 100 верст в глубь материка будет русской, православной.

Так началась беспримерная по своей дерзости попытка русских авантюристов обосноваться в Абиссинии, вошедшая в историю международных отношений как «инцидент в Сагалло». Командовал этой экспедицией Николай Ашинов, снискавший еще в России скандальную известность.

Николай Иванович Ашинов с гордостью заявлял всюду о своем казачьем происхождении. На самом деле все было гораздо прозаичнее. Отец его, прогоревший пензенский купец, кое-как жил со своей последней недвижимости — клочка земли на берегу Волги в нескольких верстах выше Царицына. Николай окончил царицынское уездное училище, однако из гимназии в Саратове его выгнали. Злые языки утверждали, что он сколотил там банду из лоботрясов и отнимал у младших учеников деньги и завтраки.

Как бы там ни было, какое-то образование Ашинов все же получил — известно, что он занимался в Царицыне частной адвокатурой. Около 1880 года он уехал, намереваясь заняться разведением табака на Кавказе. Достоверных сведений о жизни Николая Ивановича на Кавказе нет. Известно лишь, что в конце 1883 года он добился приема у князя А. М. Дондукова-Корсакова, главноуправляющего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками округа, на котором сообщил невероятные вещи.

Оказывается, легендарная казачья вольница, триста лет назад гулявшая по российским просторам, не исчезла, а продолжала существовать в диких горных районах Турецкой Армении, Иранского Курдистана, в камышовых зарослях южного берега Каспийского моря. Новоявленные «казаки» вели, по его словам, образ жизни своих предшественников — охотились, ловили рыбу, охраняли купеческие караваны, а при случае и грабили их. Несмотря на жизнь среди мусульман, «вольные люди» якобы хранили трогательную верность православной вере и русскому царю, по первому его слову готовые послужить матушке-России. Себя Ашинов представил как атамана «гулевой сотни», уполномоченного «казаками» на переговоры с русской администрацией.

Была ли во всем этом хоть капля истины? Фактов о наличии сколько-нибудь значительного числа русских «гулящих людей» в Малой Азии у нас нет. Единственное, что могло быть реального в те годы, — это участие отдельных выходцев из России в контрабандных операциях или же в откровенно разбойничьих шайках. Понятно, что подобные элементы никак не подходят под лубочную картинку, нарисованную Ашиновым.

Но вернемся к встрече с князем. Ашинов заявил, что «казакам» надоело скитаться по чужбине и они хотят поселиться в окрестностях Сухума с условием, чтобы из них было составлено особое казачье войско на правах Донского. Это укрепило бы оборону края и усилило русский элемент в Абхазии. Дондуков-Корсаков весьма холодно отнесся к проекту, разрешив лишь организовать переселение на общих основаниях лиц со всеми документами, а не бродяг.

С Кавказа Ашинов отправился почему-то не к «казакам», а в Полтавскую губернию, где принялся вербовать крестьян-малороссов, суля им по 30 десятин земли, 200 рублей ссуды и самое соблазнительное — казачье звание со всеми привилегиями.

Весной 1884 года в Сухум стали прибывать переселенцы, около 40 семей обосновались близ села Ольгинского. Ашинов объявил крестьянам, что они — казаки, добился избрания себя атаманом и забрал в свои руки все отношения с местными властями. Новый поселок он претенциозно назвал станицей Николаевской — в честь наследника престола, атамана всех казачьих войск. Правда, его самого тоже звали Николаем...

Новоиспеченный «атаман» вел себя крайне нагло и к тому же оказался нечист на руку. Завладев казенной ссудой для покупки скота, он скот купил, но, раздавая его, требовал со своих «казаков» в полтора раза больше действительной цены. Деньги, отпущенные на строительство дороги, он прикарманил уже без всяких ухищрений. Когда же от «атамана» потребовали отчета, он попросту скрылся.

Казалось бы, честолюбивым мечтам пришел конец. Но Николай Иванович был не таков. Он отправился в Москву, как сказали бы сейчас, «призвать на помощь общественное мнение». Расчет понять нетрудно. Древняя русская столица издавна считалась оплотом патриотических настроений (в отличие от космополитичного Петербурга). Одетый в черкеску Ашинов ходил по редакциям газет, домам видных общественных деятелей, разным культурным и благотворительным организациям и знакомил всех с историей о «вольных казаках», желающих переселиться на черноморские берега. Препятствовала этому, по его словам, кавказская администрация, будто бы сплошь состоящая из немцев, поляков и армян, а потому враждебная русскому делу.

«Атаман» успешно разыгрывал роль простого неграмотного казака, чуждого всяким условностям светской жизни. Он говорил «народным» языком, обращался ко всем только на «ты», бесцеремонно похлопывая собеседника по плечу. Ставка на квасной патриотизм оправдала себя. Об Ашинове заговорили.

В начале 1885 года на страницах «Московских ведомостей» М. Н. Каткова и «Руси» И. С. Аксакова появилась целая серия статей о пользе заселения Черноморского побережья казаками. В «корреспонденциях из Сухумского округа» расписывалась райская жизнь в двух «станицах» (несуществующую вторую Ашинов, недолго думая, окрестил Дондуковско-Корсаковской). Читатель узнавал, что «казаки» занялись посадкой табака и даже отправили своих посланцев в Индию и Китай (!), чтобы научиться там шелководству и чаеводству. Но газетная кампания и рекомендации Каткова с Аксаковым не помогли в разрешении вопроса о черноморском казачьем войске. Ашинов бросил хлопоты и исчез в неизвестном направлении.

В январе 1886 года в «Новом времени» появились корреспонденции из далекой африканской страны, где повествовалось о торжественной встрече, устроенной делегации «вольных казаков» во главе с атаманом Николаем Ивановичем.

Почему же Ашинов направился именно в Абиссинию? Скорее всего, помимо тяги к дальним путешествиям и приключениям немалую роль сыграл расчет

получить поддержку русского общества и, возможно, правительства. Монофизитская эфиопская церковь, одна из древних восточных ветвей христианства, во многом была ближе православию, нежели западной традиции. И русская церковь и общество издавна питали дружественные чувства к «православным» собратьям на Черном континенте. Таким образом, поездка «казаков» на помощь негусу (сокращенный титул императора) приобретала в разгар итальянской экспансии черты крестового похода против католичества.

Архивные документы подтверждают — «атаман» на самом деле добрался до Абиссинии. Сотрудник российского консульства в Каире Щеглов сообщал министру иностранных дел, что Ашинов действительно просил у негуса аудиенции, но тот затребовал рекомендательное письмо от русского правительства. Такого у «казака», конечно, не оказалось, и ему пришлось убраться восвояси.

Вернувшись в Россию весной того же года, неугомонный Ашинов представил свое поражение как триумф. Абиссинский вояж вознес его на пик популярности. Толпы людей ходили глазеть на привезенных двух чернокожих детей и живого страуса. Газеты из числа не слишком разборчивых (например, «Свет» В. В. Комарова) взахлеб писали о «вольных казаках»: они не кочуют, а имеют в горах постоянные «секретные станицы», в которых даже проводятся ярмарки. Общее же число «казаков», живущих в Малой Азии, Месопотамии и Палестине, определялось уже в двести тысяч человек!

Пользуясь своей известностью, Ашинов выдвинул новый план, перед которым бледнела идея Черноморского казачьего войска. Оказывается, «казаки» разочаровались в переселении на Кавказ и решили обосноваться в Абиссинии, где негус Иоанн предоставил своему «лучшему другу» Ашинову несколько мест для русской колонии.

Мысль о приобретении незамерзающего порта давно волновала русских моряков. Неудивительно поэтому, что одним из первых заинтересовался проектом Ашинова морской министр И. А. Шестаков. Ведь в случае войны с главным тогдашним противником Англией из базы на абиссинском побережье можно было угрожать самому ее чувствительному месту — морскому пути в Индию. В дневнике адмирала есть размышления на эту тему. Перспективой миссионерства в Африке «атаман» сумел соблазнить и духовное ведомство. Петербургский митрополит Исидор выдал ему разрешение на постройку в Абиссинии храма. На Нижегородской ярмарке Ашинов приобрел еще одного сильного покровителя в лице местного губернатора Н. М. Баранова, пользовавшегося особенным расположением Александра III.

В конце концов заинтересовался планом Ашинова и сам царь. В сентябре он препроводил морскому министру его письмо, желая узнать мнение адмирала. Хотя Шестаков, не раз имевший беседы с «казаком», не вполне доверял Ашинову, все же посчитал возможным что-либо предпринять по этому делу.

Вольный казакъ Н. И. Ашиновъ съ товарищами въ Абиссинии

...24 марта 1888 года из Одессы вышел пароход «Кострома» рейсом на Владивосток. Командир судна лейтенант Ивановский получил секретную инструкцию от министерства отыскать попутно на побережье Абиссинии подходящую гавань, не занятую еще европейцами. На борту парохода находился Ашинов с несколькими спутниками, завербованными в Одессе.

Такую бухту нашли в Таджурском заливе (территория современного Джибути). Местный племенной вождь уверил, что он вполне независим, и лейтенант быстро заключил с ним словесный договор о покровительстве прибывающим русским. Успеху переговоров способствовали подарки: старый флаг Добровольного флота, зонтик, кусок ковровой дорожки, японский деревянный веер и старое теплое одеяло.

Высадив ашиновцев, «Кострома» отправилась дальше. Но «атаман» ненадолго задержался в Африке. В июне он приехал в Киев, где праздновалось 900-летие крещения Руси, с двумя абиссинскими монахами. Как заявил Ашинов, монахи эти были посланы из иерусалимского монастыря самим негусом с просьбой к русскому царю о покровительстве. За переводчика был Николай Иванович (!).

Ашинова с монахами принял в Киеве сам Победоносцев. Судя по его письму царю, обер-прокурор Синода весьма заинтересовался перспективой возможного обретения новых земель и прихожан. Он настойчиво рекомендовал Александру III присмотреться к этому делу, не обращая внимания на подозрительную личность «атамана». Победоносцев, видимо, стал одним из главных деятелей интриги вокруг Ашинова. По свидетельству В. Н. Ламздорфа, он всегда с восторгом отзывался об «этом головорезе», сравнивая его с Писарро и даже с Колумбом.

С другой стороны на царя воздействовал Н. М. Баранов, также воодушевленный заманчивыми возможностями. Он даже выработал поэтапную программу действий. На первых порах Ашинов со своими «флибустьерами» должен был освоить территорию вокруг бухты. В случае международных осложнений правительство легко могло все свалить на частную инициативу самих ашиновцев. Затем Баранов основал бы с помощью купечества Русско-Африканскую компанию, которой Ашинов передал бы свою землю в обмен на участие в прибылях. Правительство дало бы компании право иметь свои суда и гарнизон для обороны. И, наконец, в удобный момент последовало бы распоряжение царя о переходе в руки правительства военной, морской и административной частей управления новым краем. Себя Баранов видел на посту наместника Русской Африки. Александр III вполне благосклонно принял этот проект.

Первоначально планировалось предоставить Ашинову специальный пароход, который вместе с «казаками» привез бы в Таджурскую бухту уголь для устройства топливной станции по обслуживанию русских судов. По приказу Шестакова из флотских арсеналов в Одессу доставили оружие и боеприпасы для экспедиции. По личному указанию Победоносцева из

Вольный казакъ Н. И. АШИНОВЪ.

Отецъ Паисій

Афона был вызван схимонах Паисий. Вскоре его спешно посвятили в архимандриты, что давало право руководить задуманной в Синоде духовной миссией в Абиссинию. (О темном прошлом схимонаха упоминал А. П. Чехов в переписке с А. С. Сувориным. Оказывается, в молодости Паисий, тогда еще «странник Василий», жил некоторое время у дяди Чехова. По словам писателя, в истории Паисия были замешаны «его жена, гулящие бабы, изуверство». Такой человек мог показаться Победоносцеву удобной фигурой для выполнения столь щекотливого поручения.)

...Однако слишком заметное участие правительства в подготовке ашиновского предприятия вызывало беспокойство в министерстве иностранных дел. 7 ноября глава дипломатического ведомства Н. К. Гирс представил царю донесение из Константинополя, где посол Нелидов сообщал о провале мартовской высадки ашиновцев в Таджурской бухте. Как оказалось, Ашинов бросил своих спутников, приказав ждать, и скрылся. Двое из них только сейчас добрались до Константинополя. К тому же негус никогда не посылал монахов в Россию, и речь они могли вести только о принятии под покровительство России одного лишь иерусалимского монастыря.

Александр III сделал из этой информации надлежащие выводы, и вскоре правительство полностью уклонилось от помощи экспедиции. Паисию пришлось собирать частные пожертвования.

Наконец после долгих проволочек 10 декабря 1888 года русская миссия отплыла из Одессы на обыкновенном пассажирском пароходе. Билеты были только до египетского Порт-Саида.

Экспедиция состояла из двух формально независимых частей. Главная, духовная, должна была установить связь с христианами Абиссинии. Отца Паисия, иеромонаха Антонина, трех афонских монахов, хор певчих и послушников должен был охранять отряд Ашинова. Правда, вместо двух тысяч человек «атаману» удалось набрать всего около 150. В основном это были босяки, многие с явно уголовным прошлым.

Благополучно прибыв в Порт-Саид, ашиновцы провели там четыре дня, дожидаясь попутного и дешевого парохода. Вот что писал в своем рапорте капитан русского корабля, проходившего в то время по Суэцкому каналу: «Все виденное мною в Порт-Саиде произвело на меня самое тягостное впечатление, т. е. эта экспедиция делает нам стыд и позор. Вся команда состоит положительно из каких-то оборванцев, пьяных и шумящих на весь город. Днем и поздно вечером вся дружина бродит по улицам в невозможных костюмах, притом грязных и рваных от спанья на земле. К сожалению, между ними многие духовного звания и гуляют в рваных рясах».

6 января 1889 года русский отряд высадился в Таджурском заливе, где его встречали три человека, все-таки дождавшиеся своего «атамана» спустя почти год. Из разговора с местным князьком Ашинов узнал не очень приятные вещи. Оказалось, что в прошлом году вождь слегка покривил душой, говоря о своей независимости. На деле же Таджура еще с 1884 года считалась французским протекторатом. Хотя ближайший французский пункт Обок был за сотню верст к северу, а таджурский «султан», воодушевленный подарком Ашинова — нанковыми брюками, собирался дружить теперь только с русскими, стало ясно, что обосноваться здесь нельзя.

Однако выход нашелся быстро. Сосед князька, Магомет-Лейта, считавший себя тоже независимым, уступил «казакам» за 60 берданок заброшенное египетское укрепление Сагалло верстах в тридцати на юг от Таджуры. Развалины Ашинов нарек «станицей Новая Москва».

На новом месте «атаман» целиком занялся обустройством форта, совершенно забыв об официальной цели своего путешествия — походе в Абиссинию к негусу. Дни проходили в хлопотах. Вскоре крепость приняла жилой вид: устроили кузнечную и оружейную мастерские, разбили сад и огород. Но дисциплину установить не удалось. «Казаки»-босяки принялись воровать у туземцев скот, внутри отряда начались стычки; несколько человек, разочаровавшись в вольной жизни, ушли к французам. Только что основанной колонии грозил развал.

Однако беда все-таки пришла извне. В отличие от Магомет-Лейта французы считали своей и эту территорию. Уже через неделю в Сагалло прибыл офицер с требованием или очистить крепость, или сдать оружие и вместо русского поднять французский флаг, признав неправомочность своих притязаний. Ашинов резко ответил, что это унизительно для русского человека. Не ожидавший такой наглости француз ретировался, и две недели колонию никто не тревожил.

Французский кабинет, подозревая, что за «казаками» стоят тайные планы Петербурга, запросил русского посланника в Париже. Получив депешу, царь пришел в сильное раздражение — ссориться с Францией из-за сомнительного африканского предприятия он не собирался. Александр III приказал сообщить Парижу, что русское правительство никоим образом не причастно к этой авантюре и Франция вправе принять к Ашинову любые меры.

Днем 5 февраля в бухту Сагалло вошли четыре французских военных корабля — два крейсера и две канонерки. «Атаману» был предъявлен ультиматум. Уверенный, что русских тронуть не посмеют, Ашинов уклонился от ответа и ... пригласил командовавшего эскадрой адмирала Ольри на обед. Вместо обеда около трех часов пополудни корабли открыли прицельный огонь из 140-миллиметровых орудий. Первый выстрел Ашинов принял за салют и приказал ординарцу помахать в ответ флагом. Но второй снаряд попал в помещение для семейных, похоронив под обломками двух женщин. В крепости поднялась невообразимая паника. «Атаман», храбрый на словах, под выстрелами совершенно растерялся. Он не попытался даже

вывести людей из-под обстрела, не говоря уже об обороне. Через четверть часа все закончилось. Под дымящимися развалинами навсегда остались шесть человек, из них две женщины и трое детей; еще около двадцати человек были ранены. Перепуганные «казаки» покорно сдались высадившемуся десанту, остатки укреплений взорвали динамитом, и «станица Новая Москва» перестала существовать.

Александр III, узнав о расстреле, сказал по адресу Ашинова, что этот скот получил только то, чего заслуживал. По личному указанию царя после непродолжительного следствия все участники экспедиции были отправлены к месту жительства этапным порядком. Архимандрита Паисия определили в монастырь в Грузии. Ашинова сослали под надзор полиции на три года в один из отдаленных уездов Саратовской губернии, вероятнее всего — в его родной Царицын. Подробностей его жизни там мы не знаем — газетам было предложено воздерживаться от суждений по этому неприятному делу.

Эхо выстрелов в Сагалло отозвалось и во Франции. Министру иностранных дел Спюллеру пришлось отчитываться об инциденте перед парламентом. Сторонники известного шовиниста генерала Буланже, встревоженные перед лицом германской опасности возможным охлаждением в отношениях с Россией, резко осудили действия своего правительства. Их газеты открыли подписку в пользу семей пострадавших.

Казалось бы, ашиновские истории должны были на этом закончиться. Но неугомонный «атаман» еще раз дал о себе знать, объявившись через два года в Париже, где удостоился восторженного приема у буланжистов. Паспорт ему, несмотря на высочайший запрет, выдал старый покровитель — нижегородский губернатор Баранов. На телеграмме о пребывании Ашинова в Париже Александр III, видимо не в силах понять тамошние демократические порядки, удивленно написал: «Отчего они его просто не прогонят из Франции?» По министерству внутренних дел было отдано распоряжение: как только Ашинов появится на границе, арестовать надоевшего авантюриста и отправить прямо в Якутск. Между тем Ашинов, оказывается, не расстался со своей мечтой — Абиссинией. В августе 1891 года он прислал царю письмо из Лондона, где с удивительной наивностью снова предлагал свои услуги для освоения обширной территории в Африке, богатой золотом и драгоценными камнями. Выведенный из себя Александр написал на этом письме крупными буквами: «Записки сумасшедшего».

Больше о Николае Ашинове мы ничего не знаем. Сгинул ли он в Африке, вернулся ли на родину и попал в места «не столь отдаленные» — неизвестно. Но, думается, независимо от этого, его личность не заслуживает забвения. Между прочим, Ашинов ухитрился оставить свой след и в науке, издав в 1888 году в Петербурге «Абиссинскую азбуку и начальный абиссино-русский словарь».

Обучение молодых казаков.

Среди множества исторических ассоциаций, навеваемых сопоставлением нынешнего дня с 1917 годом, одна становится все более явной — идея Всероссийского Учредительного собрания. Еще в марте 1989 года журнал «Родина» провел дискуссию экспертов на эту тему[1]. И «сторонники», условно говоря, и «противники» Учредительного собрания сошлись тогда лишь в признании важности извлечения уроков из этого печального события нашей истории. Никто, однако, не мог подумать, что идея учредительной власти так скоро возродится в обществе, превратившись в актуальный политический лозунг. Поистине, России надо было оказаться на краю экономической и политической бездны, чтобы вернуться к идее, которая в других правовых государствах знаменовала начало их цивилизованной истории. И дабы избежать новых разочарований, полезно вновь обратиться к истории первого в России всенародного представительства, прежде всего к тем ее страницам, которые были либо грубо искажены, либо преданы забвению.

ЛЕВ ПРОТАСОВ,
доктор исторических наук

ХОЗЯИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ГОЛГОФА ПОДВИЖНИЧЕСТВА. Общеизвестно, что идея Учредительного собрания выросла из рожденных эпохой западного Просвещения теорий общественного договора и народного суверенитета. Первые опыты ее практической реализации в конце XVIII века во времена буржуазных революций в североамериканских колониях и во Франции не оставили равнодушными и передовую общественность России. Занесенная революционными ветрами на восточную окраину Европы, в страну самодержавия и крепостничества, идея эта стала своеобразным симбиозом западной политической культуры и российской исторической традиции. Ее национальный вариант отличали две черты. Во-первых, до начала XX века это была элитарная, интеллигентская идея. Во-вторых, в России с ее исторической отсталостью, с феодально-архаической организацией власти и общества, тяготами бюрократического и полицейского произвола она обрела не просто политический, но и социальный, философский смысл.

Общеизвестным и популярным в России лозунг Учредительного собрания сделала революция 1905 года. Именно тогда, 15 ноября 1905 года, лейтенант П. П. Шмидт от имени восставшего Черноморского флота обратился к Николаю II и потребовал *«немедленного созыва Учредительного собрания»*. О популярности лозунга выразительно говорит и тот факт, что едва ли не все возникавшие тогда политические партии в своих программах особо оговаривали отношение к Учредительному собранию, даже если оно было сугубо отрицательное, как, например, у «Союза 17 октября» или промонархической Всероссийской Отечественной партии.

Впрочем, и ряды его поборников не были единодушны. Революционное понимание роли Учредительного собрания как замены царского самодержавия народной властью отнюдь не разделялось умеренно-либеральными деятелями. Они опасались всеобщим избирательным правом открыть дорогу новой форме государственного насилия над обществом, на этот раз во имя социализма. Но как бы то ни было, не приходится отрицать правоту «несвоевременных мыслей» М. Горького, писавшего в январе 1918 года, что *«лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного собрания... В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови»*. К 1917 году эта идея стала символом демократического переустройства общества и, по выражению одной провинциальной газеты, *«Голгофой подвижничества»*.

НОЧЬ В ТАВРИЧЕСКОМ. Советская историография настойчиво подчеркивала, что не было в 1917 году единой идеи Учредительного собрания, ибо каждая партия вкладывала в нее свой смысл. Однако это не так. В ночь на 2 марта в Таврическом дворце лидеры Петроградского Совета и Государственной думы, дабы устранить взаимное соперничество, заключили соглашение о конструировании власти. В его основу лег юридически четкий статус будущего Учредительного собрания: его предстояло избрать всеобщим голосованием («общенародная воля»); оно наделялось исключительными прерогативами в решении главных вопросов государственной жизни, в том числе о форме правления («непредрешение»); оно, наконец, объявлялось суверенным в определении своих задач («хозяин земли русской»). Этим соглашением ограничивались и срок, и сфера полномочий Временного правительства, о чем в тот же день не без снисходительности сообщили «Известия Петроградского Совета»: оградить народ от козней контрреволюции, помочь ему довести революцию до конца, до созыва Учредительного собрания — вот и все его назначение. Брат бывшего императора — Михаил Романов, отрекаясь 3 марта от российского престола, уже ссылался на Учредительное собрание, которое *«установит образ правления и новые основные законы государства российского»*.

Соглашение 2 марта на время стабилизировало политический режим в стране, обуздало амбициозных лидеров экстремистского толка. Престиж Учредительного собрания как высшего общенационального арбитра возрос во всех слоях общества.

«ВСЯ ВЛАСТЬ УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ!» Популярность Учредительного собрания, вопреки позднейшим попыткам приуменьшить ее, в 1917 году была фантастической. Послефевральская революционная эйфория идеально гармонировала с идеей всенародного и всевластного представительства, и призывы такого рода были непременным обрамлением массовых митингов, шествий, собраний. Формула верности Учредительному собранию была внесена в тексты присяги. По словам видного меньшевика Н. Суханова, *«все, кому было до революции столько же дела, сколько до прошлогоднего снега... все рассыпались в своей любви к свободе, в преданности Учредительному собранию»*.

Несколько уточним свидетельство блестящего мемуариста — открыто против Учредительного собрания выступили лишь крайние политические группировки. На правом фланге это были ультрамонархисты типа А. Суворина, не хотевшие поступаться принципами *«самодержавия, православия, народности»*. Слева вели обструкцию анархисты, чьи антигосударственные убеждения образно выражались фразой: *«и у ангела, если дать ему власть, вырастут рога»*.

Лозунг «Вся власть Учредительному собранию!», широко тиражируемый правительственной и партийной пропагандой, обретал едва ли не мистический смысл — как конец всех человеческих страданий. Курьезно и символично в данном отношении решение Кронштадтского Совета, постановившего в августе заключенных в городской тюрьме держать под арестом до созыва Учредительного собрания. С надеждой и смутным волнением ждали этого события крестьяне, жаждавшие помещичьей землицы, солдаты, проклинавшие ненавистную войну. Отнюдь не безразлично было оно и рабочим, если судить по их весьма высокой избирательной активности.

Самой чувствительной к идее Учредительного собрания оставалась интеллигенция. Ее типичный представитель А. Верховский, проделавший в 1917 году феерическую карьеру от армейского офицера до военного министра в правительстве А. Ф. Керенского, позже вспоминал: *«Я надеялся, что свободный народ изберет Учредительное собрание и устроит свою жизнь так, как сам захочет — на началах правды и добра. И то, о чем писал Некрасов, о чем мечтал Толстой и к чему с такой страстностью звала бичующая сатира Салтыкова-Щедрина, станет действительностью»*.

История подготовки Всероссийского Учредительного собрания и есть история самой русской революции во всем многообразии ее противоречий и конфликтов. Но то, что в других странах и революциях разрешалось поэтапно, по частям, в России 1917 года приняло обвальный характер. *«Никогда и нигде не бывало,* — писал М. Вишняк, секретарь, а затем и историк Учредительного собрания, — *чтобы стране приходилось решать одновременно такое множество сложнейших и насущнейших вопросов — политических, экономических, социальных, национальных, которые сгрудились со всех концов необъятной и разноплеменной России... Эти трудности неимоверно осложнялись обстановкой мировой войны»*. И, добавим, каждый просроченный день умножал бремя проблем, уменьшая, подобно шагреневой коже, исторические перспективы самого Учредительного собрания.

Но мог ли кто-то в марте 1917 года предположить, что до него так далеко?! Оптимисты отводили на все до трех месяцев, пессимисты — не менее полугода, учитывая особые условия страны и военное время. Впрочем, слишком раннего срока выборов не желали даже большевики, опасавшиеся не успеть развернуть свои боевые силы и агитацию. Эсеры полагали, что выборы надо провести по окончании полевых работ в деревне, то есть осенью. Свою лепту в замедление всего избирательного дела внесло и Временное правительство, хотя в декларациях всех его составов (от 3 марта, 6 мая, 8 июля и 26 сентября) как магическое заклинание повторялось обещание безотлагательно созвать Учредительное собрание. По признанию В. Набокова, занимавшего пост управляющего делами правительства, будь у правительства реальная сила, оно отложило бы этот вопрос до окончания войны.

Однако главная причина оттяжки выборов и созыва Учредительного собрания крылась все же не в чьих-то происках или просчетах, а в поистине гигантских организационно-технических трудностях, осложненных и неоконченной мировой, и исподволь разгоравшейся гражданской войной. Это и необозримые евразийские пространства, разъединенные бездорожьем и речным ледоставом, и острая нехватка бумаги для проведения выборов, и безграмотность десятков миллионов избирателей. Даже для участковых избирательных комиссий, а их было 112 тысяч, не везде находились грамотные люди.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН. Подготовленный виднейшими юристами страны избирательный закон стал, по общему признанию, перлом законотворчества. Пропорциональная система выборов, право голоса для женщин, для военнослужащих, для всех национальностей, низкий возрастной ценз (21 год, а в армии — 18 лет), отсутствие ограничений по образованию, имуществу, оседлости и пр. — все это явилось образцом демократии для других стран, основой для выборов в национальные Учредительные собрания ряда государств, возникших на месте бывшей Российской империи. Но, как ни странно, совершенство закона обернулось в итоге против него же, избирательная демократия «не сработала».

Обращаясь вновь и вновь к логике русской революции, к ее духу равенства как уравнительности, планетарного мессианизма, понимаешь, однако, что иначе быть и не могло. Всякое ограничение избирательной демократии, сулившее экономию времени, истолковывалось как происки против революции. Все слои населения, по свидетельству М. Вишняка, боялись быть обойденными в будущем Учредительном собрании. Многостепенная система выборов в деревне, по

образцу выборов в Государственные думы, сберегла бы не один месяц, но она даже не рассматривалась — как недемократичная. В результате выборы в Учредительное собрание стали одновременно и вершиной политической демократии в России, и ее лебединой песней.

Характерно, что оба состоявшихся в этот период переворота — и неудачный корниловский в конце августа, и успешный большевистский в конце октября — не ставили под сомнение права Учредительного собрания, по крайней мере внешне. Генерал Корнилов свои действия мотивировал *«необходимостью довести народ до Учредительного собрания, на котором он сам решит свою судьбу и выберет уклад своей новой государственной жизни»*. Совнарком во главе с Лениным, получив от Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов полномочия *«впредь до созыва Учредительного собрания»*, сразу же подтвердил установленные Временным правительством сроки выборов (12—14 ноября) и дату созыва Учредительного собрания (28 ноября) и предписал местным органам власти всемерно содействовать проведению выборов в стране. Нелишне напомнить, что и вооруженное восстание большевики готовили, дабы обеспечить созыв законодательной ассамблеи вопреки намерениям правительства сорвать его.

ЖДАТЬ... ЗНАЧИТ УСЛОЖНЯТЬ. До осени 1917 года общество мало занимало отношение большевиков к Учредительному собранию, но после 25 октября оно стало решающим фактором. Тактическая линия партии в целом направлялась лично Лениным, исходившим, несомненно, из идеи превосходства пролетарской демократии в лице Советов над буржуазным парламентаризмом с Учредительным собранием во главе. Но, как революционный прагматик, Ленин не думал отказываться от тех политических выгод, которые были с ним связаны (в частности, свобода предвыборной агитации, особенно в трудные для большевиков послеиюльские дни), учитывал разные варианты развития событий, не исключая и легитимации Учредительным собранием власти Советов. Гипотетически он мог оказаться и на стороне Собрания, если бы оно большевизировалось раньше, чем Советы. На заседаниях ЦК 10 и 16 октября Ленин резко отмел возражения Л. Каменева и Г. Зиновьева в пользу Учредительного собрания, за парламентский способ решения вопроса о власти. *«Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу»*[2] — эта фраза Ленина важна не только потому, что подтверждает, что он не разделял оптимизма своих оппонентов относительно исхода выборов. В ленинской технологии захвата власти незримо присутствовало стремление упредить выборы. В самом деле, выступить с оружием против уже избранного всенародно представительства, не располагая при этом силовыми рычагами власти, значило «усложнить» задачу до степени политической авантюры.

Однако, когда он в октябрьские дни предложил отсрочить выборы в Учредительное собрание, соратники его не поддержали. Я. Свердлов и другие связанные с провинцией функционеры не без оснований опасались, что отсрочка будет воспринята как ликвидация. Со своей стороны, левые эсеры в качестве условия своего вхождения в состав Совнаркома настаивали на обязательном открытии Учредительного собрания.

Оставалась надежда, что большевики если не самостоятельно, то с помощью левых эсеров смогут контролировать его деятельность. Новоиспеченный большевик Ю. Ларин (Ленин резко протестовал против включения его в кандидатские списки от большевиков) ничтоже сумняшеся предсказывал, что в Учредительном собрании будет около 350 большевиков и левых эсеров и около 200 *«кадетов и прочих Родзянок»*. Эти надежды подогревались и первыми итогами голосования в городах, ранее всего в Петрограде, где большевикам сопутствовал крупный успех — 6 мандатов из 12. Ожидалось, что голосование в столице станет избирательным камертоном для провинции.

НАРОД ГОЛОСУЕТ... Пора, однако, от партийно-политических хитросплетений вокруг Учредительного собрания обратиться к тому, что составляло истинную суть и смысл всего дела — к голосованию.

Первый исследователь голосования в Учредительное собрание — Н. В. Святицкий еще в 1918 году писал: *«Итоги выборов — это важнейшие цифры, вписанные народом в книгу своей истории»*[3]. Но и поныне эти итоги напоминают не завершенную художником картину, вызывая чувство досады: и потому, что в любой цивилизованной стране первые свободные всеобщие выборы стали бы предметом законной гордости, и потому, что осталось мало надежд на полную реставрацию этой картины.

Выборы растянулись на добрых три месяца. Начались они досрочно, 29 октября, на Камчатке, дабы избранник 20 тысяч жителей пустынного полуострова успел последним пароходом отбыть на материк. Последний аккорд затянувшейся выборной симфонии прозвучал в начале февраля 1918 года в Екатеринодаре, где кубанская краевая рада не признала роспуска большевиками Учредительного собрания.

Выборов такого масштаба прежде в мировой практике не было. По расчетам экспертов (в их числе были известные статистики А. Кауфман, А. Лосицкий и др.), численность избирателей, без учета занятых неприятелем территорий, достигала 85 млн. Но там, где выборы состоялись, эта цифра составила 80 млн., из них участвовали в голосовании около 50 млн. Явка на выборы примерно 63 процентов избирателей — высокий показатель.

Нашими многолетними поисками, самыми полными, но, увы, далеко не исчерпывающими, суммарно зафиксированы 47.176.255 действительных голосов. Не сохранились итоговые данные по таким крупным избирательным округам, как Бессарабский, Херсонский, Терско-Дагестанский, Степной (включал Акмолинскую и Семипалатинскую области). В Сыр-Дарьинском, Аму-Дарьинском и Закаспийском избирательных округах Туркестана выборы не состоялись.

Сводные итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 75 избирательных округах (из 81) таковы:

	Списки	Голоса	Мандаты
Эсеры (русские)	19076635	40,4%	347
Большевики	10950887	23,2%	178
Меньшевики	1380693	2,9%	18
Народные социалисты	374518	0,8%	3
Прочие социалисты*	6704879	14,2%	111**
Кадеты	2172207	4,6%	14
Правые	279227	0,6%	—
Земельные собственники	191109	0,4%	—
Торгово-промышленники	36941	0,1%	—
Кооператоры	28913	0,1%	
Конфессии	301585	0,6%	1
Автономисты (национальности)	3649001	7,8%	68
Казаки	1024488	2,2%	16
Прочие	1086172	2,1%	10
Итого	47176255	100,0%	766

Несмотря на неблагоприятную политическую атмосферу, в целом выборы проходили свободно. Даже арестованные министры Временного правительства, сидевшие в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, получили право голосовать. Правда, нарушений избирательной демократии было немало, особенно в деревне со стороны большевизированных солдат. Впрочем, не настолько, чтобы поставить под сомнение общие результаты выборов в любом из округов. Лишь в Ордынском округе итоги не были подведены из-за ареста местным ВРК окружной избирательной комиссии. Два мандата от кочевых казахских племен Астраханского Заволжья остались невостребованными. Можно сказать, что результаты выборов вполне соответствовали уровню правосознания общества.

Голосование граждан независимо от их партийной окраски показало положительное отношение к Учредительному собранию. Среди многих задач, стоявших перед последним, на передний план объективно вышло главное — сохранить гражданский мир в стране, и само Собрание было его залогом.

Избиратели голосовали в основном по партийному принципу. Правда, большинство весьма смутно разбиралось в партийных программах, отождествляя их с наиболее броскими лозунгами.

Как ни парадоксально, ни одна из ведущих партий не была вполне удовлетворена итогами голосования. Даже у эсеров, завоевавших более половины мест по сравнению с летне-осенними выборами в органы местного самоуправления, позиции сильно поколебались. К тому же эсеровское учредиловское большинство распалось на несколько остро конкурирующих фракций. «Русские ведомости» 1 декабря писали: *«Взятая в целом партия социалистов-революционеров представляет в данный момент очень пеструю величину. В ней есть элементы ничем, кроме названия, не отличающиеся от большевиков, есть и противоположные течения, стоящие на строго государственной точке зрения»*.

Отметим неудачу левых эсеров. Вместо ожидаемых 80—100 мест в Учредительном собрании они получили не более 40. Судьба партии, пытавшейся сидеть сразу на двух стульях, и трагична, и поучительна. Бывшие соратники по эсеровскому движению левых эсеров третировали, по словам одной газеты, за *«глупую и унизительную роль придворных критиков их величеств Ленина и Троцкого»*. Большевики же относились к ним как к попутчикам и младшим партнерам, не всегда считаясь с ними и вместе с тем «прикармливая». Любопытная деталь: приехавшие на Учредительное собрание большевики и левые эсеры проживали в гостинице «Астория», отдельно от других депутатов, разместившихся в общежитии на Большой Болотной улице. Сохранилось несколько подписанных М. Урицким ведомостей на выдачу членам левоэсеровской фракции «дефицита» (одежда, обувь, ткани, постельное белье)[4]. Среди облагодетельствованных комиссаром-большевиком — такие видные деятели левых эсеров, как В. Е. Трутовский, А. Л. Колегаев, И. А. Майоров, всего свыше тридцати человек.

Полное фиаско потерпели меньшевики, которые больше половины своих мандатов получили в Грузии. Слабым утешением для них было сознание правоты в том, что Россия «не созрела» для пролетарской революции, для социализма. Скромный итог кадетской партии вновь обнаружил прокорниловскую, «буржуазную» репутацию ее в глазах массового избирателя, а заодно и слабость всего либерального движения, не сумевшего удержать страну на рельсах конституционализма. Полный крах потерпели правые силы там, где они решились выступить открыто на выборах.

Но самым сенсационным был исход голосования за большевиков, тем более что после 25 октября оно приняло характер плебисцита об отношении к их власти. В этом смысле 23% голосов нельзя расценить иначе как вотум недоверия явного большинства избирателей. Шокированы были даже те лидеры партии, которые не обнадеживались общим исходом выборов. По свидетельству Л. Троцкого, Урицкий делал секретный доклад в ЦК по поводу поражения большевиков на рабочем Урале: *«Урал не оправдал наших ожиданий. В местах, отдаленных от центров революционной работы, Учредительное собрание пользуется большой популярностью»*.

Поражение правящей партии требовало приличествующего случаю объяснения, приемлемого если не для политических противников, то хотя бы для единомышленников. Его и дал Ленин в «Тезисах об Учредительном собрании». Он утверждал, что народ еще не успел разобраться в политике новой власти, что сохранение единых эсеровских списков исказило результаты голосования не в пользу левых эсеров, да и вообще в обстановке гражданской войны вопросы не могут быть решены формально-юридическим спосо-

* Единые списки социалистов и национальных партий социалистического спектра.

** В том числе 88 украинских социалистов, в основном эсеров.

бом голосования. Спустя ровно два года, в декабре 1919 года, в другой известной своей статье, «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», Ленин даже не упомянул этих аргументов, признав адекватность итогов выборов политическим настроениям в обществе.

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ФИЛЬТР. Одновременно большевики пытались фильтровать состав будущей ассамблеи (Ленин был убежден, что состав Учредительного собрания будет зависеть от того, кто его созовет). 6 ноября Совнарком направил во Всероссийскую комиссию по выборам В. Бонч-Бруевича с ленинским мандатом, но комиссия отказалась вступать в какие-либо сношения с непризнаваемым ею правительством. Из визита Бонч-Бруевича В. Набоков, председательствовавший в тот день во Всевыборах, вынес впечатление, что большевики убеждены, будто комиссия прямо влияет на исход выборов. После этого Совнарком поручил уже И. В. Сталину и Г. И. Петровскому взять в свои руки дела комиссии. Члены Всевыборов были вначале арестованы «за саботаж», затем освобождены, но смещены со своих постов. Комиссаром по делам Учредительного собрания был назначен М. Урицкий. Общественность, пресса расценили это как прозрачный намек на судьбу самого Учредительного собрания, если оно проявит строптивость.

Принимались и другие меры. 21 ноября ЦИК, который с уходом правых эсеров и меньшевиков стал пробольшевистским, принял декрет об отзыве депутатов. Воспетый советскими юристами и историками, он был типичным образчиком «революционного права», ибо фактически отзыв избранных населением депутатов передавал власть Советам. Впрочем, реальных последствий эта мера не имела, а поспешные действия отдельных провинциальных Советов носили скорее курьезный характер и попросту игнорировались депутатами. Смоленский Совет, к примеру, «отозвал» правую эсерку Е. Брешко-Брешковскую, «бабушку русской революции», отсидевшую в царских тюрьмах, на каторге и в ссылке 22 года, которую избрали... в Черниговской губернии.

Наконец, 28 ноября издается декрет об аресте вождей гражданской войны против революции, объявлявший кадетов партией врагов народа и по существу ставивший их вне закона, вне Учредительного собрания. Декрет приняли вечером, но уже ранним утром того же дня были арестованы кадетские депутаты Ф. Кокошкин, А. Шингарев, П. Долгоруков, а немного позднее учредиловцы из числа правых эсеров — Н. Авксентьев, А. Аргунов, В. Филипповский, П. Сорокин... Депутатская неприкосновенность на глазах превращалась в фикцию. В оправдание своих действий большевистские лидеры заявляли, что признают депутатский иммунитет лишь с того момента, когда его подтвердит Учредительное собрание.

Добавим, что и комиссар Учредительного собрания М. Урицкий понимал свою роль по-большевистски. Об этом говорит обнаруженный нами документ с грифом «секретно» за его подписью. В нем Урицкий препровождал в Чека две телеграммы, полученные из Одессы петроградским комитетом защиты Учредительного собрания, с предложением организовать всероссийскую акцию в поддержку народного представительства[5]. Не с этого ли началась недолгая чекистская карьера Урицкого, оборванная выстрелом студента Л. Канегиссера?

РЕПЕТИЦИЯ ФИНАЛА. Ко дню открытия Учредительного собрания — 28 ноября — вместо ожидаемых 500—600 депутатов были избраны лишь 173, приехать же в Петроград смогли не более ста. О правомочности столь узкого состава не могло быть и речи, и Совнарком воспользовался ситуацией, чтобы перехватить инициативу: своим декретом от 26 ноября он установил, что открыть Собрание может только уполномоченный СНК и при кворуме в 400 депутатов. В Петроград были вызваны несколько тысяч вооруженных матросов, Таврический дворец окружен латышскими стрелками, блокированы редакции газет. Проделав все это, большевики, с одной стороны, представили себя защитниками суверенного Учредительного собрания против партийной узурпации, с другой — попытались ограничить демонстрации в его поддержку, фактически прорепетировав будущий разгон Учредительного собрания.

Его судьбу окончательно решил определившийся не в пользу большевиков исход голосования. В большевистской прессе усиливались нападки на Учредительное собрание. Победа жесткого курса в отношении Учредительного собрания в большевистских верхах увенчалась двумя важными событиями, происшедшими 12 декабря: сменой бюро фракции (Л. Каменев, Д. Рязанов, В. Милютин и др.), стоявшего за чисто парламентскую деятельность, не подчиненную ЦК, и принятием ленинских «Тезисов об Учредительном собрании».

Не последнюю роль сыграла и поддержка большевистского экстремизма со стороны левых эсеров, крайне разочарованных своим поражением на выборах. По воспоминаниям Л. Троцкого, их старейшина М. Натансон неожиданно заявил: *«А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой».* — *«Браво!»* — воскликнул Ленин. — *Что верно, то верно! А пойдут ли на это ваши?»* Натансон заверил, что пойдут, хотя некоторые колеблются. 23 декабря орган левых эсеров «Знамя труда» уже высказывался без обиняков: *«Тот, кто стоит за избирательное право для буржуазии, на самом деле стоит за самую буржуазию»*.

Все сомнения относительно намерений большевиков отпали, когда постановлением ЦИК на 5 января было назначено открытие Учредительного собрания, а на 8 января — III Всероссийский съезд Советов, дабы, как говорилось там, *«всей организованной силой Советов поддержать левую половину Учредительного собрания против его правой, буржуазной и соглашательской половины»*. Неясными оставались лишь детали операции. Хотя правоэсеровская «Воля народов» еще 21 декабря уверенно предсказала ее сценарий: *«5-го они откроют и 5-го же закроют Учредительное собрание. Но сделают это не от своего имени, а от имени фальсифицированного съезда Советов. Разогнав Учредительное собрание, они подставят вместо него съезд Советов и таким образом ликвидируют хозяина земли русской»*.

НАРОД БЕЗМОЛВСТВОВАЛ... К открытию российской Конституанты выбор большевиков определился. Упредив Учредительное собрание в решении жизненно важных для страны вопросов о земле, мире, они использовали это как главный аргумент для удержания власти в своих руках. Всякий компромисс с ним, вроде создания коалиционного социалистического правительства, означал утрату части, если не всей этой власти. Это и объясняет подчеркнуто грубую форму устранения большевиками Учредительного собрания — это и расстрел уличной демонстрации 5 января, совершенно неадекватный ее мирному характеру (было убито до 20 человек, десятки ранены), это и открыто конфронтационные речи ораторов от фракции Н. Бухарина и И. Скворцова-Степанова, это и беспардонное поведение солдат, матросов и прочей публики, приглашенной большевиками в Таврический дворец в качестве «гостей».

Нет смысла пересказывать ныне всем известные перипетии первого и единственного заседания Учредительного собрания 5 января.

Какое-то время большевики испытывали беспокойство, пока не определилась реакция населения на это событие. Одно дело — устранение легитимного, но непопулярного Временного правительства, другое — разгон Учредительного собрания. Лучше всех других фактов об этом говорит дошедший до нас в передаче писателя К. Икрамова рассказ Н. И. Бухарина о тяжелом нервном стрессе, случившемся у Ленина в ту памятную ночь на 6 января: *«В ту ночь мы боялись, что мы его потеряем»*[6].

Но в целом расчет большевиков оказался верным: роспуск Учредительного собрания не вызвал массового движения протеста.

Было бы наивно думать, что большевики одной лишь силой навязали народу свою волю. Они не смогли бы захватить и удержать власть, если бы не уловили в свои политические паруса порывы массового радикализма. Философы давно заметили важную закономерность возникновения тоталитаризма: он вырастает на гребне массового активизма, несущего в себе не только демократический заряд, но и зерна антидемократизма, опасность охлократии.

Значит ли это, что Россия XX века была обречена на тоталитаризм, как часто говорят и пишут ныне? Из того, что демократический вариант с Учредительным собранием не состоялся, вовсе не следует, что страна шла по строго предписанному историческим роком пути. И демократические выборы, и созыв Учредительного собрания, и возрождение этой идеи в современных условиях говорят, что ростки представительной демократии в России сохранились и выжили.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Родина. 1989. № 3.
2. Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 392.
3. Святицкий Н. В. Год русской революции (1917—1918 гг.). М., 1918. С. 105.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 18.
5. Там же. Л. 244.
6. Знамя. 1989. № 5. С. 78.

Выборы въ Государств. Думу въ провинціи.

(Въ г. Ростовѣ на Дону)

У подъѣзда ростовскаго клуба. Группа агитаторовъ, слѣва — „народ. свободы", справа — „союза 17 октября".

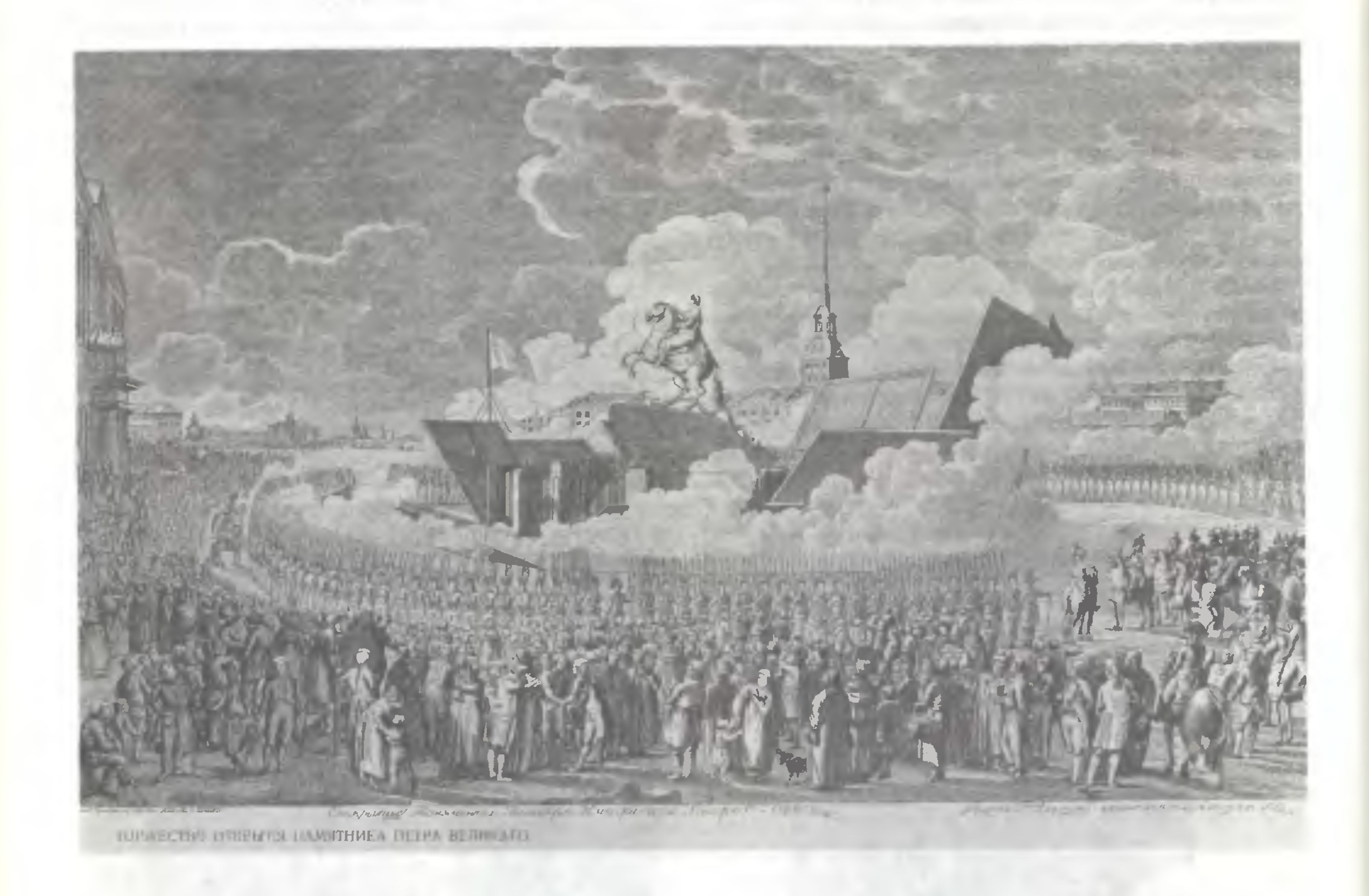

Группа избирателей и агитаторовъ у зданія

Все, кто интересуется российской историей, хорошо помнят замечательные книги профессора Н. И. Павленко об эпохе Петровских преобразований: «Петр Великий», «Полудержавный властелин», «Птенцы гнезда Петрова». Новая рукопись ученого, предоставленная журналу «Родина» для публикации в нескольких номерах, посвящена дворцовым интригам, заговорам, переворотам XVIII—XIX веков, последовавшим за смертью первого российского императора.

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук

СТРАСТИ У ТРОНА

XVIII век проходил под стягом Петра Великого: его именем преемники клялись непрестанно — и когда действовали сообразно духу его преобразований, и когда поступали совсем наоборот. Отметим одно существенное отличие Петра от его преемников. Петр в своей повседневной деятельности последовательно и неукоснительно руководствовался идеей служения государству, в то время как его преемники, до Петра III включительно, ограничивались всего лишь ее декларированием. Петр служил государству на всех поприщах, где требовалось его властное вмешательство: на полях сражений и за столом дипломатических переговоров, с топором в руках и за сочинением указов и регламентов, за конструированием кораблей и изобретением новой азбуки. Преемники Петра служили себе...

Глава I
ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ

Екатерина I принадлежит к женщинам редчайшей судьбы — по крайней мере, отечественной истории неведомы случаи, чтобы безвестная пленница, бесспорно принадлежавшая к низам общества, стала супругой императора и после смерти его водрузила на голову императорскую корону. Происхождение будущей императрицы нельзя считать твердо установленным. Хотя некоторые историки и называют ее Мартой Скавронской, но принять эту версию безоговорочно нет оснований.

О родителях будущей императрицы современники-иностранцы сообщают разноречивые сведения, большей частью основанные на слухах. Одни считали ее прижитой крепостной матерью от помещика, другие уверяли, что она осиротевшая дочь шведского подполковника и жила в рижском приюте, третьи полагали, что она рижская уроженка.

Еще при жизни Петра Великого стали разыскивать родню императрицы. Был обнаружен Карл Скавронский, выдававший себя за брата Екатерины. Петр, однако, сомневался в достоверности показаний Карла и велел держать его под караулом. Другого брата звали Фридрихом.

Список лиц, пожелавших породниться с императрицей, значительно возрос после воцарения Екатерины, когда объявились две родные сестры ее: Анна, бывшая замужем за Михаилом Якимовичем, и Христина, в замужестве Гендрикова. Императрица обласкала так называемых родственников, однако почему-то не всех, а только братьев Карла и Фридриха, возведенных в графское достоинство указом от 5 января 1727 года. Анну и Христину Екатерина этой чести не удостоила. Они вместе с мужьями и детьми пополнили список российских графов при дочери Екатерины императрице Елизавете Петровне. В итоге появилось три новые графские фамилии, возведенные в это достоинство из крепостных крестьян Лифляндии: Скавронские, Ефимовские и Гендриковы.

Первые достоверные сведения о Марте датируются 25 августа 1702 года, когда русские войска под командованием Бориса Петровича Шереметева овладели крепостью Мариенбург. Среди захваченных фельдмаршалом трофеев находилась семья пастора Глюка, при которой состояла служанка Марта. Накануне прихода русских под Мариенбург она была обвенчана с драгуном, которого, согласно молве, во время брачного пира срочно вызвали в Ригу.

Пастора Эрнста Глюка, владевшего русским языком, Шереметев отправил в Москву, где он был представлен Петру, повелевшему ему открыть в столице гимназию. Красавицу Марту Шереметев оставил у себя, у того пленницу выпросил Меншиков, а у последнего ее заметил царь. С 1703 года она стала его фавориткой. Возможно, Меншиков сознательно «навел» царя на Екатерину и способствовал их сближению — у Александра Даниловича не сложились отношения с первой фавориткой царя Анной Монс, и он надеялся, что царь отдаст предпочтение новой возлюбленной, всецело обязанной ему своим положением.

Из косвенных данных следует, что Марта родилась в шведских владениях. Свидетельства исходят от царя: Петр, как известно, ежегодно отмечал взятие древнерусского Орешка, по-шведски Нотебурга, переименованного царем в Шлиссельбург. 11 октября, находясь в Шлиссельбурге, Петр писал супруге: «Поздравляю вам сим счастливым днем, в котором русская нога в ваших землях фут взяла, и сим ключом много замков открыто». В десятую годовщину Полтавской виктории, 27 июня 1719 года, Петр писал: «Чаю, я вам воспоминанием сего дня опечалил». Оба письма недвусмысленно намекали на прибалтийское происхождение бывшей пленницы.

В чем секрет благосклонности царя к незаметной женщине, долгое время бывшей у него наложницей? Однозначно ответить на поставленный вопрос невозможно. Одно можно сказать с полной уверенностью: Екатерина покорила Петра не умом, не проницательностью, не способностью подавать советы по военной, гражданской и дипломатической части. Она сделалась незаменимой благодаря удачному сочетанию нередко исключающих друг друга человеческих и женских качеств: врожденный такт позволял ей, с одной стороны, раствориться в воле супруга, быть беспредельно послушной, а с другой — не дать помыкать собою. Только Екатерина, в тонкости постигшая характер своего сурового и вспыльчивого супруга, была способна успокоить и укротить его разбушевавшуюся натуру. Этот же такт позволял бывшей служанке с легкостью усвоить придворный этикет и не чувствовать комплекса неполноценности в обществе иностранных дипломатов. «Царь, — писал современный наблюдатель, — не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею». Супруга Петра отличалась богатырским здоровьем, позволявшим ей без труда переносить изнурительную походную жизнь и по первому зову царя преодолевать многие сотни верст бездорожья. Она обладала незаурядной физической силой. Камер-юнкер Берхгольц, наблюдавший жизнь двора в 1721—1724 годах, описал в своем дневнике красноречивый эпизод. Однажды царь велел своему денщику Бутурлину поднять на вытянутой руке большой маршальский жезл. Тому это оказалось не под силу. «Тогда его величество, зная как сильна рука у императрицы, подал ей через стол свой жезл. Она привстала и с необыкновенной легкостью несколько раз подняла его над столом прямой рукою, что всех нас немало удивило» (Дневник, ч. 2. М., 1903. С. 126—127).

Содержание писем Петра к Екатерине позволяет вычленить два периода в отношении к ней царя: первый охватывает время с 1703 по 1711 год, когда Екатерина была наложницей царя. Письма этого времени отличаются лаконичным содержанием и грубым тоном, они, как правило, содержат повеление возлюбленной прибыть к нему на свидание. Вот письмо Петра из Жолквы от 6 февраля 1707 года: «Госпожа тетка и матка, как к вам сей доноситель приедет, поезжайте сюды немедля». «Матка» — так обращался Петр к Екатерине. Под «теткой» подра-

зумевалась Анисья Толстая — женщина, приставленная царем для присмотра за своей возлюбленной.

После помолвки в 1711 году, грубое и властное «Здравствуй, матка» заменено на «Катеринушка, здравствуй». С 1716 года царь употреблял самое нежное приветствие: «Катеринушка, друг мой сердешненькой, здравствуй!» Изменил слова обращения к Екатерине и А. Д. Меншиков. Вначале он писал ей: «Катерина Алексеевна! Много лет, о Господе, здравствуй». С апреля 1711 года фамильярное обращение сменилось официальной титуратурой: «Всемилостливейшая государыня царица». Изменения связаны с помолвкой Петра с Екатериной накануне отправления в Прутский поход. Сама же свадьба состоялась почти год спустя — 19 февраля 1712 года в церкви Исакия Далмацкого. В честь этого события царь выточил паникадило, над которым трудился свыше полутора месяцев. Царь венчался как контр-адмирал, поэтому все почетные должности исполняли не гражданские сановники, а морские офицеры и их жены.

С наследниками у Петра явно не ладилось: старший сын Алексей от нелюбимой первой супруги погиб при загадочных обстоятельствах в 1718 году. После его смерти царь объявил наследником «шишечку» — Петра Петровича, сына Петра и Екатерины, родившегося в 1715 году.

С кончиной маленького царевича в апреле 1719 года вновь встал вопрос о наследнике. Кому передать трон, а вместе с ним и судьбу преобразований?

После долгих сомнений и размышлений Петр остановил свой выбор на супруге и осуществил три акта, долженствовавшие подготовить подданных к восприятию замысла. Первый из них мы связываем с обнародованием в 1722 году Устава о наследии престола. Этот акт отменил «недобрый обычай», по которому старший сын автоматически становился наследником престола. Устав отменял принцип первородства и назначение наследника ставил в зависимость от воли «правительствующего государя», причем рукой Петра в окончательной редакции Устава внесено существенное дополнение: государь, назначив преемника, мог изменить свое решение, если обнаружит, что наследник не оправдывает его надежд. Царь придавал этому акту огромное значение, видимо не рассчитывая на беспрекословное его выполнение вельможами после своей смерти, и поэтому обязал их свято его блюсти клятвенным обещанием: «... и тот его величества Устав истинный и праведный признаваю и по силе того Устава определенному в наследство во всем повиноваться... и во всяком случае за оного стоять с положением живота своего буду...» Сопротивление объявленному порядку приравнивалось к измене и влекло смертную казнь. Под клятвенным обещанием 12 подписей, среди которых две принадлежат духовным лицам и девять — сенаторам. Список сенаторов возглавил Меншиков.

Второй шаг в этом направлении связан с обнародованием в 1723 году Манифеста с обоснованием прав Екатерины на титул императрицы. Екатерина Алексеевна в качестве супруги императора носила титул императрицы, но Петр пожелал поднести ей этот титул независимо от прав, которые предоставляли ей семейные отношения. В случае смерти Петра она оказалась бы не императрицей, а вдовствующей императрицей. Царь не скупился на похвальные слова Екатерине, объявляя, что она была его постоянной помощницей, терпела лишения походной жизни. Справедливости ради заметим, что Петр располагал крайне скудными данными, способными убедить читателей Манифеста в активной государственной деятельности Екатерины. Пришлось ограничиться единственным конкретным примером — упоминанием об ее участии в Прутском походе, а остальные заслуги претендентки на титул императрицы скрыть за туманной фразой о том, что она ему была во всем «помощницей» (ПСЗ. Т. VII. С. 161, 162).

Екатерина действительно участвовала в Прутском походе. Молва, впрочем не подтвержденная источниками отечественного происхождения, связывала заключение Прутского мира с действиями Екатерины, пожертвовавшей для подкупа везира все свои драгоценности.

Сильно преувеличивал Петр и роль супруги в качестве своей помощницы. Сохранилось 160 писем царя к супруге, из них только в шести он обращается к ней с просьбами-поручениями, причем все они столь ничтожны, что не дают ни малейшего основания зачислять ее в помощницы. В июле 1715 года царь пригласил супругу в Ревель и попросил ее, чтобы она в пути присмотрела в дворцовых владениях место, «где заводу стеклянному быть и двору для приезду удобно быть». Другие просьбы были и того мельче: об изготовлении корабельной постели для супруга, о том, чтобы, едучи в Ладогу, прихватила чертеж 90-пушечного корабля, уговорила прусского короля согласиться позировать русскому художнику Ивану Никитину и др.

7 мая 1724 года состоялся третий, заключительный этап подготовки к провозглашению Екатерины Алексеевны наследницей престола — коронационные торжества. Еще в феврале Петр с супругой отправился принимать лечение минеральными водами, а в марте весь двор, сенаторы, генералитет, президенты коллегий, иностранные дипломаты по последнему санному пути отправились в Москву, чтобы участвовать в церемонии коронации. Старая столица, много десятилетий не видевшая такого скопления вельмож, лихорадочно готовилась к торжествам. Дамы волновались в поисках портных, чтобы изготовить богатые робы, вельможи беспокоились о месте, отведенном каждому из них в церемонии — далеко или близко к подножию трона, чиновники помельче были озабочены изобретением способов, как обратить на себя внимание царственной четы. Но более всех волновались два человека — Петр Андреевич Толстой, главный распорядитель торжества, и бывшая прачка Марта. Для нее была изготовлена мантия из парчи с вышитым на ней двуглавым орлом, подбитая горностаем; из Парижа доставили роскошную карету.

Самой главной достопримечательностью церемонии должна была стать корона, специально изготовленная для Екатерины. «Корона нынешней императрицы, — записал камер-юнкер Берхгольц, которому показали другие короны, в том числе и корону Петра Великого, — много превосходила все прочие изяществом и богатством; она сделана совершенно иначе, то есть так, как должна быть императорская корона, весит 4 фунта и украшена весьма дорогими каменьями и большими жемчужинами... Делал ее, говорят, в Петербурге какой-то русский ювелир».

Церемония коронации происходила в Успенском соборе, где короновали всех монархов из дома Романовых. В собор под звон всех московских колоколов и звуки полковых оркестров, расположившихся на дворцовой площади Кремля, в 11 часов прибыла царская чета. У входа Петра и Екатерину приветствовали высшие духовные чины в богатейших облачениях. Артиллерийские залпы возвестили, что царь самолично возложил корону на голову стоявшей на коленях Екатерины, а придворные дамы прикрепили мантию.

На следующий день императрица принимала поздравления. «В числе поздравителей находился и сам император». Он, как писал Берхгольц, «в соответствии со своим чином полковника Преображенского полка и общевойскового генерал-лейтенанта по порядку старшинства принес свое поздравление императрице, поцеловал ей руки и губы». Коронованной Екатерине было дозволено совершить несколько самостоятельных актов. Одним из них она возвела устроителя торжественной церемонии П. А. Толстого в графское достоинство (Берхгольц. Дневник, ч. 4. С. 48).

Ход мыслей царя был предельно прост и ясен. Вряд ли он обнаружил у своей супруги качества мудрого государственного деятеля, способного без колебаний продолжать начатое им дело. Но у Екатерины было одно существенное преимущество, отсутствовавшее у прочих претендентов на корону: окружение царя было одновременно и окружением царицы, и, быть может, она, опираясь на это окружение, будет вести государственный корабль старым, обозначенным им курсом. У Петра теплилась, и не без оснований, надежда не столько на не отличавшуюся твердым характером супругу, сколько на оставшихся при ней соратников.

Естественно было ожидать, что Петр при жизни воспользуется им же установленным правом царствующего государя назначить по своему выбору преемника и объявит наследницей супругу. Этого, однако, не случилось. Молва, в которой, на наш взгляд, много правдоподобного, приписывала отсутствие завещания супружеской неверности Екатерины.

Петр, как известно, страдал заболеванием по части урологии — болезнь давнишняя, от которой он много лет подряд пытался избавиться, принимая воды в Карлсбаде, из отечественных источников близ Петрозаводска (Марциальные воды — первый курорт в России) и Угодских заводов близ Тулы. Воды приносили облегчение, но не избавляли от болезни. Последнее ее обострение, оказавшееся смертельным, произошло в начале сентября 1724 года. Непоседливому царю не сиделось дома, и он, не оправившись, вопреки предписанию врачей, отправился в шесть утра 9 октября в последнее в своей жизни продолжительное путешествие по маршруту: Шлиссельбург — Ладожский канал — Старая Русса. В Шлиссельбурге он присутствовал на традиционном празднике по случаю овладения крепостью. Работы на детище царя — Ладожском канале — осуществлялись крайне медленно. За пять лет, когда его сооружением руководил Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, удалось прорыть только 12 верст. Под началом Миниха дело пошло успешнее — за год было прорыто пять верст, причем расходы на строительство значительно сократились. В Старой Руссе его интересовали соляные варницы, снабжавшие солью северо-запад страны.

В Петербург царь вернулся 27 октября, а одиннадцать дней спустя был арестован 30-летний щеголь Монс, брат Анны Монс, бывшей фаворитки царя. Вилим Монс занимал должность камергера Екатерины и одновременно заведовал ее вотчинной канцелярией. «Это арестование камергера Монса тем более поразило всех своею неожиданностью, — свидетельствует Берхгольц, — что он еще накануне вечером ужинал при дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревая и тени какой-нибудь немилости».

Напомним, в месяцы, предшествовавшие аресту Монса, между Петром и Екатериной сохранялись традиционно нежные отношения.

Поражает поспешность, с которой велось следствие. Обычно такого рода расследования велись годами, в лучшем случае — месяцами, а здесь дело ограничилось неделей: 8 ноября Монс был взят под стражу, а 15-го население было извещено, что на следующий день состоится экзекуция; действительно, 16 ноября палач отрубил голову несчастному камергеру.

Официально суд обвинил Монса в злоупотреблении доверием императрицы — за взятки он добивался от нее милостей просителям. Другая вина Монса состояла в казнокрадстве. Заметим, однако, что взятки, как и хищения казны, были не столь велики, чтобы лишить жизни виновного.

Скорая и жестокая расправа с красавцем дала основание слухам, что Монс казнен не за официально предъявленные ему обвинения, а за интимные связи с императрицей. Петр позволял себе нарушать супружескую верность, но не считал, что таким же правом могла владеть и Екатерина. Между супругами происходили бурные объяснения. Одну из таких сцен описал морской офицер на русской службе Вильбуа. Он не был ее свидетелем и передает рассказ некой фрейлины Екатерины. Согласно этому рассказу, императрица проявила необычную выдержку и внешне не высказала никаких признаков печали в связи с казнью фаворита. Напротив, ярости царя не было границ: «Он имел вид такой ужасный, такой угрожающий, такой вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось, было в конвульсиях. Он раз двадцать вынул и спрятал свой охотничий нож, который обычно носил у пояса... Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попадалось под руку. Наконец, уходя, он хлопнул дверью с такой силой, что разбил ее» (Никифоров Л. А. Записки Вильбуа//Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 225).

Царившее многие годы семейное согласие было нарушено. Только семейным разладом можно объяснить, почему предусмотрительный, склонный к прагматизму Петр не оставил завещания. Вельможам пришлось самим решать, кого объявить наследником.

Для полноты картины перечислим всех возможных претендентов на престол. Начнем с инокини Елены, томившейся 27 лет в монастырской келье, — Евдокии Федоровны Лопухиной, первой супруги царя. Шансов занять трон у нее не было: отрезанная от мира, состарившаяся в заточении, озлобленная, она не располагала силами, на которые могла опереться, если бы вдруг у нее проснулось честолюбие.

У Петра Великого было две дочери, обе внебрачные, родившиеся до венчания с Екатериной. Но дело не только в этом — и у старшей дочери Анны, и у Елизаветы отсутствовали притязания на трон. Анна Петровна была помолвлена еще при жизни Петра с герцогом Голштинским. В брачном контракте дочь отказалась от претензий на царствование не только за себя, но и за своих потомков. Что касается Елизаветы Петровны, то эта 15-летняя красавица, веселая и беззаботная, пока еще лишенная честолюбивых устремлений, стояла в стороне от политических интриг.

Реальных претендентов на трон было двое: овдовевшая супруга и внук Петра, сын погибшего царевича Алексея Петровича Петр Алексеевич. Коль Петр Великий не воспользовался правом назначить себе преемника, то в силу должен был вступить обычай наследования престола старшим в царствующей фамилии представителем мужского пола. Таковым был царевич Петр. Право его на трон было бесспорным, но лица, стоявшие у подножия трона, распорядились по-иному, и корона украсила голову Екатерины Алексеевны.

Тлевшая размолвка, правда пока в нерешительной форме, выплеснулась наружу. Среди вельмож четко обозначилось два лагеря, каждый из которых выдвигал своего кандидата на престол.

Представители родовитой аристократии — Долгорукие, Голицыны, Репнины — хотели видеть на троне одиннадцатилетнего Петра Алексеевича. Для них Екатерина оставалась прачкой, личностью недостойной не только занимать трон, но и находиться у его подножия. Для так называемой новой знати, порожденной преобразованиями, обязанной Петру чинами, богатством и властью, выбившейся из людей, как тогда было принято говорить, «подлородных», воцарение сына погибшего царевича могло не только положить конец карьере и благополучию, но и означать ссылку в далекую Сибирь. Меншикову, бесспорно, сверлила голову тревожная мысль о своей судьбе — его подпись стояла первой в приговоре вельмож и генералитета, обрекавших царевича Алексея на смерть. Хотя подпись П. А. Толстого под приговором и не стояла второй, но он великолепно знал свою вину перед сыном погибшего царевича — это его стараниями беглец Алексей Петрович был доставлен из Неаполя в Москву. Много ли хорошего могли ожидать от воцарения Петра Алексеевича генерал-прокурор Сената Павел Иванович Ягужинский, канцлер Гавриил Иванович Головкин, генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин и десятки других соратников Петра? Всех их объединял страх за свое будущее, поэтому они действовали куда более напористо и решительно, чем противостоявшая им знать. Этот же страх вооружал решительностью и Екатерину — ей и дочерям воцарение Петра Алексеевича грозило заточением в монастырской келье. Итак, в случае неудачи новая знать могла потерять все, в то время как сторонники воцарения Петра в царствование Екатерины могли ничего не потерять (как, впрочем, и приобрести).

Дмитрий Михайлович Голицын предложил компромисс: престол должен занять Петр, а регентшей до его совершеннолетия будет Екатерина. Граф П. А. Толстой, наиболее знатный интриган, отличавшийся к тому же незаурядным умом и проницательностью, сразу же обнаружил в предложении князя Голицына величайшую для себя и своих сторонников опасность, ибо в России отсутствовал закон, устанавливающий годы, по истечении которых отрок становился совершеннолетним. Вследствие этого, продолжал Толстой, заинтересованной стороне ничего не будет стоить провозгласить младенца совершеннолетним и от его имени править страной.

Сторонники Екатерины использовали ораторский дар Феофана Прокоповича, заявившего, что хотя покойный император и не оставил завещания, о чем по требованию присутствовавших объявил кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров, но воля Петра была выражена актом коронации супруги — именно ее, и никого другого, он считал своей преемницей, о чем заявил в доме английского негоцианта накануне коронования. Канцлер Г. И. Головкин подтвердил слова Феофана Прокоповича, и Меншикову осталось подвести итоги: воля царя священна, и ее надлежит свято выполнять.

В разгар дебатов раздалась барабанная дробь — у дворца стояли оба гвардейских полка.

— Кто осмелился привести их сюда без моего ведома? Разве я не фельдмаршал?

Гвардии подполковник Иван Иванович Бутурлин, выходец из старинного рода, но оказавшийся на стороне новой знати из-за того, что конфликтовал с президентом Военной коллегии Н. И. Репниным, нашелся что ответить фельдмаршалу и президенту:

— Я велел прийти им сюда по воле императрицы, не исключая и тебя.

Взвесив шансы соперничавших сторон, Репнин переметнулся в лагерь новой знати. В итоге скипетр оказался в руках Екатерины.

События, развернувшиеся во дворце в зимнюю ночь с 27 на 28 января, примечательны в двух отношениях: во-первых, они положили начало активному вмешательству гвардии в судьбы трона. Это вмешательство не сопровождалось кровопролитием, имевшим место в стрелецких бунтах предшествующего столетия, прежде всего потому, что гвардейские полки при Петре и его ближайших преемниках представляли однородную социальную силу с группировками, боровшимися за власть; во-вторых, участие гвардии в политических событиях позволяло торжествовать силе над правом. Незаконность восшествия на престол Екатерины была очевидной, но крючкотворы быстро составили от имени Синода, Сената и генералитета манифест, извещавший подданных, что они, руководствуясь Манифестом о ее коронации, провозгласили ее императрицей.

Екатерина Алексеевна была женщиной доброй, отзывчивой, готовой оказать помощь ближнему. Особенно часто к ее услугам прибегал Меншиков, которому без ее заступничества давно грозила виселица. Фельдмаршал русской армии Бурхард Христофор Миних отзывался о ней: «Эта государыня была любима и обожаема всей нацией благодаря своей врожденной доброте, которая проявлялась всякий раз, когда могла принять участие в лицах, попавших в опалу и заслуживших немилость императора... Она была поистине посредницей между государем и его подданными» (Безвременные временщики. Л., 1991. С. 41).

Перечисленных достоинств, однако, совершенно недостаточно, чтобы управлять обширной империей, и Екатерина становится марионеткой в руках светлейшего князя Меншикова. Единственным сенатором, пытавшимся противостоять полному засилью Александра Даниловича, был П. А. Толстой. Противоборство двух соперников за влияние на императрицу проходило с переменным успехом: то осиливал Меншиков, то большее доверие переходило к Толстому. Александр Данилович не мог состязаться в красноречии с Толстым, но у него было более существенное преимущество, которое он мог противопоставить ораторскому искусству: он стоял во главе вооруженных сил — Екатерина вернула фельдмаршалу управление Военной коллегией, которого его лишил Петр Великий.

У Толстого созрел план обуздать своеволие Меншикова: он убедил императрицу создать новое учреждение — Верховный тайный совет. Председательствовать на его заседаниях должна была императрица, а его членам предоставлялись равные голоса. Если не умом, то обостренным чувством самосохранения Екатерина понимала, что необузданный нрав светлейшего, его пренебрежительное отношение к прочим вельможам, заседавшим в Сенате, стремление командовать всем и вся, могли вызвать распри и взрыв недовольства не только у родовитой знати, но и среди тех, кто возводил ее на престол. Интриги и соперничество, разумеется, не укрепляли позиции императрицы. Но, с другой стороны, согласие Екатерины на создание Верховного тайного совета являлось косвенным признанием неспособности самой, подобно супругу, править страной. Парадокс Верховного тайного совета состоял в том, что в нем сочетались противоречивые чаяния лиц, причастных к его возникновению. Толстой, как сказано было выше, в Верховном тайном совете видел средство укрощения Меншикова. Эти ожидания разделяли Апраксин и Головкин. Но, как ни странно, идею создания Верховного тайного совета поддержал и Меншиков, видимо руководствовавшийся тремя соображениями: он прозевал шаги, предпринятые Толстым, а обнаружив их, счел, что противодействовать бесполезно. Более того, из нового учреждения он тоже намеревался извлечь выгоду — подмять под себя шесть членов Верховного тайного совета, считал он, легче, чем более многочисленный состав Сената. С Верховным тайным советом Александр Данилович связывал давнишнюю мечту — лишить прежнего влияния своего злейшего врага генерал-прокурора Сената Павла Ивановича Ягужинского. Поскольку Сенат был поставлен в подчинение Верховному тайному совету и из Правительствующего при Петре был низведен до Высокого, должность генерал-прокурора утратила прежнее значение.

Жизнь опрокинула надежды Толстого и его единомышленников — наибольшие выгоды от создания нового учреждения извлекли не они, а светлейший. Екатерина после организации Верховного тайного совета, по свидетельству Кампредона, якобы заявила, «что покажет всему свету, что умеет заставить повиноваться себе и поддержать добрую славу своего правления» (РИО. Т. 64. Сб. 1880. С. 256). Это обещание она намеревалась выполнить присутствием дважды в неделю на заседаниях Совета. Оба обещания повисли в воздухе прежде всего потому, что императрица не имела ни склонностей, ни способностей к правлению. Но даже если бы она имела их и располагала в полной мере, своего намерения она не могла реализовать из-за частых и продолжительных болезней — за время своего кратковременного царствования она неделями, а иногда и месяцами не покидала покоев.

В последние годы жизни Екатерина, некогда отличавшаяся богатырским здоровьем, выносливостью и физической силой, превратилась в рыхлую, невероятно располневшую даму, страдавшую от многочисленных хворей. Именно поэтому иностранные наблюдатели пророчили ей непродолжительное царствование. Это, однако, не удерживало императрицу ни от гастрономических излишеств, ни от соблюдения странного распорядка дня, когда она отправлялась ко сну в пять утра и таким образом день превращала в ночь. Не отказалась Екатерина и от удовольствия завести фаворита. Его обязанности выполнял совершенно пустой, но с привлекательной внешностью Левенвольде.

Все это благоприятствовало тому, что Меншиков постепенно прибрал к рукам Верховный тайный совет: будучи вхожим в покои императрицы, он навещал ее до начала заседаний и после них сообщал о принятых решениях. Заседания с мало значившей повесткой дня он игнорировал, а когда приходилось решать важные вопросы, он, ссылаясь на мнение императрицы, навязывал собственную волю. Этим притязания Александра Даниловича на власть не ограничились: он задумал осуществить дерзкий план породниться с царствующей династией. Понадобилось два года, чтобы перед глазами изумленных единомышленников, единым фронтом выступавших против воцарения Петра Алексеевича, он стал самым ревностным сторонником передачи короны двенадцатилетнему юнцу. Крутой поворот в отношении Меншикова к Петру был обусловлен намерением женить его на своей старшей дочери Марии.

Мария еще в марте 1726 года была помолвлена с сыном польского графа Сапеги. Светлейший исхлопотал Сапеге престижные пожалования: старшему — чин российского генерал-фельдмаршала и орден Андрея Первозванного, а будущему зятю — придворный чин камергера.

Флирт с Сапегами продолжался до тех пор, пока у князя окончательно не созрел роковой матримониальный план. Он был юридически закреплен в «Тестаменте» (завещании) Екатерины. Воля императрицы, несомненно навязанная ей светлейшим, состояла в том, чтобы наследником престола стал Петр и чтобы он непременно женился на одной из дочерей Меншикова (ПСЗ. Т. VII. № 5070. С. 789—791).

Как ни хранили тайну «Тестамента», особенно пункт о женитьбе Петра на дочери Меншикова, слух об этом все же просочился в вельможную среду и вызвал тревогу как у тех, кто был причастен к вынесению приговора отцу будущего императора, так и у тех, кто до этого втайне или ясно сочувствовал его воцарению. Обе группировки объединяла угроза превращения полудержавного властелина в полновластного правителя при малолетнем императоре. Лиц, в разное время имевших столкновения со светлейшим, одолевал страх за свое будущее. Руками императора крутой на расправу и злопамятный Меншиков мог причинить им множество неприятностей.

К Екатерине явились обе дочери, чтобы уговорить ее отказаться от обещания женить Петра на дочери Меншикова. В уговоры включился и П. А. Толстой, в энергичных выражениях напомнивший императрице о том, какой непоправимый вред она своим благословением нанесет себе, своему семейству и всем, кто способствовал ее восшествию на престол и теперь опасался Меншикова. Попытки склонить Екатерину отказаться от принятого ею решения оказались тщетными. Маньян доносил: «Ни мольбы принцесс, ни основательные соображения Толстого не могли воспрепятствовать Меншикову, после еще одной тайной борьбы с государыней об этом, получить от нее решительное подтверждение данного прежде согласия» (РИО. Т. 64. СПб., 1888. С. 525—530). Маньян не без основания полагал, что императрица, одобряя матримониальные планы Меншикова, руководствовалась эгоистическими соображениями и поступилась интересами собственных дочерей, ибо считала князя своим вернейшим слугой, который еще больше привяжется к ней и обеспечит спокойное царствование.

Меншиков пристально следил за действиями своих потенциальных противников и принимал энергичные меры, чтобы замысел довести до благополучного конца — обвенчать дочь. Главным его советником был Андрей Иванович Остерман. У этого деятеля был верный нюх, и он правильно рассудил, что в данный момент перевес сил на стороне светлейшего, и не скупился на советы, как достичь желаемого результата. В течение двух недель, предшествовавших смерти Екатерины, Меншиков встречался с ним семь раз. Что у Александра Даниловича были серьезные основания для того, чтобы беспокоиться о благополучном исходе матримониального плана, вытекает из дальнейшего хода событий.

24 апреля 1727 года, когда у смертельно больной Екатерины наступило облегчение, Меншиков, почти постоянно находившийся в ее покоях, добился от нее разрешения взять под стражу Антона Мануйловича Девиера, петербургского генерал-полицмейстера. Девиер доводился Александру Даниловичу свояком — был женат на его засидевшийся в девках родной сестре. Этот брак был заключен вопреки желанию князя, третировавшего денщика царя. Когда этот денщик осмелился просить руки уже находившейся в положении сестры, то по повелению Меншикова его высекли розгами, однако брак все же состоялся — такова была воля царя, которому пожаловался Девиер.

Отношения между родственниками складывались не лучшим образом: свояка Меншиков держал на отдалении и снисходил к нему лишь в тяжкие для себя времена, когда находился у царя в немилости. Тогда князь, надменный и высокомерный, готов был унижаться перед всяким, кто мог быть для него полезным, кто был вхож во дворец царя и его супруги и мог, как тогда говорилось, «представительствовать» у них.

Поводом для ареста послужило его непристойное поведение во дворце в один из дней, когда императрица переживала очередной кризис. Находившийся под винными парами Антон Мануйлович вел не соответствовавшие обстановке разговоры с царевнами Анной и Елизаветой, своими поступками вызывал смех у присутствовавших.

Когда вчитываешься в содержание документов следствия, которым негласно руководил сам светлейший, то создается впечатление, что предъявленное Девиеру обвинение являлось всего лишь предлогом для начала следствия, что был разыгран заранее разработанный сценарий, задача которого состояла не в том, чтобы в сети попала сравнительно мелкая рыбешка в лице обер-секретаря Сената Г. Г. Скорнякова-Писарева, генерал-полицмейстера А. М. Девиера и генерал-майора И. И. Бутурлина, а в том, чтобы там оказалась более значительная персона, способная реально сопротивляться планам князя, — П. А. Толстой. Именно его крови прежде всего жаждал светлейший.

Следствие обнаружило, что все привлеченные к нему обвиняемые не сомневались, что брак дочери с императором безгранично расширит власть честолюбивого князя, и обсуждали способы, как открыть на это обстоятельство глаза императрице и предотвратить угрозу превращения полудержавного властелина в полновластного повелителя страны. Дело ограничилось разговорами, никаких реальных шагов к реализации своего намерения обвиняемые так и не предприняли.

Меншикову без труда удалось отклонить удар — в день кончины императрицы, когда смерть как бы отступила от своей жертвы и к ней вернулось сознание, светлейший добился от нее согласия на суровое наказание обвиняемых. Главный его недруг П. А. Толстой был заточен в Соловецкий монастырь, где его содержали в неотапливаемой келье. Он сумел протянуть чуть больше полутора лет и 30 января 1729 года скончался на 85-м году жизни. Своего родственника Девиера, несмотря на мольбы его супруги, равно как и Скорнякова-Писарева неумолимый светлейший упек в ссылку, в Сибирь. Лишь Бутурлин отделался сравнительно легким наказанием — ссылкой в отдаленную свою вотчину.

Меншиков торжествовал победу, но это была пиррова победа. Казалось, путь к желанной цели ему удалось расчистить, и уже ничто не мешало осуществить честолюбивый план. В действительности расправой со своими бывшими союзниками Меншиков не укрепил, а ослабил свое положение, ибо оказался фактически в изоляции.

(Продолжение следует)

ВАДИМ ПЕЧЕНЕВ

ПРОЗА ВЛАСТИ

ЗАПИСКИ ПОМОЩНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС

Без уважительного, объективного, непредвзятого отношения ко всем сторонам минувшего бытия мы не только лишаемся корней, питающих нас соком живой истории. Мы вместе с тем лишаемся и социальных идеалов, без которых невозможно в моей стране, России, создание действительно демократической политической системы, т. е. системы, выражающей в структуре и характере деятельности своих институтов, организаций, партий не только экономические и социальные интересы, но и психологическое самочувствование и миросозерцание своего народа.

Для того чтобы понять свою историю, надо ее знать. Сейчас для меня несомненно: в атмосфере ожесточенной политической борьбы, всеобщего «прозрения-помутнения» снова творятся мифы о нашем прошлом. Причем не только о далеком (это как-то еще можно понять), но и о самом близком.

В 1975—1985 годах мне довелось работать на ответственных должностях в аппарате ЦК КПСС: лектором, консультантом, руководителем Группы консультантов в Отделе пропаганды ЦК КПСС, помощником Генерального секретаря К. У. Черненко по вопросам идеологии и культуры. Как профессиональному политологу, мне ближе всего проблемы власти, меня интересуют механизмы ее осуществления, а теоретический и практический опыт позволяет предложить читателям собственное видение политической системы тоталитарного государства. Начну с того периода, который наблюдал «изнутри»,— с брежневской эпохи.

В последние годы жизни Л. И. Брежнев и физически, и интеллектуально был не в состоянии руководить партией и страной. А тем более руководить единолично. В то же время нельзя сказать, что кто-то вертел им, как хотел, а сам Брежнев вообще перестал играть какую-то роль. Ситуация была более сложной и запутанной, более драматичной, если хотите, для такой великой державы, как наша.

Три человека из ближайшего окружения Л. И. Брежнева имели на него, по моим личным наблюдениям, особое влияние в конце 70-х — начале 80-х годов: М. А. Суслов, Ю. В. Андропов и К. У. Черненко. На первый взгляд, роль Суслова и Андропова была более заметной. Но при этом надо учитывать, что Черненко, во-первых, был человеком, который не любил, как говорится, высовываться, а предпочитал оставаться за «кулисами», тем более что и особыми «ораторскими» или «артистическими» способностями он не отличался. А во-вторых, будучи членом Политбюро и одновременно заведующим или куратором Общего отдела ЦК, через который не только «входили» и «выходили» все сколько-нибудь важные бумаги, партийные документы, но через который только и можно было войти (даже высшим чинам партии) в буквальном смысле к Брежневу, он имел свои каналы влияния на него. И каналы эти становились тем более надежными и прочными, чем более ухудшалось состояние здоровья Брежнева, которого стремились оградить от различного рода внешних воздействий, особенно «неприятных», а стало быть, старались «отфильтровать» не только поступающую к нему информацию, но и людей*. Да и аппарат ЦК КПСС в такой ситуации все в большей мере снизу доверху контролировался К. У. Черненко, который к тому же по необходимости стал выполнять функции своеобразного координатора работ высших органов партийно-государственной власти. Ведь кому-то надо было как-то оформлять, подытоживать принятые в Политбюро решения на основе определенного баланса сил и интересов небольшого, но влиятельного круга лиц**.

Фото Александра Назарова

К названной мною руководящей тройке или четверке (Брежнев+Суслов, Андропов, Черненко) вплотную примыкали министр обороны Д. Ф. Устинов и министр иностранных дел А. А. Громыко. Их ведомства (и, естественно, КГБ) играли ведущую роль в определении стратегических вопросов нашей политики. Именно эта шестерка и обладала к началу 80-х годов всей полнотой реальной власти в стране.

* Как стало известно теперь, даже вполне вроде бы здоровый М. Горбачев оказался в брежневской ситуации, когда его «столоначальником» стал «путчист» В. Болдин, а ближайшими советниками А. Яковлев, В. Медведев и др.

** Именно это и делалось (под руководством Черненко) прежде всего в Общем отделе ЦК. Понимая его значение, Андропов после перехода из КГБ в ЦК КПСС попытался прибрать этот отдел к своим рукам и «отключить» от него (по крайней мере, официально) К. У. Черненко.

Другие люди (не исключая даже премьера Тихонова) не имели, как мне кажется, такого, как они, влияния на нашу внутреннюю и внешнюю политику. Все сколько-нибудь заметные назначения и кадровые передвижения определялись, понятно, также здесь — в «святая святых» нашей тогдашней командно-административной системы. Отсюда в конечном счете исходили и тут же (еще чаще) глушились те импульсы, которые могли хоть как-то приспособить ее к реалиям жизни, дать ей удержаться на плаву.

Но смерть берет свое. Постепенно этот руководящий круг людей весьма почтенного, а точнее — престарелого возраста (самому «молодому» из них — Андропову — было в 1982 году 68 лет), стал сужаться, но желания расширять его не ощущалось. Стало быть, кандидаты на высшие посты в партии и государстве находились только тут.

Во всех случаях, отдавая должное позитивной деятельности Андропова, не могу, однако, его идеализировать. Второго, теперь уже советского, издания «пражской весны» он не только не поддержал бы, но просто не допустил бы. Приди он к власти не перед смертью, а лет этак на десять раньше, он мог бы, конечно, возглавить «аппаратный» вариант перестройки, как назвал его когда-то Г. Х. Попов. Но не больше, ибо другие варианты были, на его взгляд, из разряда революционных авантюр, а он был реалистом. Ю. В. Андропов являлся не только целиком и полностью «дитятей» своего времени, создавшей и выдвинувшей его командно-административной системы антикапиталистического типа. Он был, повторяю, реалистом в политике. И трактовал ее, я думаю, в классическом плане: как искусство возможного.

После смерти в январе 1982 года М. А. Суслова Андропов занял место второго лица в партийном руководстве, а после кончины Л. И. Брежнева в ноябре того же года был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, а затем и Председателем Президиума Верховного Совета СССР. На второе место в партийной иерархии передвинулся К. У. Черненко, а где-то с конца сентября 1983 года он, по сути дела, начал выполнять и функции первого лица в связи с резким ухудшением состояния здоровья Андропова, который скончался в феврале 1984 года. Поэтому, на удивление многим непосвященным в тайны нашего «мадридского двора», Генсеком вполне закономерно (по жестким законам аппаратной игры) стал 73-летний К. У. Черненко, несмотря на то, что его здоровье именно в это время вступило в критическую фазу. Но альтернативы ему в те времена не было. И какие бы легенды ни слагались сейчас насчет того, что Ю. В. Андропов видел своим преемником М. С. Горбачева (многие в аппарате, в том числе и автор этих строк, на это надеялись), его выдвижение на первое место тогда было нереальным. Аркадий Вольский, который был помощником Андропова, утверждает, что Генсек оставил «завещание»: написал (или продиктовал кому-то?), что просит поручить ведение Политбюро и Секретариата ЦК Горбачеву. Если это так, то меня лично все больше удивляет вопрос: зачем же тогда Андропов, опытнейший, прожженный политик, знающий все тонкости аппаратной игры, поставил (точнее — подставил!) Горбачева в столь сложное положение? Случайно (сказывалась болезнь) или сознательно? Тем более что, судя по всему, против его кандидатуры вероятней всего активно выступил бы такой влиятельный член Политбюро, как министр обороны Д. Ф. Устинов. Сам я прямых стычек между ними никогда не наблюдал (ни при обсуждении афганской проблемы, ни при рассмотрении вопросов развития военно-промышленного комплекса), хотя несколько ироническое отношение Устинова к некоторым выступлениям Горбачева на Политбюро проскальзывало.

Смерть (довольно неожиданная) Устинова в конце 1984 сузила до предела прежний круг властных людей в Политбюро. Количество здесь стало переходить в качество: создавалась иная ситуация, в которой шансы М. С. Горбачева заметно выросли. На него стал, безусловно, все больше работать и другой немаловажный факт. А именно то, что в феврале 1984 года на первом же официальном заседании Политбюро ЦК КПСС, как Генсеком стал Черненко, он сумел настоять на том, чтобы именно Горбачев вел заседания Секретариата, а в отсутствие Черненко — и заседания Политбюро. Я вместе с другими помощниками Черненко присутствовал на этой закрытой части заседания и хорошо помню, что предложение Черненко прошло «со скрипом». Против него выступил Тихонов, а также Гришин и Романов. А поддержал активно поначалу лишь Д. Ф. Устинов, хотя он действительно — еще раз подчеркну это — особых симпатий, скажем так, к Горбачеву не питал (об этом до меня не раз уже упоминал в печати и А. И. Вольский). В возникшей небольшой перепалке по этому вопросу «соломоново», компромиссное предложение (как и положено дипломату!) внес А. А. Громыко. В своеобразной своей манере (воспроизвести которую я вряд ли сумею — здесь надо обладать пером юмориста-сатирика!) он сказал примерно следующее: «Товарищи! Николай Александрович Тихонов внес, конечно, интересное предложение: вести заседания Секретариата ЦК КПСС по очереди*. Это очень демократично. С другой стороны, прав и Константин Устинович: Горбачев уже вел заседания Секретариата, и, говорят, это у него хорошо получается. Может быть, так поступим: пусть пока, временно, он и продолжает вести заседания. А там видно будет. Вернемся к этому вопросу еще раз, позже». Но временное у нас чаще всего и становится постоянным. К этому вопросу больше не возвращались. Более того, выждав, если не ошибаюсь, месяца 2—3, когда Романов находился, кажется, в отпуске, Черненко пересадил Горбачева на первое место за столом заседаний Политбюро по свою правую руку, перед Романовым. Увидев это, один из моих бывших коллег (помощники Генсеков обычно присутствовали как бы наравне с членами ПБ и секретарями ЦК при обсуждении всех вопросов повест-

* Как видите, ключевое для советской действительности понятие «очередь» и здесь прозвучало! Но реально оно могло означать лишь одно: «по очереди» должны были бы тогда вести Секретариат ЦК Горбачев и Романов, поскольку только они были не просто секретарями ЦК, но и членами Политбюро (возможно, право вести Секретариат ЦК можно было бы тогда распространить и на Гришина — как московский первый секретарь и член Политбюро, он часто присутствовал на этих заседаниях). Так что антигорбачевская направленность «демократического» предложения премьера Тихонова была очевидна.

ки дня, а иногда и стоящих «за повесткой») злорадно прошептал: «Ну, Романов, вернувшись из отпуска, будет очень «доволен» таким соседством».

Как я уже отмечал, в таком государстве, как наше, подобного рода детали — кто, где стоит и кто, где сидит — имели не только чисто символическое значение! Принятое тогда решение о том, кто будет вести заседания Секретариата ЦК, на которых решались или предрешались важнейшие вопросы жизни партии и страны, сыграло большую роль в судьбе и Горбачева, и, как показало время, всего советского государства. Это продвижение (неизвестное широкой публике) в глазах партийных кадров выглядело как важный шаг Горбачева (хотя и неполный) ко второй, высшей ступеньке в партийной иерархии. И этот факт даже сам по себе сыграл (по понятным причинам) весьма существенную роль в марте 1985 года, когда в рекордно короткие сроки (не прошло и суток после смерти Черненко) был созван Пленум ЦК КПСС.

Весьма распространено мнение о том, что со смертью Андропова и с приходом к власти Черненко был искусственно заморожен начатый Юрием Владимировичем процесс очищения общества, прежде всего борьба с коррупцией, другими негативными явлениями. Конечно, мне трудно исчерпывающим образом ответить на этот вопрос. И все же я бы не стал в угоду простенькой схеме бойких журналистов упрощать его, рассуждая примерно так: раз Черненко был другом Брежнева, то, придя к власти, он стал прикрывать его коррумпированных друзей. Андропов, как я уже подчеркивал, имел с Брежневым не менее тесные связи, а знал больше других. Да и Алиева с Романовым, которых сейчас обвиняют во всех смертных грехах, в том числе и в коррупции, именно Андропов в Москву пригласил...

Так вот, официально в первой же «тронной» речи Черненко в феврале 1984 года было заявлено о продолжении линии Андропова на укрепление социалистической законности, дисциплины и порядка. Дело о так называемой узбекской мафии, Рашидове — бывшем лидере Узбекистана, связанное, по мнению Гдляна и Иванова, с высшими «кремлевскими» чиновниками, публично было обнародовано именно при Черненко — летом 1984 года, хотя начато, тайно, при Андропове (кстати, Андропов еще был жив, когда в Узбекистане было принято решение об увековечении памяти Рашидова).

Или, скажем, дело Щелокова — бывшего министра МВД СССР. Он был выведен из состава ЦК КПСС «за крупные ошибки в работе» Андроповым в июне 1983 года (я присутствовал на том Пленуме). Но, к примеру, лишен правительственных наград (кроме полученных в годы войны), исключен из рядов КПСС он был при Черненко — в первой половине декабря 1984 года. Так что, повторяю, все здесь не так просто, если не пытаться подгонять нашу историю под простенькие шаблоны.

В то же время, конечно, при Черненко затормозилась борьба с негативными явлениями, жизнь несколько, скажем так, замерла. Связано ли это было с тем, что с конца 1984 года он, по сути дела, был при смерти или с какими-то специально отданными им «указаниями», — я лично не могу точно сказать. Ибо «указаний» таких я не знаю. Ведь не ко всем тайнам нашего «мадридского двора» помощники подпускались.

Учитывая, что период кратковременного правления Черненко — за исключением, быть может, первых нескольких месяцев его нахождения во главе партии и государства — был периодом, когда именно физиология отдельной личности порой определяла политику великого государства и великого народа, полезно, видимо, хотя бы вкратце, сказать об обстановке, когда Генеральным секретарем являлся умиравший, по сути дела, человек — «самый короткий» Генсек за всю советскую историю (13 месяцев). Обстановка эта не только прояснит некоторые особенности политической атмосферы того времени, действия и замыслы некоторых наших политических лидеров, но, может быть, когда-нибудь заставит и этих лидеров задуматься хоть на миг о своей действительной морали, о собственной совести, о душе, наконец!

Многие из нас, понимая всю тяжесть состояния здоровья Черненко в последние полгода его жизни, все же не до конца осознавали, как мало времени ему отведено (ведь «протянул» вроде бы безнадежно больной Брежнев лет пять в роли якобы активно действующего Генерального секретаря!). И мы пытались, как я теперь (да и тогда отчасти) понимаю, создавать видимость идеологической и политической жизни в стране. Пытались (не зная точно: хуже или лучше человек придет к власти) продвинуться к каким-то рубежам, от которых была бы лучше видна наша реальная жизнь.

Впоследствии я расспрашивал старого и близко знавшего (и по лучшим временам) помощника Черненко В. В. Прибыткова, как протекала его болезнь, кто принимал решения, явно ухудшавшие его состояние. И вот что он, в частности, рассказал: «Летом 1984 года К. У. Черненко, уже Генеральному секретарю ЦК КПСС, врачи предложили провести отдых на Северном Кавказе на государственной даче неподалеку от «Красных камней». Трудно сегодня судить о правомерности и пользе такого отдыха, учитывая, что Черненко постоянно страдал кислородной недостаточностью. Установки для приема кислорода были оборудованы и на даче, и в комнате отдыха его кабинета в ЦК. Рекомендовать ему в таком состоянии отдых в Приэльбрусье, на госдаче, расположенной на высоте более тысячи метров над уровнем моря, было, как мне кажется, по меньшей мере непродуманным делом. В первые же дни пребывания там состояние здоровья Константина Устиновича заметно ухудшилось. Прибывший вскоре в связи с этим Е. И. Чазов (тогда начальник Кремлевской больницы и зам. министра здравоохранения) несколько дней наблюдал состояние Генсека и принял решение сменить ему место отдыха. К. У. Черненко решили перевести на подмосковную дачу «Завидово». Всего на госдаче в Приэльбрусье он пробыл 12 дней. За это время он практически не выходил из помещения, не бывал на воздухе, а при отъезде его уже пришлось выносить на носилках.

В «Завидово» здоровье его хоть и медленно, но пошло на поправку, прежняя работоспособность постепенно возвращалась. По нескольку часов в день он работал с материалами Политбюро, готовился к очередному Пленуму ЦК. В это время члены Политбюро к нему в «Завидово» приезжали редко. Исключение, пожалуй, составлял лишь Д. Ф. Устинов. Отношения между Генсеком и министром обороны были весьма

дружескими и доверительными. Дмитрий Федорович, с присущими ему задушевностью, прямотой и обескураживающим юморком, подбадривал Константина Устиновича, поднимал ему настроение. Несомненно, Д. Ф. Устинов был надежной опорой генсека. И неожиданная, скоропостижная смерть маршала стала для Черненко тяжелым ударом».

Болезнь, исход которой, видимо, предчувствовал Генсек, полагает Прибытков, угнетала его, но в то же время подталкивала к работе подчас непосильной, неадекватной физическому состоянию. Он стремился, например, непременно председательствовать на заседаниях Политбюро, публично вручать награды, появляться на экране телевидения. Он уже нетвердо стоял на ногах, дышал тяжело, с хрипами, кашлял, все чаще принимал кислород. Но это все более и более его ожесточало. Он, казалось, всеми силами цеплялся за жизнь, старался показать окружающим, что он дееспособен, что он «у руля». Иногда даже создавалось впечатление (трудно поверить, что такое впечатление могло создаваться у медицинских светил во главе с Е. И. Чазовым), что Генсек все-таки выкарабкается и сможет по-настоящему встать в строй.

Однако к концу 1984 года состояние здоровья Генсека стало ухудшаться на глазах. Это ясно видели окружающие, но старались об этом не говорить. В западную прессу стали просачиваться сведения на эту тему. Было помещено несколько фотографий. На одной из них — охранник застегивает пуговицы на его плаще; на другой — ему помогают взобраться на ступеньки крыльца; на третьей — под руки вводят в дверь. Зрелище было удручающим.

«Что касается соратников Генсека по Политбюро, то у меня, — говорит Прибытков, — создавалось впечатление, что они как бы со стороны наблюдают за развивающимися событиями, за ухудшением состояния здоровья их лидера. Казалось, что интерес к его личности уже потерян, и то, что происходит, совершается помимо них, без их участия и совета.

Думается, к этому времени авторитет К. У. Черненко уже никого не волновал, никто не оберегал его, никто не хотел стать в его защиту не только как человека, занимающего высший пост в партии и государстве, но и как простого смертного. Увы, последние месяцы его жизни подтверждают это горькое заключение»*.

Взять хотя бы ту излишнюю суету и заорганизованность, которые сопровождали подготовку предвыборного выступления К. У. Черненко в феврале 1985 года. В данном случае и медицинским светилам, и всем окружающим было предельно ясно, что встречу Генсека с избирателями проводить невозможно. Он просто физически не мог в ней участвовать. Он умирал. И никакие сверхзаграничные стимуляторы уже не в силах были ему помочь.

С приближением срока предвыборного собрания обстановка все более накалялась. Московский горком, Куйбышевский райком партии г. Москвы готовили к этой встрече помещение недавно отстроенного киноконцертного зала, выступления избирателей, концерт мастеров искусств. Организационная машина была запущена и работала уже независимо от состояния здоровья того, во имя кого все это якобы делалось. А здоровье Генсека в январе 1985 года стремительно ухудшалось. Он с трудом передвигался, не мог подолгу стоять на ногах, дышал тяжело, с постоянными хрипами и кашлял. О каком публичном выступлении могла быть речь?

Однако подготовка к предвыборному собранию продолжалась по инерции. Рассматривался вариант возможного выступления кандидата сидя. Было даже дано задание изготовить для этого трибуну специальной конструкции. Наконец, был принят вариант предварительной записи в ЦКБ (больнице) предвыборного выступления К. У. Черненко и показа ее затем по центральному телевидению. Было несколько попыток такой записи, ни одна из которых не увенчалась успехом. Несмотря на мужественные попытки Константина Устиновича, он не смог выступать даже в течение 3—5 минут.

И здесь, как и ранее, ни у кого не нашлось мужества, чтобы вовремя принять разумное решение. Даже когда за несколько дней стало абсолютно ясно, что Генсек просто не в силах прибыть на встречу с избирателями, предвыборное собрание не отменили. Его перенесли в другое помещение и от имени кандидата в депутаты подготовленную для него речь зачитал собравшимся В. В. Гришин. И вновь никто не остановил этого странного мероприятия (председательствовал на нем М. С. Горбачев). Более того, буквально за считанные дни до кончины К. У. Черненко в ЦКБ была организована и заснята церемония голосования Генсека на выборах, вручения ему удостоверения депутата Верховного Совета РСФСР. И никто не попытался остановить этого. Напротив, член Политбюро В. В. Гришин принимал в организации этих горьких сцен непосредственное и деятельное участие. Было ли ему дано такое поручение или он по собственной инициативе проявлял усердие, сказать трудно. Если такое поручение было, то оно кажется очень странным. Если же его не было, то это кажется странным вдвойне. Так или иначе, последние полтора-два месяца жизни К. У. Черненко были для него горькими и драматичными.

Именно в такой политической, нравственной и, если хотите, психофизиологической атмосфере, при колеблющемся внутри Политбюро соотношении сил М. С. Горбачев, вступив в союз с последним членом прежней руководящей шестерки А. А. Громыко, сумел уже поздним вечером на заседании Политбюро 10 марта, через пару часов после смерти Черненко, прорвать круг престарелых членов нашего правящего ареопага, готовых как будто разыграть «гришинскую карту».

* Вот что писал в своих мемуарах А. А. Громыко. А они в данном случае, как говорят дипломаты, в комментариях не нуждаются — ни в политических, ни тем более моральных. «К. У. Черненко я знал иа протяжении двадцати лет. Заслуживает, вероятно, внимания такой факт. Дия за три до кончины, почувствовав себя плохо, он позвонил мне:

— Андрей Андреевич, чувствую себя плохо... Вот и думаю, не следует ли мне самому подать в отставку?.. Советуюсь с тобой...

Замолчал, ожидая ответа. Мой ответ был краткнм, но определенным:

— Не будет ли это форсированием событий, не отвечающим объективному положению? Ведь, насколько я знаю, врачи не настроены так пессимистично.

— Значит, не спешнть?..

— Да! Спешить не надо, это было бы неоправданно, — ответил я.

Мне показалось, что он был определеино доволен моей реакцией» (Громыко А. А. Памятное. М.: Политиздат, 1987. Т. 2. С. 392—393).

МАРК ВОЛОЦКИЙ

«Я НЕ ДЛЯ ПРИБЫЛЕЙ ЗАТЕЯЛ ЭТО ДЕЛО...»

М. С. Трофимов.

Шла первая мировая война. Прокат иностранных картин был резко сокращен, интерес же к кинематографу был огромен. Так, если в 1913 году фильмы в России создавались 18 фирмами, то в 1914 году их стало 31, а в 1915—1916 годах — 47. Соответственно, в 1914 году было выпущено 232 фильма (большей частью полнометражные), в 1916 году — 499 фильмов. Как явствует из справочника «Вся кинематография», изданного в 1916 году, в Москве фильмы снимали 23 фирмы.

Товарищество «Русь» основал костромской купец Михаил Семенович Трофимов. Что двигало им, когда он затевал новое для себя дело? Стремление нажиться на кинематографе или покрасоваться в элитарной среде? Ни то ни другое. Ему, выходцу из крестьян-старообрядцев, хотелось, используя уникальные возможности кинематографа, заботиться о культуре народа. И это позволяет поставить Трофимова в один ряд с такими людьми, как братья Третьяковы, Мамонтов, Бахрушин, Морозов, Ханжонков...

Первый материал рубрики «Слово о кинематографе», которую ведет киновед Марк Волоцкий, см.: Родина, 1991. № 11—12.

Вот как характеризует Михаила Семеновича его сподвижник по «Руси», заведующий производством фирмы, Моисей Никифорович Алейников:

«Трофимов был очень своеобразный русский человек. Из мальчиков на побегушках в каком-то торговом предприятии Костромы этот человек постепенно становится подрядчиком-строителем. Самоучка, горячий, страстный и пытливый человек, Трофимов очень любил театр и к искусству относился благоговейно. Он никогда не связывал своей биографии и своих мечтаний, чтобы нажить что-нибудь кинематографом — кинематограф для него был делом искусства, делом святым... В области кинопроизводства это был своеобразный меценат... Трофимов вел как бы двойную жизнь. Проведя строительный сезон в Костроме и заработав некоторую сумму денег, он приезжал в Москву, организовывал постановку фильма, и вскоре должен был опять отправляться в Кострому за подкреплением.

В 1916 году он построил в Москве ателье на Бутырской улице и с этого момента начал организовывать постоянное производственное предприятие...

В тот зимний день, когда в числе приглашенных на торжественное «освящение» довольно примитивного деревянного здания ателье «Русь» присутствовал и я, ателье было жарко натоплено, и никому в голову не приходило, что через два года здесь будут репетировать в шубах и валенках...

Дельцы-кинематографисты Трофимова серьезно не принимали, считали «чудаком», но относились с уважением.

Еще бы не чудак! «Я не для прибылей затеял это дело... Считаю кощунством наживаться на искусстве! На жизнь зарабатываю подрядами, а кинематограф полюбил крепко и хочу, чтобы русская картина превзошла заграничную, как русская литература и русский театр...» Этими словами закончил Трофимов свою недлинную речь вслед за аллилуйей церковного хора, завершившей торжество открытия новой кинофабрики...»

В годы ранней российской кинематографии сходные задачи воплощали на экране режиссеры Яков Протазанов, Владимир Гардин, Евгений Бауэр, Всеволод Мейерхольд и другие.

А. А. Санин.

Но существовал и иной, как, впрочем, и в наши дни, взгляд на кинематограф. Его с журналистской бойкостью сформулировал в 1915 году на страницах «Русских ведомостей» корреспондент Вл. Жаботинский:

«Пробовали говорить громкие слова о том, что кинематограф будет важным воспитательным преобразовательным фактором. Блеф. Кинематограф живет главным образом драмой «потрясательного» содержания. Его сила и приманка — прыжок с аэроплана в автомобиль, перестрелка с бандитами на крыше курьерского поезда и т. д. Наконец, есть просто «детектив-фильмы», и с каждым днем они становятся популярнее».

Именно в этом кинематографе, где преобладали подобные устремления («Деньги нам нужны, а не идеи», — утверждали многие владельцы кинотеатров), купцу Трофимову, не имевшему ни опыта в производстве картин, ни собственного съемочного павильона, предстояло помериться силами.

Убежденный старовер, Трофимов благословил идею — снять фильм по «Волжским легендам» Е. Чирикова (написаны в 1911 году), в котором главным был бы мотив пророчества и неизбежности прихода в безбожный порочный мир Антихриста (сценарий получил название «Девьи горы»).

Съемки этого фильма (они начались летом 1917 года) стали первой работой в кино Александра Акимовича Санина. Карьеру свою он начинал актером, сорежиссером К. С. Станиславского, а в 1902—1907 годах работал в Александринском театре; затем вступил в зарубежную антрепризу С. П. Дягилева и поставил в 1908 году на сцене парижской «Гранд-Опера» «Бориса Годунова» с участием Ф. И. Шаляпина. Так что в коллектив «Руси» Санин пришел уже опытным театральным режиссером.

Фильм «Девьи горы» (его отличал сложный сюжет, сводившийся к поискам Иудой и Сатаной «девы непорочной», которой, как оказалось, нет ни в среде блестящих аристократов, ни в бедной слободе, ни даже среди дев-воительниц) был закончен в 1918 году, но так и не получил допуска на экраны. И лишь однажды, в 1921 году, и только в одном городе — Петрограде — фильм был показан широкой аудитории.

Вслед за «Девьими горами» Санин снимает в «Руси» фильмы «Поликушка» (по Л. Н. Толстому) и «Сорока-воровка» (по А. И. Герцену), укрепившие его режиссерский авторитет.

Фильм «Поликушка» стал выдающимся достижением «Руси», своеобразным итогом ее тесных творческих контактов с Московским Художественным театром. Успех был значим вдвойне, ибо «Поликушка», как и другие созданные в 1918—1919 годах фильмы, снимался в тяжелейших условиях: неотапливаемые павильоны, катастрофическая нехватка пленки. Вот как об этом вспоминал в 1935 году на встрече старых кинематографистов в институте кинематографии М. Н. Алейников:

«Всего пошло на фильм «Поликушка» примерно 2.200—2.300 метров пленки. Фильм имеет метраж 2.000 метров. Отсюда понятно, какой был процент брака в те времена...*.

Один из самых сложных эпизодов — базар — снимался за Москвой-рекой, где был найден старый рынок, на котором разбили палатки. Это была самая большая массовка в фильме... Часам к 12 дня обнаружили, что пленки не хватает и неизвестно, чем будем в этот день расплачиваться с актерами, так как нет денег... Пленки осталось метров 40, а нужно было метров 70, тогда я взял фотографии из уже отснятых эпизодов «Поликушки» и поехал в мистеру Дону — директору представительства фирмы «Кодак» в Москве... Мы не получали от «Кодака» пленку, так как выдавалась она только организациям, с которыми у фирмы были старые договоры.

Когда я рассказал мистеру Дону, что фильм «Поликушка» ставится силами Художественного театра, он спросил: «Чего же вы хотите?» Я сказал: «Мне нужно 60 метров пленки». Мистер Дон открыл несгораемый шкаф и со словами: «Пожалуйста. В таких случаях я всегда могу вас выручить» — вынул оттуда и вручил мне запечатанную коробку с 60 метрами пленки...»

Так, несмотря ни на какие препятствия, талант художников, их преданность искусству одержали победу — и какую! Фильм «Поликушка» вошел в историю отечественного кинематографа как первая картина, получившая мировое признание. Впереди была слава «Броненосца «Потемкина» и «Матери»...

В стен х «Руси» собрался на редкость талантливый коллектив художников-единомышленников, сложившийся как из художников школы МХАТа, так и из пришедших из других киноколлективов и уже зарекомендовавших себя молодых режиссеров, операторов, художников.

Первый вышедший на экраны фильм «Руси» — «Дочь истерзанной Польши» — был поставлен режиссером Александром Чаргониным. До кинематографа он был актером московского театра К. Незлобина. В кино дебютировал в 1914 году, поставив в «Русском кинематографическом товариществе» фильм «Сорванная роза». Как киноактер в том же 1914 году он дебютировал в фильме Е. Бауэра «Немые свидетели» (Акционерное общество А. Ханжонкова).

В «Руси» Чаргонин поставил 13 фильмов и как актер участвовал в создании 10 лент.

Активно работал в «Руси» режиссер Е. А. Петров-Краевский, бывший трагик петроградского Народного дома, стоявший у истоков отечественной кинематографии — в первом русском художественном фильме «Понизовая вольница» («Стенька Разин и княжна») он сыграл главную роль. Его режиссерский дебют состоялся в 1914 году в фирме А. Дранкова (кинодрама «Позор XX века»/«Ужасы европейской войны 1914 года»/ и «Кошмар современной жизни»).

А люди божiи стекались
о святымъ обителямъ.

Кадры из фильма «Девьи горы»

Режиссер Александр Аркатов, поставивший в «Руси» 9 фильмов, среди которых «Невский проспект» и «Катерина-душегубка» («Леди Макбет Мценского уезда»), начинал в Московском отделении фирмы братьев Пате, где в 1912 году поставил по своему сценарию фильм «Бог мести».

Владислав Старевич пришел в «Русь» режиссером, прославившимся созданием в фирме Ханжонкова семи мультфильмов, пользовавшихся необыкновенным зрительским успехом.

Юрий Желябужский, успешно дебютировавший в «Руси» как режиссер в фильме «Царевич Алексей» (1919 г.) и активно работавший в этом коллективе с 1917 года как оператор, ранее уже имел опыт работы в других киноколлективах как ассистент режиссера и оператор.

Опытным мастером пришел в 1917 году в «Русь» и Н. П. Маликов, начавший работу в кинематографе в 1915 году в кинофирме В. Венгерова и В. Гардина в качестве режиссера (фильм «Гранатовый браслет») и актера (фильм «Дикарка»).

В воспоминаниях художника С. В. Козловского, написанных на склоне лет, запечатлены характерные для ранних лет кинематографа сценки поведения на съемочных площадках режиссеров «Руси» А. Чаргонина и Н. Маликова.

«Горластый режиссер (иногда с рупором), — вспоминает Козловский, — кричал во все легкие, пытаясь перекричать гудение и шипение юпитеров. Режиссеры были разные и по своему темпераменту, и по постановке голоса. Например, А. Чаргонин рычал, как лев, подавая команду актерам:

— Приготовились!

— Начали!

— Общее веселье!

— Дамы, улыбайтесь!

— Выход!

Его голос был слышен даже на улице(...)

Режиссер Н. Маликов был неудержим в движениях. Часто во время съемки он попадал в кадр, заставляя операторов прекращать работу. Во избежание таких случаев он нередко просил кого-нибудь из рабочих держать его за полу пиджака и не пускать дальше аппарата...»

Шла война, и люди, определяющие художественную политику и практику «Руси», несомненно, разделяли убеждения их великого современника Л. Н. Толстого, «что на этой дикости самой ужасной культурной, и потому самодовольной, вырастают все ужасы, в том числе

* Практически фильм снимался без дублей. Случай редчайший в практике мирового кино. — *М. В.*

и война». Купец Трофимов, будучи человеком религиозным, хотел, используя возможности кинематографа, вернуть душу человека, сдвинутую грянувшим веком металла и извращенных ценностей, на ей одной принадлежащее место и по-толстовски, сердцем, призвать людей «стараться жить по душе, по-Божьи, по учению Христа, а не по учению мира».

С этой целью Трофимов дает зеленую улицу прежде всего фильмам, трактованным со староверческих позиций, чего он не мог сделать до Февральской революции из-за запретов церковной цензуры.

После февраля 1917 года этой преграды уже не существовало, и с благословения Трофимова в «Руси», вслед за «Девьими горами», был запущен в производство ряд картин религиозной направленности. В эту серию вошли фильмы: «Лгущие богу» (о «хлыстах», режиссер А. Чаргонин), «Белые голуби» (о «скопцах», режиссер Н. Маликов), «Бегуны» (о секте «бегунов», режиссер А. Чаргонин), «Лжемасоны» (второе название «Калиостро», режиссер В. Старевич), «Масоны» (из жизни русских масонов екатерининской эпохи, режиссер А. Чаргонин). Этот сериал «Руси» пользовался успехом у зрителей и вниманием прессы.

9 сентября 1919 года Александр Блок сделал отметку в «Записной книжке»: «Вечером мы с Любой в кинематографе. Фильм «Руси» («Хлысты»)...*

Как сообщал в 1922 году журнал «Кино», «из лент, выпущенных «Русью» за границей в 1918—1919 годах, пользуются успехом ленты: «Иола» с участие Гзовской и Гайдарова, «Масоны» в постановке А. А. Чаргонина».

Чтобы еще больше заинтересовать зрителя синематографом, стала опробоваться и практика приглашения на один фильм сразу нескольких знаменитых актеров. Так, в картине «У камина», поставленной режиссером П. Чардыниным в фирме Харитонова и выпущенной на экраны в марте 1917 года, снимались три «звезды» — Вера Холодная, Витольд Полонский, Владимир Максимов. Невероятный успех фильма побудил фирму снять его продолжение «Позабудь про камин, в нем погасли огни».

В 1976 году на киностудию имени М. Горького, предшественницей которой была фирма «Русь», пришло письмо от пенсионерки из Ташкента Веры Федоровны Бедновой:

«В этом году, т. е. в 1976-м, 30 сентября, мне исполнилось три четверти века. И вот я вспоминаю, в 1918 или 1919 годах, я видела картину «У камина». Когда шла эта картина, на сцене певица пела романс:

Ты сидишь одиноко
и смотришь с тоской,
как печально камин догорает...

И так, вероятно, куплета два или три, я уже забыла. В те годы играли артисты Полонский, Мозжухин, Вера Холодная, Рындина. Эти артисты были любимцами публики.

Вот эта картина «У камина» мне запечатлелась, как и «Анна Каренина».

Витольд Полонский с дочерью Вероникой в фильме «Бал господень» (экранизация песни А. Вертинского).

* «Хлысты» — второе название фильма «Лгущие богу».

У вас, наверное, найдутся мои ровесники, которые должны помнить картину «У камина».

Ввиду вышеизложенного, мне бы хотелось знать, не сможете ли вы поставить или возобновить эту картину. А также, чтобы этот романс спела ваша певица».

Если спустя почти шесть десятилетий зрители так вспоминают синематограф их юности, если такие фильмы, как «У камина», и на закате дней служат им какой-то душевной опорой, значит, чего-то да стоил тот жанр в раннем синематографе, который мы со снисхождением определяем как салонные мелодрамы.

Названия драм и мелодрам с эмблемой «Руси» были впечатляющими: «Не разум, а страсти правят миром», «Грех и искупление», «Была без радости любовь», «На что способен мужчина», «Загубленная жизнь» («Да, жалок тот, в ком совесть нечиста»).

Большой финансовый успех сопутствовал уголовной кинодраме «Скальпированный труп» («Инженер-авантюрист»), снятой «Русью» в 1917 году по материалам сенсационного процесса известного авантюриста инженера Гилевича.

Но главным направлением в деятельности «Руси» было заложенное в нее купцом Трофимовым, инженером Алейниковым и активом мхатовцев, сотрудничавших со студией, наряду с экранным воплощением религиозной тематики, обращение к классике.

Так, были экранизированы повести Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» («Катерина-душегубка»), Гоголя — «Невский проспект», Пушкина — «Метель», Герцена — «Сорока-воровка», Л. Толстого — «Божеское и человеческое» («Долой смертную казнь»), Жулавского — «Иола», рассказ Джека Лондона — «По ту сторону «щели» («Две души») и др.

Для кинематографа, между тем, наступала новая эра. А коллектив «Руси» с 1924 года становится кинематографическим органом организации «Международная рабочая помощь» и получает наименование «Межрабпом-Русь» (ныне киностудия имени М. Горького). Но об этом — в одном из последующих материалов нашей рубрики «Слово о кинематографе».

М. Н. Алейников с сестрой.

БЕЛЫЕ ГОЛУБИ*
(либретто)

«Сто лет тому назад, в мрачную эпоху аракчеевщины, когда слабовольный император Александр, увлекавшийся мистическими исканиями, был лишь слепым орудием в руках фаворита — народ тщетно искал духовной пищи. Эпоха угнетения была эпохой возникновения бесчисленного множества религиозных сект, среди которых ярко загорелась звезда скопчества, секты «белых голубей», быстро выросшей из учения сильного духом, властного по натуре — пророка «скопческого бога» Кондратия Селиванова.

Гонимые Синодом, преследуемые полицией Московского губернатора князя Волконского, скопцы не переставали собираться и устраивать в Первопрестольной свои мистически-мрачные «радения». В доме богатого купца Солодовникова помещался их «Сион» и под тайным покровительством масона и друга государя, министра духовных дел князя Голицына, происходили их собрания. Все большее и большее число ищущих правды духовной слеталось к огню скопческих светильников, и ни перед чем не останавливался «пророк» Селиванов и его ученики, чтобы беспрестанно привлекать в сети своего учения новые и новые жертвы.

Были расставлены хитрые сети скопцов и в доме самого князя Голицына. План удался, и племянница князя, Людмила, невеста молодого офицера Виктора Бассаргина, сделалась новым орудием в руках скопцов. Страсть к молодому сектанту Алексею овладела девушкой, и Людмила, не рассуждая, пошла за ним.

Между тем, враги секты не дремали. Во время одного из «радений» нагрянула полиция, и «белые голуби» были арестованы. Селиванова не спасло заступничество Людмилы, присутствовавшей на «радении», — их «пророк» был сослан в Суздальский монастырь и заточен в казематах, где по десяткам лет томились прикованные цепями смелые люди, не смирившие своего вольного духа(...)

Людмила не могла оставить в беде «учителя»... и, с целью спасти Селиванова, она потребовала от ослепленного страстью Виктора его документы и офицерскую форму. Под фамилией поручика Бассаргина, Алексей отправился для сопровождения Селиванова в Суздальский монастырь, откуда и устроил побег «пророка».

Вновь Селиванов на свободе, и снова собирается уже в Петербурге скопческий «корабль» для своих мистических «радений» (...)

На «Сион» надвигалась новая гроза. Ярым противником Кондратия Селиванова был архимандрит Юрьево-Новгородского монастыря Фотий, подвижничеством и борьбой с сектантством снискавший себе славу ревнителя православия. Фотий вел аскетический образ жизни и, приезжая в Петербург, останавливался в нарочито устроенной для него келье в подвале дворца боготворившей его графини Орловой-Чесменской, где, страдая от постоянного ревматизма и никогда не снимаемых тяжелых вериг, проводил время в посте и молитве, ложась для краткого сна в жесткий дубовый гроб.

Митрополит петербургский Серафим, как и весь Синод, не мало притеснений терпевший от князя Голицына, и Аракчеев, злобствовавший на Голицына за любовь к нему государя, поручили Фотию воздействовать на Александра.

11 марта, в годовщину убийства Павла, Фотий отправился к царю со словами обличения. Смелая речь фанатика Фотия, изнуренное постом и изъязвленное тяжелыми веригами тело монаха, которое случайно открылось взорам царя, поразили Александра, и царь земной пал ниц перед служителем царя небесного.

Участь секты была решена. Александр подписал указ об отставке князя Голицына и дал Аракчееву свободу расправиться с Селивановым.

Напрасно Голицын умолял свою племянницу ехать к царю ходатайствовать за «пророка». Людмила, вслед за Алексеем изверившаяся в истине учения Селиванова, отказалась помочь скопцам. Подвергнув «еретические» книги торжественному сожжению и предав анафеме богоотступников-скопцов, Фотий во главе полицейского караула отправился арестовать Селиванова.

Скопцы были захвачены во время «радения».

Селиванов, видя, что «Сион» погиб окончательно, зажег занавески трона, на котором восседал во время «радения», и под проклятия исступленного Фотия погиб в пламени.

* Печатается по тексту: «Кино-газета», № 12, март 1918 г.

ИЗ ПИСЕМ А. А. САНИНА А. А. БЛОКУ (16/29 АВГУСТА 1918 г. и 3/16 СЕНТЯБРЯ 1918 г.)

Дорогой Александр Александрович! Жестокие условия жизни бросили меня в кинематограф. Сейчас я кончил громадную картину по сценарию Е. И. Чирикова. Не жалею, что я взялся за эту работу. Я всегда любил широкую аудиторию, а ныне считаю необходимым говорить с толпой и в самую ее гущу бросать и правду, и красоту, и семена человечности... Здесь в «Руси» чудесные люди, широкие, добрые, любящие и искусство, и литературу, и Россию, и ее будущее. С ними приятно и любо работать.

Хозяев тут двое — Михаил Семенович Трофимов и Моисей Никифорович Алейников. Сочетание случайное, но и удивительно удачное... Трофимов — самородок, начинал с «мальчиков», талантом, умом, кипучей энергией вышел в люди. Настоящая «натура». Смесь широты, огня, размаха богатырского с какой-то застенчивостью, чисто славянской скромностью и мягкостью. Я изверился в русского человека за последние месяцы, но, встретившись с Трофимовым, вновь поверил и в русскую натуру, и в настоящее, и будущее России. Алейников — инженер, мягкий, вдумчивый, истинно культурный человек. И как они добавляют друг друга — у одного все — талантливо, все по интуиции, у другого все взвешено, все добыто разумом и пытливостью. Любят здесь искусство, литературу, всякое проявление «таланта» и «талантливого» ужасно, и в этом смысле — для нас, пролетариев, работников-батраков, это золотое дно.

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

ФОТОГРАФИИ НЕ ДЛЯ ЦАРЯ

«Чем более развивается какая-либо наука, искусство, или даже ремесло, тем более оно детализируется... и тем менее становится возможным одному человеку охватить всю данную науку, искусство, ремесло... Если кто-либо при современном развитии фотографии скажет мне: «я занимаюсь фотографией», то это для меня будет общая фраза, ровно ничего не объясняющая...» — так писал в 1908 году издатель и редактор самого популярного в России фотографического ежемесячника «Фотограф-любитель» С. М. Прокудин-Горский.

Действительно, к началу века фотография уже сильно дифференцировалась, прошло время универсалов, которые могли все. И тем не менее были исключения, к ним смело можно отнести и автора приведенных выше слов. Замечательный фотомастер, химик, имеющий солидную подготовку (достаточно сказать, что он был учеником Д. И. Менде-

леева, стажировался в немецких университетах), пионер цветной фотографии в России, автор многих уникальных «картин в натуральных красках» (об этом уже писал наш журнал — см. «Родина», 1990, № 2), активный деятель V (фотографического) отдела Императорского русского технического общества (РТО), автор многих популярных пособий по светописи — Сергей Михайлович Прокудин-Горский был одной из самых заметных фигур на российском фотографическом небосклоне.

К сожалению, его богатейший архив волею судеб оказался за границей. Но нет худа без добра — он остался цел, и в 1980 году американский историк Роберт Альсхауз из маленького городка на берегу озера Эрио заинтересовался работами нашего соотечественника, хранящимися в Библиотеке Конгресса, и издал альбом под названием «Фотографии для царя», репродукциями из которого мы тогда

и проиллюстрировали уже упомянутый материал.

Сегодня мы хотим познакомить читателей с еще одной гранью деятельности замечательного соотечественника. В Петербурге, где жил и работал Сергей Михайлович в начале века, на Большой Подьяческой улице в доме № 22 он открыл «художественную фотоцинкографию». Подобных заведений в ту пору в столице насчитывался не один десяток, но лаборатория Прокудина-Горского отличалась от других тем, что ее специализацией была цветная печать.

В рекламных объявлениях значилось: «Работа в красках. Трех- и четырехцветная печать. Изготовление художественных плакатов. Изготовление открытых писем в красках с натуры. Печать золотом. Точное воспроизведение в красках всевозможных научных работ...» В лаборатории изготавливались клише и печатались серии иллюстраций для книг и периодических изданий. Здесь была выпущена подборка ве-

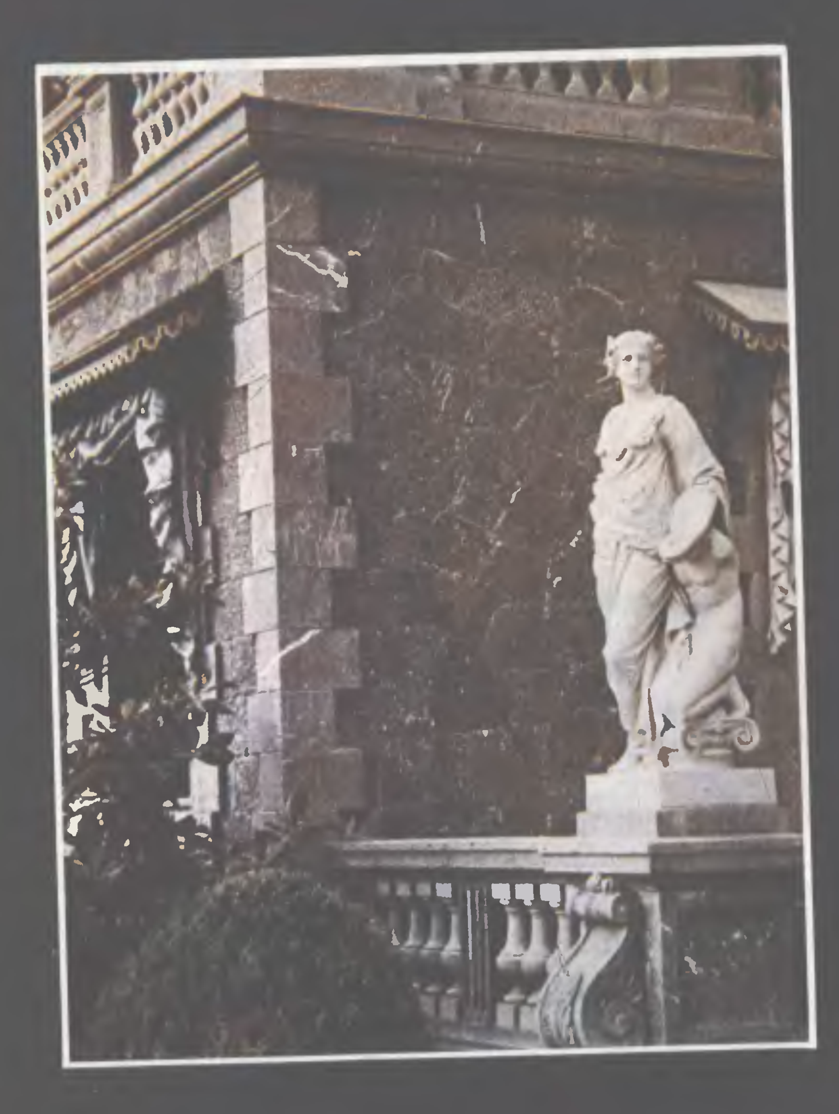

ликолепно выполненных репродукции с картин русских художников, хранящихся в собрании Музея Александра III (Русский музей),— то был первый опыт издания цветных воспроизведений одной из крупнейших коллекций российских живописцев от Семирадского до Нестерова.

Для более широкой публики С. М. Прокудин-Горский выпускает подборки и отдельные «открытые письма» с живописных полотен модных в ту пору живописцев. Не обладавшие высокими художественными достоинствами, они тем не менее пользовались большой популярностью. Но наиболее интересной, на наш взгляд, является выпущенная в 1907 году серия «открытых писем в красках с натуры» с видами России. Она насчитывала 89 сюжетов — Новый Афон и Сайменский канал, Ялта и Кисловодск, средняя полоса России и Карелия, виды Санкт-Петербурга и жанровые сцены: «Сиротки», «Крестьянские дети», «У околицы»...

Надо сказать, что в отличие от других издателей, пользовавшихся услугами наемных фотографов, Сергей Михайлович делал все сам — сам снимал, сам изготавливал печатные формы и сам распространял тираж. В этюде «Весенний мотив» его привлекает необычная цветовая насыщенность талой воды, создающая почти объемное ощущение от этого мартовского пейзажа. Серебряное кружево заиндевелых берез на фотокартине «Погост», лаконичная строгость композиции в открытке «У Ай-Тодора», послеполуденная тишина северного озера «Финляндия (этюд)», живописная неспокойность крымского пейзажа «Перед грозой» — все это говорит о таланте фотографа-пейзажиста, умеющего видеть и слышать природу.

Именно эти открытки вместе с фотографиями родных и близких увозили с собой те, кто вынужден был покинуть Россию в тяжелую годину. Настало время познакомить с ними и наших читателей.

Сдано в набор 06.06.93. Подписано к печати 22.09.93. Формат 84x108$^1/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 95 000 экз. Заказ № 845 Цена в розницу — договорная, 40 руб. по подписке.
Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.